Н. Карѣевъ.

ФИЛОСОФІЯ
КУЛЬТУРНОЙ И СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ
НОВАГО ВРЕМЕНИ
(1300—1800).

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ XIX ВѢКА

(Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV — XVIII вѣковъ).

Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1902.

SF560
K23

828

Н. Карѣевъ.

К23

ФИЛОСОФІЯ
КУЛЬТУРНОЙ И СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ
НОВАГО ВРЕМЕНИ
(1300—1800).

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ XIX ВѢКА.

(Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ).

Изданіе 2-е.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1902.

85 5

11 К

„Ціна 38“

3127

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловія ко второму и къ первому изданіямъ	V
Вступленіе	1
I. Очеркъ соціальныхъ отношеній новаго времени	35
II. Политическій строй новыхъ вѣковъ.	51
III. Средневѣковое міросозерцаніе	65
IV. Сущность гуманистическаго движенія	79
V. Культурное значеніе религіозной реформаціи	92
VI. Соціальная и политическая сторона реформаціи. . . .	110
VII. Культурная и политическая реакція	129
VIII. Старые государственные и общественные порядки. . .	148
IX. Характеристика Просвѣщенія XVIII в.	162
X. Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція .	180
Содержаніе отдѣльныхъ томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“	201

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ перепечатываемомъ дальше предисловіи къ первому изданію этой книжки объяснено ея происхожденіе. Она была написана, какъ résumé трехъ первыхъ томовъ моей „Исторіи Западной Европы въ новое время", на страницы которой въ первомъ изданіи книжки и дѣлались обильныя ссылки, страшно пестрившія текстъ книжки. Послѣднее обстоятельство представляло для читателя нѣкоторое внѣшнее неудобство, съ которымъ онъ могъ еще мириться, пока по этимъ ссылкамъ онъ еще легко могъ находить въ „Исторіи Западной Европы" необходимые ему факты, обобщенія и соображенія. Теперь, когда въ рукахъ читателей имѣются два изданія названнаго труда, страницы которыхъ уже не совпадаютъ, пришлось бы еще болѣе испестрить книжку двойными указаніями, и потому я предпочелъ совсѣмъ ихъ устранить. Пусть читатель знаетъ только, что въ настоящемъ очеркѣ каждое утвержденіе можетъ быть фактически подтверждено от-

дѣльными мѣстами „Исторія Западной Европы въ новое время“. Для тѣхъ читателей, которые не имѣли въ рукахъ этого послѣдняго труда и не намѣрены къ нему обращаться, я только прибавлю, что съ основными фактами, знаніе которыхъ мною предполагается у читателя извѣстнымъ, онъ можетъ познакомиться изъ двухъ моихъ „учебныхъ книгъ“ (средневѣковой и новой исторіи), если, конечно, тѣ или другіе факты оставались ему неизвѣстными изъ прежнихъ историческихъ чтеній.

Являясь résumé первыхъ трехъ томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“, настоящая книжка вмѣстѣ съ тѣмъ должна была служить и введеніемъ въ исторію XIX в., которая была намѣчена для слѣдующихъ томовъ „Исторіи Западной Европы“. Послѣ перваго изданія этого введенія вышли въ свѣтъ IV и V томы упомянутаго сочиненія, содержащіе въ себѣ изложеніе событій и развитія политической, соціальной и культурной жизни Запада до 1870 г. Авторъ предполагаетъ издать и VI томъ, въ которомъ событія будутъ доведены до самаго конца только что истекшаго столѣтія, но раньше онъ намѣренъ написать такое же résumé IV и V томовъ, которое составитъ „философію исторіи XIX вѣка“ и будетъ служить введеніемъ въ исторіи послѣдняго тридцатилѣтія.

Что касается до теоретическаго пониманія исторіи, то послѣ перваго изданія настоящей книжки оно, конечно, не могло у меня перемѣниться. Прибавлю только, что за эти годы вопросъ о теоретическомъ пониманіи

исторіи вызвалъ у насъ большіе споры, которымъ я посвятилъ цѣлую книжку подъ заглавіемъ „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“. Эти споры и вызваны были именно экономическимъ матеріализмомъ, который, между прочимъ, отнесся самымъ отрицательнымъ образомъ къ личному и идейному началу исторіи, т.-е. къ тому самому принципу, съ точки зрѣнія котораго написана вся эта книжка. „Философію исторіи XIX в.“ мнѣ придется, вѣроятно, начать какъ-разъ съ изображенія экономической революціи на рубежѣ XVIII и XIX в., и тамъ будетъ показана вся важность именно экономическаго вопроса для XIX вѣка. Прибавлю, что уже во время написанія настоящей книжки я имѣлъ въ виду распространеніе у насъ теоріи экономическаго матеріализма (см. стр. 21 и слѣд.), но тогда названная теорія еще не успѣла провозгласить своего отрицательнаго отношенія къ роли личности въ исторіи. Впрочемъ, за послѣднее время среди самихъ представителей экономическаго матеріализма начался такой разбродъ мнѣній, который подрываетъ самыя основы теоріи и дѣлаетъ до извѣстной степени излишнимъ продолженіе полемики съ ихъ исторической философіей.

17 ноября 1901 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Когда я кончилъ весною нынѣшняго года работу надъ тремя томами своей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, у меня явилось желаніе резюмировать въ небольшомъ историко-философскомъ очеркѣ то, что представляетъ собою самое основное, главнѣйшее и наиболѣе существенное въ общей исторіи Запада за время, разсмотрѣнное въ этихъ трехъ томахъ, именно за пять вѣковъ, протекшихъ отъ конца крестовыхъ походовъ до французской революціи. Лѣтній досугъ, деревенская тишина и самое свойство работы позволили мнѣ въ очень короткое время исполнить эту задачу. Составляя эту книжку, я имѣлъ въ виду не только облегчить читателямъ моей „Исторіи Западной Европы въ новое время“ пониманіе основныхъ линій всего построенія новой исторіи, даннаго въ этомъ трудѣ, не только вмѣстѣ съ тѣмъ составить общее введеніе въ исторію XIX вѣка, которая будетъ служить продолженіемъ уже изданныхъ томовъ,

но и вообще дать краткій и по возможности цѣльный очеркъ культурнаго и соціальнаго развитія Западной Европы въ наиболѣе интересную съ образовательной точки зрѣнія эпоху. Мною уже были нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданы краткія „Введенія въ курсы исторіи новаго“ и „новѣйшаго времени“, которыхъ давно нѣтъ въ продажѣ, но на которыя, повидимому, спросъ есть, такъ какъ у меня не разъ освѣдомлялись о томъ, когда же я намѣренъ переиздать эти книжки: надѣюсь, что выпускаемый теперь общій историко-философскій обзоръ новой исторіи вполнѣ замѣнитъ прежнія „Введенія“, а ихъ въ настоящее время я не думаю перепечатывать, такъ какъ не хотѣлъ бы это дѣлать безъ переработки, послѣдняя же могла бы быть произведена только въ духѣ этой, только-что мною написанной книжки.

Предисловіе обыкновенно бываетъ послѣсловіемъ: помѣщается оно передъ текстомъ, а пишется послѣ. Пересматривая свою рукопись тотчасъ же по ея окончаніи, я могу только сказать, что почти не вышелъ изъ тѣхъ рамокъ, которыя себѣ предначерталъ, и, повидимому, выдержалъ тотъ тонъ, въ какомъ началъ, до конца: мнѣ именно хотѣлось написать небольшую книжку и придать ей характеръ цѣльности по основной идеи и развитію этой идеи въ отдѣльныхъ главахъ, изъ которыхъ каждая должна была составлять небольшое цѣлое. Мнѣ хотѣлось, далѣе, представить исторію Западной Европы въ новое время, какъ нѣчто единое, цѣльное и общее, не раздѣленное на исторіи отдѣльныхъ народовъ и обосо-

бленныхъ одна отъ другой эпохъ, какъ то именно общее, что изъ исторіи многихъ народовъ дѣлаетъ одну исторію и связываетъ частныя эпохи въ цѣлый большой отдѣлъ всемірной исторіи, и этой цѣли, думается мнѣ, я достигъ. Мнѣ хотѣлось еще въ это обобщенное представленіе путей, которыми шло культурное и соціальное развитіе Запада съ XIV в. по XIX в., вложить и извѣстное теоретическое пониманіе исторіи, развитое мною въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, въ „Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи“ и въ нѣкоторыхъ послѣднихъ историко-философскихъ статьяхъ; не знаю, насколько мнѣ это удалось при сложности и трудности затронутыхъ вопросовъ и незначительности того мѣста, какое имъ по необходимости пришлось отвести.

Считаю нужнымъ еще прибавить, что я нарочно исключилъ изъ своего изложенія всю исторію образованія государственныхъ территорій и національностей, исторію международныхъ отношеній, войнъ и мирныхъ договоровъ, союзовъ между государствами и группировокъ, существовавшихъ между державами въ разныя эпохи: ни „General sketch of history of Europe“ Фримана [1]), ни „Vue générale de l'histoire politique de l'Europe“ Лависса не были моими образцами, когда я составлялъ планъ настоящей книжки, въ которой какъ-разъ выдвинуто на первый планъ то, что̀ совершенно или почти отсутству-

[1]) См. рус. пер. (подъ ред. Я. Г. Гуревича) „Общій очеркъ исторіи Европы“.

етъ въ названныхъ трудахъ англійскаго и французскаго историковъ [1]), но я имѣлъ въ виду и существованіе этихъ двухъ сочиненій, какъ сжатыхъ обзоровъ той стороны исторической жизни, которая исключена изъ моего очерка.

Исторія подобна большой картинѣ съ множествомъ фигуръ въ очень сложной комбинаціи. Объ этой картинѣ вы можете дать понятіе, снявъ съ нея, по возможности, точную, хотя и уменьшенную копію, съ тѣми же красками, какъ и въ оригиналѣ; можете дать понятіе также и въ гравюрѣ безъ красокъ, но съ отдѣлкой деталей, и въ рисункѣ съ менѣе тщательной обработкой подробностей, и въ бѣгломъ эскизѣ; можете, наконецъ, дать о картинѣ понятіе, разсказавъ о ея содержаніи безъ пояснительнаго даже чертежа, который воспроизводилъ бы дѣйствительное размѣщеніе фигуръ; настоящая книжка и есть такой разсказъ, передающій только общій смыслъ такой картины, а сама она совсѣмъ и не срисовывается. Кто хочетъ видѣть именно ее самоё, тотъ въ этомъ очеркѣ ничего не найдетъ, но зато, быть можетъ, настоящая книжка окажетъ помощь желающему ориентироваться въ сложной композиціи и пестрой въ окраскѣ картины, уже ему извѣстной по тѣмъ или инымъ копіямъ.

25 мая—3 іюня 1893.

---

[1]) Кромѣ того, у Фримана на исторію XIV—XVIII вв. и притомъ не въ одной Западной Европѣ отведено лишь около 80 стран. (137—219), а у Лависса около 90 очень маленькихъ страничекъ (109—190).

ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Единство западно-европейской исторіи. — 2. Общее представленіе о ходѣ историческаго развитія на западѣ Европы. — 3. Всемірная исторія и культурно-историческіе типы. — 4. Мѣсто Западной Европы въ исторіи прогресса. — 5. Различная оцѣнка основныхъ свойствъ западно-европейской цивилизаціи. — 6. Ростъ личности въ новое время. — 7. Духовныя стремленія и матеріальныя потребности личности. — 8. Характеръ новаго политическаго и общественнаго развитія. — 9. Общій взглядъ на новую исторію.

---

1. Западная Европа, населенная народами романскаго и германскаго происхожденія, — къ которымъ въ культурномъ отношеніи примкнули еще западные славяне и венгры, — представляетъ собою отдѣльный историческій міръ, обособившійся въ началѣ среднихъ вѣковъ извнѣ, а внутри, наоборотъ, объединившійся на общей исторической почвѣ Западной Римской имперіи и постояннаго взаимодѣйствія между отдѣльными его народами въ своей цивилизаціи. Со времени завоеванія Римомъ юго-запада Европы этотъ міръ — въ какихъ бы отношеніяхъ онъ ни находился въ разное время къ другимъ мірамъ — живетъ общею жизнью, и хотя Западная Римская имперія политически распалась на отдѣльныя государства, къ которымъ примкнули и совсѣмъ новыя страны, и хотя въ

этнографическомъ отношеніи возникшій изъ нея западно-европейскій историческій міръ состоитъ изъ нѣсколькихъ одна отъ другой обособленныхъ національностей, тѣмъ не менѣе развитіе гражданственности и образованности составляющихъ его государствъ и народовъ совершалось повсюду приблизительно по одному и тому же пути. Въ исторіи романо-германскихъ націй мы дѣйствительно наблюдаемъ много общихъ чертъ, объясняющихся изъ возникновенія новыхъ государствъ на одной и той же почвѣ и изъ постояннаго между ними взаимодѣйствія. Можно даже сказать, что, кромѣ исторіи Западной Европы, какъ суммы частныхъ исторій Англіи, Германіи, Испаніи, Италіи, Франціи и т. д., существуетъ еще исторія Западной Европы, какъ единаго цѣлаго, потому что многія ея явленія были общими для всѣхъ или для большей части народовъ, населяющихъ эту часть свѣта. Отвлекаясь мыслью отъ всего, что составляетъ элементъ національнаго разнообразія въ этой исторіи, и обобщая, наоборотъ, сходныя черты въ жизни отдѣльныхъ народовъ, мы имѣемъ полное право создать себѣ нѣкоторое общее представленіе о западно-европейской культурно-соціальной эволюціи, которое, конечно, не будетъ въ точности соотвѣтствовать развитію духовнаго и общественнаго быта ни одной страны, въ отдѣльности взятой, но зато дастъ намъ понятіе о томъ, какъ вообще развивался западно-европейскій типъ общества.

2. Мы сказали, что многое общее въ исторіи отдѣльныхъ народовъ Запада объясняется ихъ постояннымъ взаимодѣйствіемъ. Есть вообще три способа объяснять существованіе общихъ чертъ въ культурныхъ и соціальныхъ формахъ двухъ или нѣсколькихъ народовъ, т.-е. или допуская прямое заимствованіе однимъ народомъ у другого, или приписывая этимъ формамъ происхожденіе

изъ одного источника, или, наконецъ, становясь на точку зрѣнія общихъ законовъ, въ силу которыхъ сходныя условія создаютъ и сходныя слѣдствія. Заимствованіе однимъ народомъ у другого играло въ исторіи Запада весьма важную роль: въ немъ-то и заключалась одна очень существенная сторона того взаимодѣйствія, о которомъ только-что сказано. Конечно, въ данномъ отношеніи значеніе отдѣльныхъ народовъ не было равносильно, и одни изъ нихъ болѣе вліяли на другіе, нежели сами испытывали какое-либо вліяніе, а съ другой стороны, каждый вносилъ въ это взаимодѣйствіе нѣчто иное, чѣмъ всѣ остальные. Вотъ почему, составляя себѣ общее представленіе о ходѣ западно-европейскаго развитія, мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ тѣ націи, которыя были вообще наиболѣе вліятельными, иногда же и одну только какую-либо націю, оказавшую въ томъ или другомъ отношеніи особое вліяніе на остальныя. Тѣмъ легче было западно-европейскимъ народамъ дѣлать заимствованія другъ у друга, что къ этому ихъ располагала общая основа ихъ цивилизаціи, сама вмѣстѣ съ тѣмъ бывшая, какъ мы видѣли, другою причиною повторенія въ исторіи отдѣльныхъ народовъ однѣхъ и тѣхъ же чертъ. Правда, и въ этомъ отношеніи наблюдается разнообразіе между отдѣльными націями, потому что въ ихъ исторіи общія черты повторяются не всегда и не вездѣ одинаково, т.-е. не однѣ и тѣ же черты въ одной совокупности, а тѣ же самыя — далеко не въ тѣхъ же комбинаціяхъ, такъ что общія правила постоянно подлежатъ исключеніямъ и притомъ въ разныхъ случаяхъ разнымъ, но если мы будемъ имѣть въ виду хотя бы лишь такія черты, которыя наблюдаются въ исторіи большинства странъ или, по крайней мѣрѣ, однѣхъ главныхъ націй, и если станемъ при этомъ

отмѣчать единичныя или частныя исключенія, то мы все-таки получимъ довольно вѣрное представленіе о нѣкоторомъ среднемъ пути, въ большей или меньшей близости отъ котораго шло развитіе всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Понятно, что ближе всего, такъ сказать, къ этой воображаемой линіи находились пути развитія націй, получившихъ болѣе, чѣмъ другія, изъ общаго наслѣдства, жившихъ въ болѣе тѣсномъ общеніи между собою, ранѣе, чѣмъ остальныя, развивавшихъ у себя новыя культурныя и соціальныя формы и увлекавшихъ своимъ вліяніемъ болѣе отсталыхъ на свою историческую дорогу. Въ послѣднемъ отношеніи важна не большая или меньшая близость того или другого историческаго пути отъ нашей идеальной линіи западно-европейскаго развитія, а бо́льшая или меньшая быстрота движенія въ общемъ направленіи этой линіи. Дѣло именно въ томъ, что извѣстная историческая перемѣна, объясняющаяся изъ общихъ условій, наступаетъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ раньше, чѣмъ въ другихъ, и нація, въ томъ или иномъ отношеніи опередившая остальныя на общемъ имъ всѣмъ пути, тѣмъ самымъ и для нихъ прокладываетъ дальнѣйшую дорогу, помогая имъ уже однимъ своимъ примѣромъ совершить то, что и безъ такого примѣра могло бы и должно бы было случиться при извѣстныхъ условіяхъ. Если бы даже взаимодѣйствіе между отдѣльными націями и отличалось большею равномѣрностью и если бы болѣе равномѣрно было распредѣлено между ними общее имъ всѣмъ культурное наслѣдіе, то другія условія ихъ существованія, каковы, напримѣръ, разныя условія географическія и этнографическія, все-таки должны были бы вносить въ ихъ исторію большое разнообразіе, что и наблюдается въ дѣйствительности на исторіи отдѣльныхъ странъ За-

падной Европы. Эти условія, создаваемыя всею матеріальною средою, въ которой совершается дѣятельность человѣка, равно какъ прирожденными свойствами племени, населяющаго страну и т. п., съ одной стороны, не столько уже различны на западѣ Европы, чтобы не представлять и общихъ чертъ, способствующихъ установленію здѣсь нѣкотораго однообразія историческаго развитія, а съ другой, оказываются при развивающейся цивилизаціи не настолько могущественными, чтобы противодѣйствовать объединенію народовъ въ общихъ культурно-соціальныхъ формахъ. То, что въ Западной Европѣ есть общаго въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, должно было бы и помимо взаимодѣйствія между народами или существованія у нихъ общаго культурнаго наслѣдства приводить къ образованію болѣе или менѣе сходныхъ между собою историческихъ формъ, которыя потомъ и стали бы развиваться приблизительно одинаковымъ образомъ, т.-е. въ большей или меньшей близости отъ извѣстнаго общаго типа. И въ самомъ дѣлѣ, многія сходныя черты въ исторіи западно-европейскихъ народовъ объясняются не заимствованіями одними народами у другихъ и не общею основою ихъ цивилизаціи, перешедшей къ нимъ по преемству отъ Римской имперіи, а большимъ или меньшимъ сходствомъ ихъ жизненныхъ условій, кромѣ, конечно, дѣйствующихъ всегда и вездѣ законовъ всякаго культурнаго и соціальнаго развитія.

Отнюдь не ставя себѣ задачи выясненія этихъ законовъ, дѣйствующихъ повсюду и всегда, гдѣ и когда только наблюдается духовное и общественное развитіе, не имѣя также ни малѣйшаго намѣренія говорить объ общихъ географическихъ, этнографическихъ и иныхъ условіяхъ, создавшихъ изъ Западной Европы отдѣльный

культурный міръ и предначертавшихъ, такъ сказать, параллельные историческіе пути для разныхъ его народовъ, мы обратимъ все наше вниманіе на то общее въ ихъ исторіи, которое является результатомъ, съ одной стороны, всемірно-исторической преемственности, а съ другой—внутренняго взаимодѣйствія самостоятельныхъ частей этого міра.

3. Извѣстная публицистическая школа, создавшая въ нашей литературѣ свою собственную философію исторіи, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей провозгласила (около четверти вѣка тому назадъ) теорію культурно-историческихъ типовъ, раздѣливъ на такіе типы все историческое человѣчество и рѣзко противопоставивъ въ Европѣ другъ другу два типа — западный, католическо-протестантскій, романо-германскій и восточный, православный, греко-славянскій [1]). Теорія эта, которая была расчитана на то, чтобы содѣйствовать охраненію самобытности восточнаго типа, объявляемаго въ ней за наиболѣе совершенный, отъ западнаго вліянія, признаваемаго, наоборотъ, за нѣчто пагубное, въ основѣ своей отрицаетъ культурное объединеніе человѣчества путемъ исторической преемственности цивилизаціи и взаимодѣйствія между народами одной и той же исторической эпохи, т.-е. отрицаетъ очевидность въ угоду предвзятой мысли. Развивая логически основныя положенія теоріи, мы должны были бы признать въ культурно-историческихъ типахъ своего рода изначальныя и самобытныя единицы, рѣзко однѣ отъ другихъ отграниченныя и одна въ другую непереходящія, несоединимыя между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ нераздѣлимыя цѣлыя, подобныя схола-

[1]) *Н. Я. Данилевскій.* Россія и Европа. См. нашу критику этой книги въ статьѣ „Теорія культурно-историческихъ типовъ“ (въ книгѣ „Историко-философскіе и соціологическіе этюды“, изд. 2).

стическимъ сущностямъ или біологическимъ видамъ по старому на нихъ взгляду. Такими именно типами рисуются въ теоріи романо-германскій и греко-славянскій историческіе міры Европы. Несомнѣнно, между этими мірами исторія выработала существенныя черты различія, но оба они на самомъ дѣлѣ являются лишь неодинаково видоизмѣненными продолженіями одного греко-римскаго историческаго міра, да и черты различія уже сильно сглаживаются между ними: такъ воды одной и той же рѣки, встрѣчая на пути своего теченія островъ, временно раздѣляются на два рукава и опять сливаются въ одномъ руслѣ, миновавъ раздѣлившую ихъ преграду. Взаимодѣйствіе между отдѣльными народами, поставленными въ удобныя для того условія, совершаетъ выработку нѣкоторой болѣе универсальной цивилизаціи, а народы, позднѣе выступающіе на историческое поприще, подпадаютъ подъ вліяніе болѣе старыхъ націй и часто, приходя къ нимъ на смѣну, продолжаютъ по-своему начатое ими дѣло, въ чемъ и заключается такъ-называемая историческая преемственность. Обособленіе, совершающееся въ силу тѣхъ или другихъ причинъ,—какъ это, напримѣръ, произошло съ Западной Европой въ средніе вѣка или со старою Русью, благодаря церковному раздѣленію, отрѣзавшему ее отъ Запада, и татарскому нашествію, прервавшему ея сношенія съ Византіей, такое обособленіе, конечно, способствуетъ выработкѣ извѣстнаго типа, имѣющаго чисто мѣстный характеръ, но свойства дѣйствительной исконности и полной самобытности такому типу можно приписывать только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы передъ эпохой замкнутости, какъ въ Китаѣ, не существовало эпохи болѣе широкаго общенія. Въ нашей Европѣ періоду обособленія двухъ типовъ предшествовалъ долгій періодъ греко-римскаго объединенія всего цивилизован-

наго міра, бывшаго своего рода синтезомъ всѣхъ древнихъ культурно-историческихъ типовъ, и обѣ половины Европы получили изъ этого міра общее наслѣдіе, которое особенно и сдѣлало возможнымъ новое объединеніе, когда историческія условія позволили и Западу, и Востоку выйти изъ своей замкнутости и обособленности. Во всемірной исторіи совершается постоянно соединеніе элементовъ, первоначально одинъ другому чуждыхъ, и разъединеніе элементовъ, уже жившихъ одною общею жизнью: первый процессъ ведетъ къ прогрессивному объединенію человѣчества, второй, наоборотъ, является процессомъ прямо регрессивнымъ. Древнія всемірныя монархіи, — старыя азіатскія царства, сдѣлавшіяся добычей греко-македонскаго завоеванія, которое распространило эллинизмъ по странамъ культурнаго Востока, и вошедшія потомъ въ составъ еще болѣе обширной Римской имперіи, — это широкое распространеніе греческой цивилизаціи, подчинившей себѣ и Римъ, это образованіе Римской имперіи въ трехъ частяхъ свѣта вокругъ Средиземнаго моря равно какъ ея обращеніе въ единую вѣру и возникновеніе въ ней вселенской церковной организаціи, — вотъ тѣ этапы, по которымъ шло объединеніе передовой части человѣчества, сопровождавшееся выработкой универсальной цивилизаціи, сдѣлавшейся общею основою и романо-германскаго, и грекославянскаго культурно-историческихъ типовъ. Въ средніе вѣка достигнутое единство было разрушено: исламъ оттор гъ отъ него азіатскія и африканскія области, начавъ грозить самой Европѣ, а въ Европѣ образовались, благодаря историческимъ обстоятельствамъ, два міра — западный и восточный, изъ которыхъ каждый имѣлъ особую судьбу и развилъ свои особенности, не теряя, однако, связей своихъ съ тою общею почвою, которую предста-

вляли для него античная образованность и христіанство. Можно ли послѣ этого говорить о полной самобытности романо-германскаго и греко-славянскаго міровъ и объ исконности существующихъ между ними различій, дѣлающихъ будто бы невозможнымъ объединеніе ихъ на общей, болѣе широкой почвѣ?

4. Та же самая историко-философская школа, создавая изъ романо-германскаго и греко-славянскаго міровъ двѣ рѣзко различающіяся историческія противоположности, стремится представить одинъ изъ нихъ, какъ такой, которому не только невозможно, но и не слѣдуетъ дѣлать никакихъ заимствованій у другого, ибо онъ, міръ этотъ, именно міръ греко-славянскій, представляетъ изъ себя высшій культурный типъ, сравнительно съ другимъ, съ романо-германскимъ типомъ. Оставивъ въ сторонѣ отторгнутыя исламомъ азіатскія и африканскія области Римской имперіи, сдѣлавшіяся послѣ кратковременнаго блеска арабской цивилизаціи добычею варварства, посмотримъ, куда направилось, такъ сказать, съуженное русло всемірно-историческаго процесса. На Востокѣ мы видимъ дряхлѣющую Византію со всѣми признаками внутренняго застоя, теряющую одну изъ своихъ провинцій за другою, на время завоеванную западными крестоносцами, наконецъ падающую подъ ударами турецкаго варварства; видимъ славянскія государства на Балканскомъ полуостровѣ, начинающія складываться довольно поздно и очень рано оканчивающія свое существованіе, также завоевывающіяся турками; видимъ Русь, весьма удаленную отъ цивилизованнаго міра, лишь въ концѣ X вѣка принимающую христіанство, отрѣзывающуюся отъ Византіи полудикими кочевниками, подчиняющуюся на два съ половиною вѣка татарскому игу, все разобщенную съ Западомъ, благодаря вѣроисповѣдному различію; видимъ

Литву, до конца XIV вѣка остающуюся языческою; видимъ финскія племена, игравшія роль только этнографическаго матеріала. Другое дѣло — Западъ: здѣсь раньше совершились образованіе новыхъ національностей и принятіе христіанства варварами; здѣсь мусульманскіе завоеватели не имѣли того успѣха, какой встрѣтилъ ихъ на Востокѣ; отсюда впервые Европа начала выступать, какъ организованная сила, которой въ новое время суждено было и культурно, и политически стать во главѣ всѣхъ частей свѣта; здѣсь же, наконецъ, въ то время, когда Литва была языческой, Русь томилась подъ монгольскимъ игомъ и падали предъ турецкимъ завоеваніемъ южные славяне и Византія, уже начиналось новое духовное движеніе, создавшее современную цивилизацію. Какъ бы мы ни гадали относительно будущаго, по отношенію къ прошлому и настоящему мы должны признать, что изъ двухъ рукавовъ, на которые въ началѣ среднихъ вѣковъ раздѣлилось европейское историческое теченіе, значеніе главнаго русла принадлежитъ рукаву западному, и что романо-германскій міръ съ большимъ правомъ, чѣмъ греко-славянскій, можетъ называться наслѣдникомъ древней цивилизаціи, наиболѣе универсальной, какая когда-либо существовала до возникновенія цивилизаціи современной.

Начало среднихъ вѣковъ было временемъ значительнаго регресса во всѣхъ частяхъ передового историческаго міра, образовавшагося вокругъ Средиземнаго моря. Его единство было, какъ мы видѣли, расторгнуто, связи между его частями ослабѣли, вездѣ произошло пониженіе культурнаго уровня, — частное взяло верхъ надъ общимъ, мѣстное и временное надъ универсальнымъ и непреходящимъ въ этой цивилизаціи, вырабатывавшейся нѣсколькими народами въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Евро-

пейскій Западъ не избѣгъ общей участи, обособился и замкнулся; образованность и у него пришла въ упадокъ, и даже одно время арабская наука стояла далеко впереди западно-европейской. Но тотъ же Западъ первый и началъ выходъ изъ этого состоянія, сдѣлавшись продолжателемъ объединительной и цивилизаторской дѣятельности греко-римскаго міра. Возрожденіе и Реформація являются поворотными пунктами въ исторіи Запада, имѣющими несомнѣнно всемірно-историческое значеніе. Средневѣковая католико-феодальная культура, проникнутая мѣстными и временными вліяніями романо-германскаго міра, подвергалась критикѣ съ болѣе универсальныхъ и непреходящихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ стали открываться и болѣе широкіе умственные горизонты. Историческое развитіе личности подняло Западъ на ту культурную высоту, на какую давно уже никто не становился, и общественная жизнь выдвинула людей, которымъ сдѣлалось слишкомъ тѣсно въ рамкахъ ограниченнаго мѣстными и временными условіями средневѣковаго горизонта. Возрожденіе и Реформація были какъ бы возвращеніемъ къ самимъ источникамъ европейской цивилизаціи, къ античной древности и первоначальному христіанству, изсякшимъ и исказившимся въ средніе вѣка, — къ тому, что было наиболѣе универсальнаго и непреходящаго въ этихъ источникахъ. Классическая литература въ рукахъ гуманистовъ и Библія въ рукахъ протестантовъ сдѣлались двумя главными орудіями въ борьбѣ съ отжившими свой вѣкъ соціально-культурными формами, но и та, и другая могли получить такое значеніе, лишь благодаря тому, что народилась личность, сознательно противопоставившая свое я внѣшнему міру и потребовавшая возрожденія и преобразованія жизни на новыхъ началахъ. Это-то и было за-

логомъ дальнѣйшаго прогресса, къ которому стали пріобщаться и другіе народы. Если въ средніе вѣка западноевропейскій міръ подготовлялся къ роли главнаго дѣятеля во всемірной исторіи прогресса, преимущественно благодаря своимъ общимъ историческимъ условіямъ, то въ новое время онъ и въ дѣйствительности сталъ такимъ дѣятелемъ въ силу совершающейся въ немъ энергичной работы мысли въ области наиболѣе универсальныхъ и непреходящихъ идей. Культурно-соціальныя формы, какъ готовые результаты дѣйствія мѣстныхъ и временныхъ условій, не вездѣ и не всегда могутъ быть переносимы въ неизмѣненномъ видѣ съ одной исторической почвы на другую, и чѣмъ болѣе въ ихъ образованіи участвовало мѣстное и временное, тѣмъ болѣе именно и нужно считаться съ условіями возможности ихъ перенесенія: наибольшая универсальность и непреходящесть, способствующія самому широкому распространенію выработаннаго одними среди другихъ, принадлежитъ идеямъ, т.-е. интеллектуальнымъ, моральнымъ и соціальнымъ принципамъ, разъ умъ, ихъ вырабатывающій, возвышается до общечеловѣческой точки зрѣнія. Вотъ этими-то идеями и самостоятельною выработкою ихъ въ нѣдрахъ развитаго личнаго *я* съ примѣненіемъ ихъ къ внѣшнимъ отношеніямъ жизни особенно и отличается новая западно-европейская цивилизація.

5. Публицистическая школа, принижающая романо-германскій типъ передъ греко-славянскимъ, признавая, однако, превосходство западной науки, ставитъ „Европѣ“ въ вину какъ-разъ то, что составляетъ ея силу и безъ чего не могло бы въ ней быть и науки, — первенство въ которой снисходительно уступаетъ Западу, — и вмѣстѣ съ тѣмъ щедро надѣляетъ греко-славянскій типъ качествами, имѣющими для адептовъ школы идеальное зна-

ченіе и будто бы уже характеризующими въ этомъ идеальномъ значеніи весь греко-славянскій культурный типъ. Признаками западно-европейскаго типа считаются именно чрезмѣрное развитіе личности, неуваженіе къ преданію и приверженность къ формѣ, подъ которыми разумѣются стремленіе къ самостоятельному проявленію личнаго *я*, духъ изслѣдованія и исканіе наилучшихъ формъ общежитія и которымъ противополагаются, какъ признаки типа восточнаго, соборное начало, вѣрность искони воспринятой вселенской истинѣ и предпочтеніе, оказываемое внутреннему содержанію и духу передъ внѣшней формой и буквой. Индивидуализмъ, пытливая мысль, преобразовательныя стремленія составляютъ дѣйствительно существующія, реальныя явленія, характеризующія новое западно-европейское развитіе и вообще культурную и соціальную жизнь всякой страны, идущей по дорогѣ прогресса, и безъ того, что школа считаетъ основными грѣхами „европейской“ цивилизаціи, не могла бы существовать сама не отвергаемая школою наука, прежде всего требующая высокаго личнаго развитія, критическаго отношенія ко всему, существующему въ силу одной традиціи, и такихъ формъ, которыя обезпечивали свободное развитіе ума, — наука, сама содѣйствующая личному развитію, воспитывающая умственную пытливость и ставящая себѣ задачею между прочимъ и выработку наиболѣе въ нравственномъ смыслѣ справедливыхъ, а въ общественномъ смыслѣ полезныхъ формъ народной жизни, такъ какъ предполагаемые признаки греко-славянскаго типа суть въ теоріяхъ школы простыя понятія, подъ которыми или не мыслится ничего реальнаго, или разумѣются явленія, обобщаемыя совершенно произвольно, или же имѣются въ виду вещи, вовсе не соотвѣтствующія той роли, какую имъ приходится играть, при чемъ школа не

въ состояніи указать, какимъ образомъ восточныя начала могли бы создать что-либо эквивалентное западной наукѣ.

Славянофилы совершенно вѣрно характеризуютъ современную Западную Европу, какъ міръ развитой личности, критической мысли, сознательной выработки общественныхъ формъ, но совершенно напрасно представляютъ дѣло такимъ образомъ, будто бы всѣми этими признаками опредѣляется самъ романо-германскій типъ на протяженіи всего своего культурнаго и соціальнаго развитія, а не извѣстный историческій моментъ въ этомъ развитіи, — и столь же напрасно утверждаютъ, что міръ греко-славянскій изначала и до конца вѣковъ былъ и долженъ оставаться на той ступени культурнаго и соціальнаго развитія, на которой личность мало выступаетъ, какъ самобытное *я*, затериваясь въ однородной массѣ, индивидуальная мысль не обнаруживаетъ оригинальности, вращаясь въ кругу традиціонныхъ идей, а общественныя формы не подвергаются измѣненіямъ во имя обезпеченія личнаго развитія, представляясь неразвитому уму, какъ совершенно безразличный и въ то же время неприкосновенный порядокъ вещей. Если даже и вѣрно указанное противоположеніе между европейскимъ Западомъ и Востокомъ, — а безусловная вѣрность его сомнительна, — то оно имѣетъ совсѣмъ не такое значеніе, какое ему приписывается этой школой. Личное начало въ исторіи съ его необходимыми слѣдствіями, т.-е. самостоятельною работою мысли надъ вопросами мысли и жизни и стремленіемъ къ осуществленію въ дѣйствительности новыхъ общественныхъ идеаловъ, какъ и все другое въ исторіи, способно къ большему или меньшему развитію и притомъ въ зависимости, конечно, отъ разныхъ культурныхъ и соціальныхъ условій: чѣмъ ниже культурный уровень

и несовершеннѣе соціальная организація, тѣмъ менѣе средствъ дается обществомъ отдѣльнымъ его членамъ для ихъ личнаго развитія, тѣмъ менѣе личность способна проявить себя, какъ самостоятельное и самобытное *я*, и наоборотъ, чѣмъ выше стоитъ общество въ культурномъ и соціальномъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе оно помогаетъ проявленію въ индивидуальной жизни и дѣятельности того, что дѣлаетъ изъ отдѣльной особи человѣческаго рода, изъ экземпляра культурной группы, изъ атома общественнаго организма личность, какъ развитое *я* со своей оригинальной физіономіей, со своими мыслью, чувствомъ и волей. По основному закону развитія цивилизаціи культурно-соціальный прогрессъ влечетъ за собою то, что можно назвать ростомъ личности, и самъ вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливается этимъ ростомъ, послѣднее по той причинѣ, что чѣмъ менѣе культурно-соціальныя перемѣны совершаются путемъ самопроизвольной эволюціи (évolution spontanée) вслѣдствіе безсознательной дѣятельности массъ, живущихъ чисто традиціонными идеями и не вдумывающихся въ сущность общественныхъ отношеній, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло, т.-е. чѣмъ болѣе вносится въ жизнь личнаго сознанія, личной иниціативы, личнаго творчества, тѣмъ все болѣе и болѣе культурно-соціальныя измѣненія обнаруживаютъ стремленіе приближаться къ идеалу истины и справедливости. Личное начало присуще исторіи на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, потому что самъ историческій процессъ въ послѣднемъ анализѣ сводится весь къ взаимодѣйствію между личностью и культурно-соціальною средою, и вопросъ можетъ быть лишь о степени развитія, о количествѣ и о силѣ этого начала въ тотъ или другой моментъ историческаго бытія отдѣльной націи или цѣлаго культурнаго міра въ родѣ, напримѣръ, западно-европейскаго: если въ

этомъ послѣднемъ индивидуализмъ достигаетъ наибольшаго развитія въ наибольшемъ количествѣ случаевъ и съ наибольшею силою противопоставляетъ себя косности или безсознательному саморазвитію культурно-соціальной среды, то это служитъ лишь однимъ изъ признаковъ, свидѣтельствующихъ объ особенно значительномъ прогрессѣ, совершенномъ Западною Европою въ духовномъ и общественномъ отношеніяхъ. Сами по себѣ культурныя и соціальныя формы, зависящія отъ данныхъ условій мѣста и времени, лишь тогда получаютъ болѣе универсальное и непреходящее значеніе, когда въ нихъ вложено много такого, что является результатомъ чисто личной, отрѣшенной отъ вліяній мѣстныхъ и временныхъ формъ, такъ сказать, общечеловѣческой мысли, говорящей уму и сердцу человѣка, какъ такового, а не какъ представителя той или другой культурной группы. Заключается ли въ такомъ развитіи преимущество или, какъ кажется другимъ, недостатокъ, во всякомъ случаѣ, и преимущество это и этотъ недостатокъ, — если только права, конечно, теорія культурно-историческихъ типовъ, — не могутъ считаться признаками одного романо-германскаго міра, такъ какъ личное начало присуще исторіи вообще, хотя и не всегда въ одинаковой степени, а изъ всѣхъ цивилизацій наиболѣе благопріятною для его развитія является та, родоначальниками которой въ Европѣ были древніе греки, а наслѣдниками сдѣлались всѣ христіанскіе народы какъ западной, такъ и восточной половины Европы, хотя бы по особымъ историческимъ условіямъ лишь одна изъ этихъ половинъ, романо-германская, и раньше, и всестороннѣе проявила способность къ тому, чтобы развивать далѣе общечеловѣческую цивилизацію, а не заботиться лишь о томъ, чтобы быть „хранительницей древняго образованія“.

6. Сравнивая средневѣковую и новую европейскую цивилизацію, мы найдемъ между двумя этими послѣдовательными эпохами скорѣе ту разницу, которую нѣкоторые думаютъ установить между двумя одновременными типами этой цивилизаціи, разъ мы примемъ въ соображеніе весьма простую истину, именно то, что во всякой прогрессивной исторіи—эпохѣ, когда личное начало достигаетъ замѣтной степени развитія, проявляется въ большомъ количествѣ индивидуумовъ и обнаруживаетъ значительную силу,—должна необходимо предшествовать эпоха слабости этого начала, эпоха безпредѣльнаго господства коллективнаго и традиціоннаго, т.-е. именно всего того, чему вышеупомянутая школа хотѣла бы придать—подъ другими только названіями—высшее и идеальное значеніе. Средніе вѣка и новое время на Западѣ, развитіе котораго совершалось съ большею быстротою, чѣмъ другой половины Европы, также уже вступившей въ новую исторію,—средніе вѣка и новое время, говоря вообще, отличаются между собою какъ эпоха преобладанія коллективнаго и традиціоннаго и эпоха выступленія на историческую сцену личнаго начала. То, что придаетъ новой западно-европейской исторіи общечеловѣческое, универсальное и непреходящее значеніе, заключается какъ-разъ въ культурномъ ростѣ личности и въ ея борьбѣ за свои общественныя права, въ ея работѣ надъ задачей міросозерцанія, которое оправдывалось бы личною мыслью, въ ея стремленіи создать общественныя формы, соотвѣтствующія человѣческому достоинству.

Вся новая исторія вообще можетъ служить самымъ лучшимъ опроверженіемъ соціологической теоріи, которая принижаетъ личность, какъ дѣятеля исторіи, видя въ послѣдней одну безличную эволюцію, одно саморазвитіе (évolution spontanée) культурныхъ и соціальныхъ формъ,

не усматривая въ ней стороны прагматической, т.-е. дѣятельнаго участія человѣческой мысли, человѣческихъ желаній, человѣческой воли въ измѣненіяхъ духовнаго и общественнаго быта, даже отрицая существованіе личнаго творчества, исходящаго изъ индивидуальной иниціативы и сознательно, однако, ставящаго себѣ цѣли общаго значенія. Пусть другія эпохи до извѣстной степени оправдываютъ теорію органической эволюціи культурныхъ и соціальныхъ формъ, — поскольку въ этой теоріи есть, дѣйствительно, доля истины, — новая исторія всегда будетъ доказательствомъ того, что указываемая концепція исторіи не заключаетъ въ себѣ всей истины, а потому и не можетъ быть названа вполнѣ вѣрною. Въ новой исторіи мы на каждомъ шагу имѣемъ дѣло съ личностью, не удовлетворяющеюся традиціонными рѣшеніями вопросовъ мысли и жизни и ищущею новыхъ отвѣтовъ на эти вопросы, протестующею противъ несовершенствъ и злоупотребленій созданной исторіей дѣятельности во имя лично сознанной высшей правды, борящеюся за свои естественныя права и человѣческое достоинство, подавляемыя и отрицаемыя унаслѣдованными изъ прошлаго культурными и соціальными формами, — съ личностью, стремящеюся къ цѣлесообразному измѣненію этихъ формъ, какъ продуктовъ слѣпой игры историческихъ силъ, и расширяющею свою дѣятельность активнымъ вмѣшательствомъ въ ходъ исторіи, дабы направить его въ ту или другую сторону, насколько это возможно для отдѣльнаго человѣка. Притомъ эта самая личность, сознательно работающая надъ идеями и учрежденіями, изъ которыхъ складывается ея духовная и общественная среда, представляется намъ здѣсь въ образѣ великаго множества мыслителей, ученыхъ, поэтовъ и публицистовъ, религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ реформаторовъ, иниціаторовъ

цѣлыхъ культурныхъ направленій и вождей отдѣльныхъ общественныхъ движеній, идеи и стремленія которыхъ при всей ихъ связи съ вызвавшими ихъ національными мѣстными и временными условіями носятъ на себѣ печать личной оригинальности, развитой индивидуальности и получаютъ потому интересъ общечеловѣческій, универсальный, непреходящій.

Видя въ новой исторіи на каждомъ шагу разнообразныя проявленія личнаго начала, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что при выдающейся роли, какую начинаетъ играть личность въ культурной и соціальной жизни, сознательная переработка человѣкомъ духовныхъ и общественныхъ условій его собственнаго существованія дѣлается одною изъ видныхъ сторонъ историческаго процесса на Западѣ въ новое время: это—исторія самосознанія личности, какъ отдѣльнаго *я* и какъ члена общества, исторія выработки личностью новыхъ теоретическихъ идей, опредѣляющихъ ея отношеніе къ Божеству и къ мірозданію, моральныхъ и соціальныхъ принциповъ, которые должны опредѣлять ея поведеніе относительно другихъ и обусловливаютъ характеръ ея требованій отъ общества, исторія практическаго рѣшенія личностью общественныхъ вопросовъ, ставившихся ей самою жизнью, и рѣшенія ихъ именно на основаніи общихъ принциповъ, выработанныхъ личною мыслью. Благодаря сильному, широкому и всестороннему участію личной мысли въ культурномъ развитіи Запада въ новые вѣка, это развитіе въ связи съ задачами, которыя ставила уму и соціальная сторона исторіи, подняло массу нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, отрѣшило ихъ всеобщую и вѣчную сущность отъ того, что вносилось въ нихъ особыми условіями страны и эпохи, обобщило ихъ до той степени, на которой они могли бы получить уже общечеловѣческое

значеніе, и придало своимъ на нихъ отвѣтамъ прямо всемірно-историческій смыслъ.

7. Личное начало есть начало духовное, духовная же сторона исторіи народа или группы народовъ выражается въ ихъ идейной культурѣ, въ ихъ представленіяхъ, понятіяхъ, знаніяхъ, принципахъ и идеалахъ, составляющихъ то, что нѣмцы называютъ „объективнымъ“ духомъ народа и что можно назвать также его философіей. Всемірно-историческая точка зрѣнія есть по преимуществу точка зрѣнія культурной исторіи, поскольку историческая преемственность и стоящее съ нею въ связи взаимодѣйствіе націй сводятся главнымъ образомъ къ переходу отъ однихъ къ другимъ извѣстнаго идейнаго содержанія. Самыя идеи могутъ быть продуктами безсознательнаго коллективнаго творчества и традиціоннаго усвоенія или, наоборотъ, результатами работы личной мысли и самостоятельнаго ихъ воспріятія, но каково бы ни было ихъ происхожденіе и какимъ бы путемъ онѣ ни возникали въ индивидуальномъ умѣ, онѣ имѣютъ громадную силу надъ человѣкомъ и руководятъ его поведеніемъ, какъ руководятъ и цѣлыми общественными движеніями. Отсюда мысль, что идеи дѣлаютъ исторію, что идеи управляютъ исторіей, создаютъ всѣ ея перемѣны, и что исторія эпохи поэтому заключается въ ея философіи.

И отдѣльнымъ личностямъ, и цѣлымъ народамъ, равно какъ тѣмъ или другимъ общественнымъ группамъ присущи всегда извѣстныя духовныя стремленія, которыя въ сознаніи принимаютъ форму идей и могутъ оставаться неизмѣнными въ теченіе долгихъ періодовъ времени, какъ это было, напр., въ средніе вѣка, или быстро смѣняться однѣ другими, какъ мы это наблюдаемъ особенно въ новое время. Въ великихъ движеніяхъ новыхъ вѣковъ—въ Возрожденіи, въ Реформаціи, въ Просвѣщеніи, въ Рево-

люціи—духовныя стремленія личности проявлялись въ работѣ надъ новымъ міросозерцаніемъ, въ жаждѣ высшей религіозной причины, въ желаніи пріобрѣсти свободу совѣсти, свободу мысли, свободу слова, эти чисто нематеріальныя блага, въ защитѣ своего человѣческаго достоинства и добываніи гражданской равноправности: каждому такому движенію соотвѣтствовала своя особая идея о человѣкѣ, свой особый взглядъ на его природу, на его назначеніе, его права, его достоинство, его мѣсто въ обществѣ, т.-е. у каждаго такого движенія была своя философія, которая и дѣлалась господствующей философіей эпохи. Это были все общіе вопросы, которые человѣкъ можетъ задавать себѣ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, какъ бы онъ ихъ ни ставилъ и какъ бы они имъ ни разрѣшались.

Долгое время въ историко-философскихъ теоріяхъ господствовала такая чисто-культурная, психологическая, идеалистическая концепція историческаго процесса и личности, какъ историческаго дѣятеля: существенное содержаніе исторіи заключалось въ одной духовной культурѣ, т.-е. въ религіи, философіи, наукѣ, морали, поэзіи, искусствѣ, правѣ, политическихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ; личность бралась какъ существо исключительно духовное, удовлетворяющее свои внутреннія стремленія работою въ культурной области и связанное съ другими подобными существами связью исключительно психическою; главными двигателями людей, какъ историческихъ дѣятелей, являлись потому идеи, и цѣлью ихъ стремленій признавалось духовное благо. Такая концепція исторіи была результатомъ обобщенія цѣлаго ряда дѣйствительныхъ фактовъ, въ изобиліи доставленныхъ въ особенности новою исторіей, въ которой идейныя движенія въ самомъ дѣлѣ играли громадную роль и люди проявили особую страстность и

энергію въ борьбѣ за то, что считали истиной, за такія духовныя блага, какъ свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова, за признаніе своего человѣческаго достоинства. Но эта концепція весьма мало обращала вниманія на то, что у человѣка, кромѣ духовныхъ стремленій, есть матеріальныя потребности, главными изъ коихъ являются пища, одежда и жилище,—потребности, заставляющія его трудиться, дѣлать сбереженія, пріобрѣтать собственность, соединяться съ другими для совмѣстной работы, обмѣниваться съ ними продуктами труда и услугами, ставить себя въ подчиненное положеніе, эксплуатировать чужой трудъ, тяготиться бѣдностью, завидовать богатству, принимать тѣ или другія мѣры къ улучшенію своего положенія, поднимать возстанія, стремиться къ переустройству общественнаго быта. Въ серединѣ XIX в. на Западѣ экономическіе вопросы получили особенно жгучій характеръ, и подъ ихъ вліяніемъ возникла діаметрально-противоположная историко-философская концепція, по которой исторія эпохи заключается не въ ея философіи, а въ ея экономіи. Обѣ теоріи односторонни каждая въ своей исключительности и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ вѣрны, когда одна дополняетъ другую.

Матеріальныя потребности человѣка всегда давали себя знать въ историческихъ движеніяхъ, и новѣйшая наука открыла экономическую основу (конечно, рядомъ съ духовною) у такихъ съ перваго взгляда чисто-идейныхъ движеній, каковыми напр., были движенія религіозныя. Подъ знаменемъ церковной реформаціи, которая, повидимому, вытекала всецѣло изъ неудовлетворительности обветшалыми формами религіозной жизни, происходили цѣлыя общественныя революціи, имѣвшія одинъ изъ главныхъ своихъ источниковъ въ экономическихъ интересахъ отдѣльныхъ классовъ населенія, и искавшія или получавшія

теоретическое оправданіе своихъ матеріальныхъ стремленій въ новыхъ духовныхъ принципахъ. Когда традиціонныя идеи, которыми жило цѣлое общество, уступаютъ мѣсто новымъ понятіямъ и идеаламъ, въ сознаніи притомъ не отдѣльныхъ личностей, по своему индивидуальному развитію опережающихъ остальныхъ членовъ общества, а въ сознаніи цѣлыхъ классовъ послѣдняго, это всегда служитъ показателемъ нарожденія въ обществѣ болѣе или менѣе сильнаго стремленія къ перемѣнамъ въ области соціальныхъ формъ,—стремленія, вытекающаго въ послѣднемъ анализѣ изъ неудовлетворенности матеріальныхъ потребностей и желанія достигнуть лучшаго экономическаго положенія. Въ общемъ духовное развитіе естественно и необходимо обусловливается развитіемъ матеріальнымъ и само обусловливаетъ какъ это послѣднее, такъ и наростаніе новыхъ требованій, которыя личность предъявляетъ жизни вообще и въ частности соціальнымъ формамъ, опредѣляющимъ ея матеріальное благополучіе и неблагополучіе.

Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ зависитъ отъ трехъ главныхъ условій: отъ физическихъ свойствъ страны, отъ высоты культурнаго уровня и отъ особенностей общественнаго строя. Каждый шагъ историческаго прогресса все болѣе и болѣе выдвигаетъ на первый планъ два послѣднія условія въ силу той власти, какую умственный прогрессъ даетъ человѣку надъ природою. Для перваго зарожденія исторической жизни оказались необходимыми извѣстныя климатическія и почвенныя условія, какихъ мы нигдѣ въ Европѣ не находимъ, но они не спасли отъ гибели древнѣйшія историческія націи съ ихъ сравнительно незначительною образованностью и весьма несовершенною гражданственностью. Развитіе, накопленіе

и распространеніе знаній, возвышая духовный уровень общества, сопровождается и усиленіемъ власти человѣка надъ природой. Пріобрѣтать готовыя знанія, добывать новыя, передавать ихъ другимъ заставляютъ человѣка не только присущія его личности духовныя стремленія, удовлетворяемыя—наравнѣ съ наукой—религіею и философіей, литературою и искусствомъ, но и матеріальныя его потребности, какъ главный источникъ практическихъ усилій, направленныхъ на внѣшнюю природу. Не даромъ развитіе духовной культуры обыкновенно сопровождается и развитіемъ культуры матеріальной, сводящейся къ техникѣ всякаго рода, подобно тому, какъ духовная сводится къ идеямъ: идейный прогрессъ и прогрессъ технической суть результаты одного и того же умственнаго развитія, одного и того же стремленія личности къ возвышенію своего внутренняго, духовнаго существа и къ улучшенію своего внѣшняго, матеріальнаго быта. Вотъ почему исторія Западной Европы въ новое время, гдѣ личное начало получило наиболѣе широкое развитіе, не только выработала богатую идейную культуру, превосходящую своимъ общечеловѣческимъ характеромъ всѣ иныя цивилизаціи, но совершила еще массу техническихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій, которымъ суждено улучшить матеріальный бытъ всего человѣчества: технической прогрессъ Западной Европы созданъ также бо́льшимъ въ ней развитіемъ личности, присущимъ высшей степени этого развитія духомъ иниціативы, изобрѣтательности, творчества, дѣятельной энергичности.

Личное развитіе, которое есть прежде всего развитіе духовное, сопровождается въ человѣкѣ развитіемъ сознанія собственнаго достоинства, своихъ правъ и между прочимъ своего права на человѣческое существованіе, развитіемъ идеи человѣческой личности вообще и равнаго

для всѣхъ права. Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка,—растущихъ, нужно сказать, вмѣстѣ съ развитіемъ культуры,—находится, какъ мы замѣтили, въ зависимости и отъ особенностей общественнаго строя, представляющихъ собою именно условія, которыми опредѣляется отношеніе разныхъ личностей къ матеріальнымъ благамъ жизни и существующимъ источникамъ этихъ благъ, къ почвѣ и водѣ и всему, что́ находится надъ ними и подъ ними на потребу человѣка, къ накопленнымъ результатамъ прежняго физическаго и духовнаго труда, къ тѣмъ орудіямъ, безъ которыхъ человѣкъ безпомощенъ по отношенію къ силамъ природы, служащимъ ему въ его матеріальныхъ потребностяхъ. Недоступность этихъ благъ, затрудненіе въ пользованіи ими, неравномѣрность ихъ распредѣленія, какъ причины, нарушавшія матеріальные интересы тѣхъ или другихъ общественныхъ классовъ, время отъ времени приводили къ общественнымъ движеніямъ,—приводили и тогда, когда слишкомъ замѣтно ухудшалось экономическое положеніе массъ, и тогда, когда въ массахъ возникало болѣе развитое сознаніе человѣческаго достоинства, человѣческихъ правъ. Соціальный вопросъ, занявшій столь важное мѣсто въ исторіи XIX в. и даже создавшій одностороннюю историческую концепцію „экономическаго матеріализма“, есть прежде всего порожденіе того индивидуализма новой исторіи, который выражался въ разныя культурныя эпохи въ разныхъ требованіяхъ личности: въ гуманизмѣ личность, такъ сказать, отстаивала самыя общія права своей духовной и физической природы, въ протестантизмѣ—свою внутреннюю, духовную свободу, свободу своей совѣсти, въ „просвѣщеніи“—свободу мысли и изслѣдованія, свободу слова и духовнаго общенія, въ разныхъ политическихъ и общественныхъ движеніяхъ новаго времени—

право на неприкосновенность, на свободное передвиженіе, на произвольный выборъ занятій, на безпрепятственное распоряженіе своимъ достояніемъ и результатами своего труда, на равное съ другими отношеніе къ себѣ государства, на устраненіе сословныхъ перегородокъ въ области гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, на лучшее удовлетвореніе своихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей. Отстаивая все это и добиваясь всего этого гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, личность въ концѣ-концовъ боролась не за дѣло той или другой націи, того или другого вѣроисповѣданія, того или другого государства, того или другого общественнаго класса, а за право человѣка вообще: вотъ это-то и придаетъ ея борьбѣ общечеловѣческое и всемірно-историческое значеніе, сообщаетъ ей, какъ было уже сказано, универсальный и непреходящій интересъ, и именно съ этой точки зрѣнія, повторяемъ, имѣетъ особую важность западно-европейская исторія съ ея глубокою и всестороннею, упорною и небезуспѣшною борьбою за права человѣческой личности.

8. Благодаря такому своему характеру, новая исторія Западной Европы получила характеръ сознательной постановки и принципіальнаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія права личности на возможно полное удовлетвореніе ея духовныхъ стремленій и матеріальныхъ потребностей. Историческая жизнь постоянно ставитъ для практическаго разрѣшенія все новые и новые вопросы, порождаемые или мѣстными и временными условіями самой жизни, или одинъ изъ другого вытекающіе во всемірномъ и вѣчномъ, въ предѣлахъ человѣческаго міра, процессѣ самоутвержденія личности. Каждое государство, какъ единое коллективное цѣлое, отстаивающее себя въ международной борьбѣ, имѣетъ свои историческія задачи, преслѣдуетъ свои политическія цѣли,

разрѣшаетъ свои культурные и соціальные вопросы, очень нерѣдко, скорѣе даже слишкомъ часто игнорируя отдѣльныя личности, подавляя ихъ духовныя стремленія, жертвуя ихъ интересами, но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ историческія задачи, политическія цѣли и культурно-соціальные вопросы имѣютъ чисто мѣстное и временное значеніе, причемъ въ основѣ разныхъ способовъ рѣшенія этихъ задачъ и вопросовъ и въ основѣ средствъ, принимаемыхъ для достиженія этихъ цѣлей, лежатъ не постоянно развивающіеся, универсальные и непреходящіе по происхожденію своему въ духовной природѣ человѣческой личности принципы высшей правды, какъ конечные культурные и соціальные идеалы, а соображенія наибольшаго при данныхъ обстоятельствахъ удобства, наибольшей пользы для даннаго политическаго цѣлаго, наибольшей выгоды для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится возможность, власть, право распоряженія. Какія бы, однако, задачи ни ставило себѣ государство и какъ бы оно ихъ ни исполняло, какія бы цѣли ни преслѣдовала его политика и внѣшняя, и внутренняя, какіе бы вопросы мѣстнаго и временнаго характера въ немъ ни возникали и въ какую сторону ни совершалось бы ихъ рѣшеніе, все это никогда не бываетъ лишено принципіальнаго значенія съ общечеловѣческой и всемірно-исторической точки зрѣнія: всякое рѣшеніе нарождающихся какимъ бы то ни было путемъ общественныхъ вопросовъ, имѣя то или другое значеніе въ исторіи даннаго государства, какъ соціальнаго цѣлаго съ особыми традиціями, стремленіями, нуждами и интересами, неизбѣжно получаетъ также то или другое значеніе для духовнаго развитія и матеріальнаго благополучія отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ общественныхъ классовъ, живущихъ въ данномъ государствѣ, а при существованіи исторической преем-

ственности народовъ и ихъ культурномъ взаимодѣйствіи оказываетъ равнымъ образомъ то или другое, т.-е. благотворное или вредное дѣйствіе и на весь всемірно-историческій прогрессъ. Съ другой стороны, разрѣшеніе ставимыхъ внутреннею жизнью каждаго государства общественныхъ вопросовъ,—будетъ ли оно выгоднымъ или невыгоднымъ для личнаго развитія и благополучія, прогрессивнымъ или регрессивнымъ,—можетъ быть или только чисто практическимъ, не вытекающимъ изъ общихъ понятій и не вносящимъ новыхъ принциповъ въ общее сознаніе, или, наоборотъ, принципіальнымъ, сопровождающимся теоретическою, идейною постановкою общихъ положеній. Западно-европейскія государства новаго времени, какъ и всѣ вообще государства въ исторіи, конечно, имѣли свои особыя историческія задачи традиціоннаго свойства, приводившія ихъ во враждебныя столкновенія однихъ съ другими или создававшія между ними союзы, ставили себѣ политическія цѣли, для осуществленія которыхъ требовалось принесеніе въ жертву отдѣльными личностями ихъ жизни, здоровья, независимости, достоянія и труда, и понимали и разрѣшали назрѣвавшіе культурные и соціальные вопросы въ смыслѣ національныхъ традицій и политическихъ интересовъ, нерѣдко не имѣвшихъ ничего общаго съ стремленіями и внутренними потребностями отдѣльныхъ личностей, часто даже оказывавшихся лишь традиціями и интересами правителя или правящаго класса и не находящихся ни въ какомъ принципіальномъ отношеніи къ вопросамъ духовнаго и общественнаго прогресса. Развитіе личности въ новое время сдѣлало невозможнымъ, чтобы рѣшеніе общественныхъ вопросовъ на Западѣ происходило только такимъ образомъ. Національно-политическимъ традиціямъ и интересамъ, требовавшимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ раз-

рѣшенія внутреннихъ вопросовъ въ извѣстномъ смыслѣ, личность стала противопоставлять свои стремленія и потребности, разъ только замѣчала, что государственныя требованія идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что она считала своимъ неотъемлемымъ правомъ по божескому и естественному закону, выдвигая на свою защиту аргументы принципіальнаго свойства и тѣмъ самымъ заставляя искать высшаго теоретическаго оправданія и для предѣловъ власти государства. Съ другой стороны, она подвергала критикѣ традиціи и интересы, во имя которыхъ у нея требовались жертвы, и если обнаруживала, что въ сущности это суть традиціи и интересы властвующаго меньшинства, а не всей совокупности личностей, культурно и соціально объединенныхъ въ одно цѣлое, то отказывала этимъ принципамъ въ правѣ быть положенными въ основу рѣшенія ставимымъ жизнью вопросамъ, требуя, наоборотъ, ихъ рѣшенія въ смыслѣ дѣйствительно народнаго и общественнаго блага, немыслимаго безъ духовнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія всѣхъ. Вслѣдствіе этого и государство въ своихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ собственному самосохраненію, все болѣе и болѣе было вынуждаемо считаться съ потребностями и желаніями общества, которое для лучшаго обезпеченія правъ за отдѣльными своими членами стало стремиться къ политическому самоуправленію, т.-е. къ участію во власти, ища оправданія и этому стремленію въ идеѣ человѣческой свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и правящимъ классамъ нужно было начать отучаться отъ отожествленія государственныхъ задачъ и цѣлей съ одними своими культурными стремленіями и соціальными интересами, такъ какъ въ общее сознаніе все болѣе и болѣе сталъ проникать тотъ принципъ, что разъ во имя общаго блага существуетъ государство, требующее отъ своихъ

членовъ подчиненія извѣстному общему закону, то выгодами этого соединенія должны пользоваться всѣ и всѣ въ одной мѣрѣ должны подчиняться вытекающимъ отсюда обязанностямъ. То, что съ точки зрѣнія уже раньше упоминавшейся теоріи является преклоненіемъ передъ внѣшними формами, которому противополагается въ этой теоріи нигдѣ и никогда въ дѣйствительности не осуществлявшаяся жизнь въ одномъ единеніи духа, есть не что иное, какъ стремленіе развитой личности къ такой организаціи общественнаго быта, которая наиболѣе соотвѣтствовала бы требованіямъ ея духовной сущности и до извѣстной степени обезпечивала бы ея матеріальное благосостояніе.

Индивидуалистическій принципъ теоретическаго и практическаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ въ новой западно-европейской исторіи осуждается не только русской публицистической школой, доходящей до отрицанія общечеловѣческихъ началъ во имя мѣстныхъ и культурныхъ традицій, но и однимъ западно-европейскимъ направленіемъ, выросшимъ на почвѣ новѣйшихъ общественныхъ стремленій, и являющимся ихъ прямымъ продолженіемъ. Съ точки зрѣнія этого направленія развитіе личности было осуждено и теоретически, и даже исторически, какъ начало антисоціальное [1]). Въ обоихъ случаяхъ принципу личности, какъ началу отрицательному, противополагается въ сущности одно и то же, какъ нѣчто положительное, различно только называемое и понимаемое. У славянофиловъ это нѣчто получаетъ наименованіе соборнаго (или хорового) начала, которое признается будто бы искони вложеннымъ въ греко-славянскій духъ и уже осуществленнымъ въ его быту, на Западѣ же оно

[1]) См. мою Исторію Западной Европы въ новое время, т. V, гл. XIII.

было обозначено, какъ принципъ братства, и стало разсматриваться въ смыслѣ конечной цѣли соціальнаго прогресса. Западное осужденіе индивидуализма исходитъ изъ того положенія, что одно личное развитіе и одна индивидуальная свобода не составляютъ и не обезпечиваютъ народнаго благополучія, что полное предоставленіе личному произволу области экономическихъ отношеній даже прямо вредно для громаднаго большинства, и что для блага человѣчества необходимо обобществленіе, а не разъединеніе индивидуальныхъ силъ. Не отрицая, конечно, вѣрности этихъ положеній, мы не только не думаемъ, чтобы въ нихъ заключались основанія для осужденія индивидуализма, правильно понимаемаго, но полагаемъ даже, что самъ исходный пунктъ этого разсужденія чисто индивидуалистическій. Во-первыхъ, не нужно смѣшивать индивидуализма, какъ стремленія личности къ внутреннему самоопредѣленію и къ внѣшней свободѣ, не заключающаго въ себѣ ничего противообщественнаго, съ нравственнымъ эгоизмомъ и соціальнымъ индифферентизмомъ, которые могутъ встрѣчаться въ соединеніи и съ духовною неразвитостью и общественною несвободою индивидуума. Во-вторыхъ, разбираемый взглядъ явился, какъ реакція противъ воззрѣнія, по которому для народнаго блага будто бы достаточно однѣхъ политическихъ реформъ, обезпечившихъ личную свободу, — какъ протестъ противъ ученія, будто наилучшимъ средствомъ противъ всѣхъ экономическихъ золъ можетъ быть одна свободная конкурренція, — какъ лозунгъ, выставленный во имя экономическихъ нуждъ народной массы противъ либеральной буржуазіи, дорожившей принципомъ личной свободы, но не понимавшей нуждъ рабочаго класса, такъ что все противоположеніе идеала братства идеалу свободы объясняется не столько логически, сколько истори-

чески. Въ третьихъ, область требованій и приложеній индивидуализма гораздо шире той сферы, которая въ данномъ случаѣ имѣлась въ виду, да и самъ коллективизмъ въ дѣлѣ добыванія средствъ къ существованію отнюдь не противорѣчитъ индивидуализму, какъ основному принципу духовной жизни. Мало того, наконецъ: самъ идеалъ коллективизма создался на почвѣ пробужденія въ массахъ сознанія личныхъ правъ и человѣческаго достоинства, на почвѣ стремленія къ обезпеченію благосостоянія наибольшаго числа лицъ, на почвѣ индивидуализма альтруистическаго, пріучающаго къ состраданію чужой личной неудовлетворенности въ самыхъ элементарныхъ потребностяхъ человѣческаго бытія, на почвѣ соціальнаго идеализма, исходящаго изъ того воззрѣнія, что не личность существуетъ для общественной организаціи, а общественная организація для личности. Такимъ образомъ современное общественное движеніе, поставившее на своемъ знамени принципъ коллективизма, нисколько не противорѣчитъ общему индивидуалистическому характеру новаго политическаго развитія, совершаясь во имя стремленій и потребностей индивидуальной жизни.

9. Западно европейскій историческій міръ въ средніе вѣка можетъ быть охарактеризованъ, какъ главными своими признаками, развившимся въ отдѣльныхъ его государствахъ феодализмомъ и объединившимъ всѣ его народы католицизмомъ, которые наложили свою печать на всѣ его культурныя и соціальныя формы. На всю новую исторію мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на эпоху постепеннаго разрушенія католико-феодальныхъ духовныхъ и общественныхъ отношеній силами, искавшими выхода изъ узкихъ и тѣсныхъ рамокъ средневѣкового быта, причемъ этими силами оказались наиболѣе отрицавшіяся принципами феодализма и католицизма начала, во-пер-

выхъ, государства, какъ установленія общественнаго, существующаго для общаго блага и пользующагося независимою верховною властью, и во-вторыхъ, личности, какъ существа, имѣющаго право на внѣшнюю и внутреннюю свободу, между тѣмъ какъ феодализмъ разлагалъ государство на частныя владѣнія, въ которыхъ верховная власть была лишь своего рода придаткомъ землевладѣнія, превращая въ то же время народную массу въ прикрѣпленныхъ къ землѣ оброчниковъ землевладѣльца, а католицизмъ оспаривалъ у государства независимость, вмѣстѣ съ тѣмъ беря и духовную сторону личной жизни подъ безусловную свою опеку.

Государство новаго времени выросло въ борьбѣ съ враждебными ему силами феодализма и католицизма, частью одержавъ надъ ними побѣду и перенесши на себя отнятыя у нихъ права, т.-е. ставши на ихъ мѣсто, частью вступивъ съ ними въ компромиссъ и оставивъ за ними ихъ привилегіи, другими словами, само признавши нѣкоторые ихъ принципы. Въ этой своей борьбѣ государственная власть опиралась на индивидуальныя и массовыя общественныя силы, имѣвшія также свои причины желать пораженія аристократіи и клира, этихъ двухъ главныхъ соціальныхъ классовъ феодально-католическаго общества, и имѣвшія свои побужденія помогать государственной власти въ ея борьбѣ съ этими классами. Изъ двухъ союзниковъ, боровшихся съ феодально-католическимъ строемъ, первые и самые богатые результаты побѣды выпали на долю государства, а личность иногда оставалась не въ выигрышѣ, если не сказать—прямо въ проигрышѣ. Государство, отнявши у феодальной аристократіи и католической церкви тѣ привилегіи, которыя были стѣснительными для него самого, унаслѣдовало отъ нихъ многія ихъ старыя права надъ личностью, приба-

вивъ къ нимъ еще новыя права, и оставило за обоими классами тѣ ихъ права, которыя, не стѣсняя его самого, лежали тяжелымъ бременемъ на остальной массѣ. Все болѣе и болѣе расширяя свою дѣятельность, оно сдѣлалось всепоглощающимъ политическимъ организмомъ, передъ которымъ личность была безсильна, и фактамъ этого рода соотвѣтствовали аналогичныя политическія идеи, складывавшіяся въ цѣлыя теоріи абсолютной государственности. Личному развитію, встрѣчавшему помѣху въ средневѣковыхъ культурно-соціальныхъ формахъ феодализма и католицизма, въ новое время пришлось встрѣтиться съ препятствіемъ, какое возникло въ лицѣ государства, не хотѣвшаго знать никакого иного права, кромѣ своего права. Личность и тутъ вступала въ борьбу за свои права, имѣя нерѣдко противъ себя соединенныя силы государственной власти, церковной организаціи и господствующихъ классовъ общества.

Въ исторіи этой борьбы времена успѣха новыхъ культурныхъ и соціальныхъ стремленій личности смѣнялись временами реакціи, когда старыя побѣжденныя силы поднимали голову и начинали попятное движеніе. Въ новое время нужно различать двѣ крупныя эпохи движенія впередъ, вызывавшаго два раза сильную реакцію: первую эпоху мы обозначаемъ, какъ Возрожденіе и Реформацію, вторую—какъ Просвѣщеніе и Революцію. Въ обоихъ случаяхъ движеніе впередъ исходило и сверху, отъ государственной власти, и снизу, отъ общества, изъ частной иниціативы, причемъ государство и личность то сходились, то расходились въ тѣхъ цѣляхъ, которыя каждый разъ ставились преобразованію культурныхъ и соціальныхъ формъ, унаслѣдованныхъ отъ католико-феодальнаго средневѣковья.

I. Очеркъ соціальныхъ отношеній новаго времени.

1. Феодальное общество.—2. Взаимныя отнешенія духовенства и дворинства.—3. Землевладѣльческая аристократія и промышленно-торговая буржуазія. — 4. Положеніе массы и соціальныя движенія. — 5. Измѣненія въ крестьянскомъ быту и крестьянскій вопросъ.— 6. Крупное и мелкое хозяйство, сельскій общественный бытъ и цеховая организація обрабатывающей промышленности.

---

1. Общественное положеніе личности опредѣляется принадлежностью ея къ тому или другому соціальному классу и тѣми отношеніями, въ какихъ разные соціальные классы стоятъ къ матеріальнымъ основамъ жизни (къ землѣ, капиталу, орудіямъ производства), къ государству и одни къ другимъ. Средневѣковая соціальная организація была основана на полномъ раздѣленіи сословій, изъ которыхъ одни господствовали надъ другими, за которыми государство признавало весьма различныя права и которыя совпадали съ рѣзко разграниченными экономическими классами. Сословный строй какъ феодальной, такъ и государственной эпохи не признавалъ за личностью, какъ таковою, никакихъ правъ, потому что, вмѣсто „правъ человѣка и гражданина“, тогда признавались только привилегіи сословій, чрезъ которыя и отдѣльныя лица, разъ они принадлежали къ такимъ сословіямъ, получали всѣ свои права въ обществѣ и государствѣ. Феодализмъ создавалъ въ обществѣ извѣстную градацію личныхъ правъ—отъ могущественнаго феодальнаго сеньера съ развитымъ чувствомъ своей независимости и своего достоинства (въ формѣ рыцарской или дворянской чести) и до крѣпостного крестьянина, находившагося въ рабскомъ состояніи и бывшаго совершенно

безправнымъ по отношенію къ своему господину. Государство новаго времени всегда обнаруживало стремленіе нивеллировать общественныя состоянія по отношенію къ самому себѣ, но долгое время оставляло существовать крайнее неравенство во взаимныхъ отношеніяхъ между сословіями. При такомъ порядкѣ вещей удѣломъ громаднаго большинства населенія было безправіе. Хотя крѣпостное состояніе, характеризующее положеніе средневѣкового крестьянства, и стало исчезать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, не нужно все-таки забывать, что рѣшительная и повсемѣстная его отмѣна началась только сто лѣтъ тому назадъ. Мало того: въ нѣкоторыхъ случаяхъ установленіе или усиленіе крѣпостничества было фактомъ сравнительно болѣе поздняго времени. Съ другой стороны, тотъ же феодализмъ ставилъ господствующее меньшинство въ особенно привилегированное положеніе и по отношенію къ государству, и по отношенію къ массѣ: это было состояніе свободы, но такой, которая несовмѣстима съ уваженіемъ къ закону и къ чужому праву.

Западно-европейское общество долгое время оставалось обществомъ феодальнымъ. Феодализмъ создавалъ изъ представителей крупнаго землевладѣнія обладателей верховной власти, раздѣлявшихъ государство на болѣе мелкіе политическіе организмы, становившихся въ іерархическую зависимость одни отъ другихъ, и господствовавшихъ надъ массою, которая сидѣла на землѣ ихъ помѣстій, ведя, впрочемъ, самостоятельное хозяйство на отведенныхъ ей надѣлахъ. Въ ряды этой суверенной аристократіи католицизмъ поставилъ и высшій клиръ, члены котораго владѣли также феодальными сеньеріями и пользовались всѣми правами своихъ свѣтскихъ товарищей. Между духовною и свѣтскою аристократіей, съ

одной стороны, и подчиненной ей народною массою, съ другой—шла постоянная борьба, переходившая часто въ борьбу открытую, причемъ возстававшіе защищали или стремились возвратить себѣ самыя элементарныя права личности, ссылаясь на божескіе и естественные законы: таково было въ эпоху крестовыхъ походовъ возстаніе городовъ; таковы же особенно были многочисленныя крестьянскія возстанія, изъ коихъ нѣкоторыя получили большую извѣстность въ исторіи, между прочимъ по связи своей съ движеніями религіозными и политическими. Стремленіе закрѣпощенной народной массы къ гражданской свободѣ, т.-е. къ пользованію самыми элементарными правами личности, проходитъ черезъ всю исторію западно-европейскаго крестьянства со второй половины среднихъ вѣковъ, и черезъ всю же эту исторію проходятъ феодальныя реакціи, ставившія своею цѣлью юридическое и экономическое порабощеніе народной массы. Въ этой борьбѣ заключается одна изъ наиболѣе важныхъ сторонъ соціальной исторіи Запада.

2. Католицизмъ и феодализмъ поставили во главѣ западно-европейскаго общества духовенство и дворянство, которыя пользовались приблизительно одинаковымъ матеріальнымъ могуществомъ, заключавшемся въ крупномъ землевладѣніи, одинаковыми правами по отношенію къ государству и одинаковою властью надъ остальнымъ населеніемъ. Судьба обоихъ сословій была одна и та же: оба они и возвысились политически съ паденіемъ государства, и оба утратили политическое значеніе съ развитіемъ новой монархіи. Что касается до отношеній обоихъ сословій къ землѣ, между собою и къ народу, то здѣсь судьба ихъ въ нѣкоторыхъ странахъ была различная.

Къ концу среднихъ вѣковъ церковное землевладѣніе

и мірскія права духовенства стали вызывать протестъ. Рядомъ со ссылками на несовмѣстимость духовнаго сана съ обладаніемъ матеріальными богатствами; рядомъ съ народнымъ неудовольствіемъ, вызывавшемся корыстолюбіемъ духовенства, между прочимъ, и по отношенію къ его собственнымъ крестьянамъ; рядомъ съ политикой государства, обнаруживавшаго стремленіе во многихъ сторонахъ быта сдѣлаться наслѣдникомъ церкви, нельзя не отмѣтить еще антагонизма между двумя первыми чинами государства, причемъ дворянство не безъ зависти смотрѣло на богатства духовенства и особенно сочувственно относилось къ мысли о секуляризаціи церковной собственности, т.-е. объ отобраніи у клира его земель, въ концѣ-концовъ, однако, чтобы самому поживиться на его счетъ. Религіозная реформація XVI в. прекратила существованіе духовенства, какъ привилегированнаго землевладѣльческаго сословія, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ она была введена, дворянство дѣйствительно получило не мало непосредственныхъ выгодъ отъ секуляризаціи церковной собственности. Въ странахъ, оставшихся вѣрными католицизму, клиръ сохранилъ въ полной неприкосновенности прежнее свое соціальное значеніе, которому нанесенъ былъ ударъ только церковной политикой просвѣщеннаго абсолютизма, въ особенности же французской революціей, уничтожившей всякія сословныя привилегіи и секуляризировавшей церковную собственность. Послѣ католической реакціи общіе интересы сближали оба привилегированныя сословія, составлявшія въ сущности одинъ господствующій классъ общества, и даже занятіе высшихъ церковныхъ должностей сдѣлалось во многихъ мѣстахъ чисто дворянской привилегіей. Поскольку духовенство обладало землями и пользовалось феодальными правами, постольку и оно принимало участіе какъ въ феодаль-

ныхъ реакціяхъ противъ народныхъ стремленій, такъ и въ консервативной оппозиціи по отношенію къ государству, лишь только послѣднее начинало урѣзывать соціальныя привилегіи.

3. До образованія самостоятельнаго и зажиточнаго городского сословія у духовной и свѣтской землевладѣльческой аристократіи не было соперниковъ въ обществѣ. Города сначала наравнѣ съ деревнями,—хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ послѣднія,—находились въ подчиненіи у феодаловъ, но города первые взялись за оружіе и отвоевали свободу у своихъ епископовъ и графовъ. Въ исторіи соціальнаго развитія Запада свободный и промышленный городъ, въ которомъ образовалось особое сословіе, получившее названіе буржуазіи, игралъ весьма важную роль. Существенныя черты новаго общества въ его отличіи отъ средневѣковаго ранѣе всего проявились именно въ городахъ. Города не только извнѣ вышли изъ-подъ власти феодаловъ, но и внутри освободили свой бытъ отъ феодальныхъ формъ. Здѣсь впервые верховная власть отдѣлилась отъ землевладѣнія и сдѣлалась выраженіемъ общей воли гражданства. Здѣсь впервые расторглись вассальныя узы, ставившія одного свободнаго человѣка въ зависимость отъ другого, и образовалось состояніе гражданъ. Здѣсь впервые совершенно исчезло крѣпостничество, и юридическая свобода лица сдѣлалась общимъ правиломъ. Здѣсь же впервые пала условная феодальная собственность, и возникла свободная собственность новаго времени. Отсюда же вышли и тѣ силы, которыя наиболѣе содѣйствовали разрушенію феодализма и внѣ городовъ. Рядомъ съ феодальными сеньеріями возникли городскія общины, которыя стали высылать своихъ представителей на государственные сеймы, утратившіе вслѣдствіе этого свой исключительно феодальный характеръ.

Города помогали королевской власти въ ея борьбѣ съ духовными и свѣтскими вассалами. Въ болѣе позднія времена буржуазія явилась передовымъ сословіемъ народа въ его борьбѣ противъ аристократическихъ привилегій. Наконецъ, городская жизнь выработала и въ экономическомъ отношеніи новыя формы, которымъ суждено было оказать сильное вліяніе на соціальное развитіе Запада впредь до новѣйшаго времени. Феодальный бытъ, разсматриваемый съ точки зрѣнія стремленій, занятій и нравовъ господствующаго класса общества, былъ по преимуществу бытъ военный, тогда какъ въ городской жизни на первый планъ стали выдвигаться торговля и промышленность. Позднѣе, когда феодальное дворянство превратилось въ расточительную, праздную и раболѣпную придворную знать, въ городахъ господствовали бережливость и трудовая жизнь—между прочимъ и въ умственной сферѣ—и не умирало стремленіе къ свободѣ. Въ смыслѣ экономической основы феодализмъ держался исключительно на землевладѣніи и на сельскомъ хозяйствѣ, которыя въ городахъ замѣнились движимымъ имуществомъ (капиталомъ), промышленностью и торговлею. Здѣсь впервые стало возникать и денежное хозяйство въ противоположность натуральному, господствовавшему въ феодальномъ быту.

Благодаря послѣднему обстоятельству, имущій классъ общества раздѣлился на Западѣ на земледѣльческій и торгово-промышленный. И между ними возникъ также антагонизмъ, питавшійся сначала преимущественно сословнымъ неравенствомъ аристократіи и буржуазіи, а потомъ, когда стали падать сословныя рамки,—что, напр., ранѣе всего произошло въ Италіи, Англіи и Голландіи,—поддерживавшійся противоположностью интересовъ между двумя классами, получающими свои доходы изъ разныхъ

источниковъ. Въ общественной жизни Запада городской классъ все болѣе и болѣе выдвигался впередъ, пока не началъ соперничать съ дворянствомъ и даже не сдѣлался самъ господствующимъ и правящимъ классомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ въ политической жизни болѣе демократическихъ началъ. Существованіе сословныхъ привилегій прямо становилось поперекъ соціальныхъ стремленій буржуазіи, а потому ея интересы въ этомъ отношеніи совпадали съ интересами крестьянства. Лишь послѣ паденія сословныхъ перегородокъ въ новѣйшее время, такъ сказать, обнажилась чисто экономическая основа соціальныхъ классовъ въ безсословномъ гражданствѣ, созданномъ главнымъ образомъ усиліями буржуазіи.

Не нужно, однако, думать, что первое образованіе капитала и богатой буржуазіи произошло на почвѣ промышленности. Средневѣковая промышленность имѣла цеховое устройство, поддерживавшее мелкій промыселъ и мѣшавшее отдѣленію труда отъ орудій производства, содѣйствовавшее болѣе равномѣрному распространенію заработка и не допускавшее ни сосредоточенія большихъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, ни образованія пролетаріата. Первые большіе капиталы, которые лишь впослѣдствіи стали прилагаться къ крупной промышленности, были результатомъ главнѣйшимъ образомъ заграничной оптовой торговли, начавшей сильно развиваться въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Только съ развитіемъ капитала путемъ крупной торговли, съ вырожденіемъ цеховъ, съ обезземеленіемъ крестьянства, создавшимъ пролетаріатъ, съ возникновеніемъ экономической политики меркантилизма, поддерживавшаго крупную промышленность, а позднѣе съ установленіемъ экономической свободы, давшей полный просторъ дѣятельности капиталистовъ, съ отмѣною цеховъ и запрещеніемъ рабочихъ союзовъ, которыя поста-

вили рабочаго лицомъ къ лицу съ предпринимателемъ и, наконецъ, съ развитіемъ машиннаго производства (съ конца XVIII вѣка) крупная промышленность вполнѣ стала на ноги и начала играть въ соціальной жизни роль, одинаковую съ ролью крупнаго землевладѣнія и крупной торговли.

4. Духовенство, дворянство и буржуазія, какъ сословія вполнѣ или отчасти привилегированныя, хотя и въ неравной степени,—между прочимъ, одни пользовавшіяся правомъ представительства въ государственныхъ сеймахъ,—и какъ классы, въ обладаніи которыхъ сосредоточились земли и капиталы, возвышались надъ массою крестьянства и городского простонародья. Юридическая неравноправность (а въ деревняхъ и несвобода) и неудовлетворительность экономическаго быта большинства сельскаго и городского населенія вызвали въ новой исторіи Западной Европы два главныхъ соціальныхъ вопроса, которые существовали, конечно, давно, но поставлены были и стали рѣшаться лишь въ XVIII и XIX вв., именно вопросы крестьянскій и рабочій, причемъ первый касался ликвидаціи старыхъ соціальныхъ отношеній, возникшихъ на почвѣ феодализма, а второй былъ поставленъ только въ самое новое время въ связи съ результатами развитія пролетаріата, крупной промышленности, капитализма и политическаго могущества буржуазіи.

Положеніе народной массы было приниженное. Въ эпоху господства феодализма она находилась въ полномъ почти порабощеніи. Когда возникла сословная монархія, право представительства въ государственныхъ сеймахъ принадлежало лишь духовенству, дворянству и городамъ, которые пользовались своимъ политическимъ вліяніемъ самымъ своекорыстнымъ образомъ и въ ущербъ народнымъ правамъ и интересамъ. Съ паденіемъ сословно-

представительныхъ учрежденій и съ сосредоточеніемъ государственной власти въ рукахъ абсолютныхъ королей до начала новой политики, руководствовавшейся идеями Просвѣщенія, положеніе массы не улучшилось. Во-первыхъ, разрушивъ феодализмъ въ политическомъ отношеніи и лишивъ привилегированныя сословія самостоятельнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, абсолютная монархія до середины XVIII в. оставляла неприкосновенными соціальную сторону феодализма и гражданскія привилегіи духовенства и дворянства, тягостныя для народа. Во-вторыхъ, политика меркантилизма заставляла новое государство особенно покровительствовать представителямъ денежнаго капитала и часто даже прямо въ ущербъ правамъ и интересамъ земледѣльческаго и фабричнаго труда, особенно въ области регламентаціи промышленности, въ жертву которой приносились свобода и благосостояніе рабочихъ. Наконецъ, ко всѣмъ старымъ тяжестямъ, лежавшимъ на народѣ, къ десятинѣ, взимавшейся въ пользу духовенства, къ феодальнымъ поборамъ, которые шли отъ народа къ сеньерамъ, прибавились государственные налоги, всею своею тяжестью падавшіе на народную массу, въ которой правительства видѣли лишь податную силу. Въ положеніи массы происходило даже прямо ухудшеніе, тяжело отзывавшееся на ея свободѣ и матеріальномъ бытѣ, и въ XVIII в. оно достигло крайнихъ своихъ предѣловъ вообще послѣ временъ феодальной анархіи.

Такое положеніе народной массы и происходившія въ ней по временамъ ухудшенія были причиною ея возстаній, о которыхъ мы уже упоминали, и вообще всѣхъ происходившихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ новое время соціальныхъ движеній. Несмотря на всѣ различія, наблюдаемыя въ этихъ самыхъ движеніяхъ или въ от-

дѣльныхъ случаяхъ глухого броженія, не переходившаго въ открытый взрывъ, при всемъ различіи условій отдѣльныхъ странъ и эпохъ, гдѣ и когда совершалось что-либо подобное, вездѣ и всегда обнаруживается присутствіе одного, болѣе универсальнаго и непреходящаго источника соціальныхъ стремленій массы, покрывающаго собою временныя и мѣстныя отличія: съ конца среднихъ вѣковъ такія движенія становятся подъ знамя немногихъ принциповъ, формулирующихся, то какъ божественный законъ, заповѣдь Христова, евангельская свобода, то какъ велѣніе природы, естественное право, „права человѣка и гражданина“, т.-е. вездѣ и всегда личность ставитъ себя, свою свободу, свое право, свои стремленія и интересы подъ защиту религіозныхъ и соціально-этическихъ идей. Въ вѣкъ религіозной культуры и въ народной массѣ, особенно способной воспринимать общія идеи въ религіозной оболочкѣ, соціальныя движенія получали именно сектантскій характеръ, и въ сектахъ, какъ средневѣковыхъ, такъ и реформаціоннаго періода мы встрѣчаемся со всѣми существенными признаками народныхъ движеній на соціальной почвѣ. Къ голосу народа постепенно стали прислушиваться и правящіе классы, и правительства, сначала имѣвшія въ своемъ распоряженіи одну только репрессію,—и соціальныя реформы сдѣлались одною изъ задачъ прогрессивной политики. Не говоря объ отдѣльныхъ личностяхъ изъ высшихъ классовъ, защищавшихъ права и интересы народныхъ массъ, можно вообще замѣтить, что низшее духовенство нерѣдко переходило на сторону народа, и что буржуазія была, какъ мы видѣли, заодно съ массой, когда приходилось отстаивать общіе интересы противъ соціальныхъ привилегій и политическаго деспотизма. Съ развитіемъ государственнаго смысла и королевская власть начинала брать права и интересы

народа подъ свою защиту. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣятельность отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ объединялась идеей правъ личности на существованіе, достойное человѣка.

5. Съ конца среднихъ вѣковъ въ крестьянскомъ быту происходили весьма значительныя измѣненія, имѣвшія свои причины какъ въ самомъ этомъ быту и въ усиліяхъ народа улучшить свое положеніе, такъ и въ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ общихъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Въ феодальную эпоху положеніе крестьянина въ общемъ опредѣлялось особенностями соціальнаго феодализма—соединеніемъ крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ прикрѣпленныхъ къ землѣ поселянъ. Въ общемъ, въ положеніи этомъ нужно различать двѣ стороны: юридическую и экономическую. Первая состояла въ томъ, что личность крестьянина и то, чѣмъ онъ владѣлъ, зависѣли отъ власти феодальнаго сеньёра, вторая же—въ томъ, что крестьянинъ былъ обезпеченъ земельнымъ надѣломъ и велъ самостоятельно свое хозяйство. Такой бытъ не оставался неизмѣннымъ, но въ разныхъ странахъ и въ разныя времена онъ измѣнялся различнымъ образомъ. Въ Англіи юридическая подчиненность народной массы исчезла довольно рано, и можно сказать, что новая англійская исторія уже не знаетъ крѣпостничества. Довольно рано началось освобожденіе личности крестьянина отъ рабской зависимости и во Франціи, но процессъ этотъ совершался здѣсь весьма медленно, и въ XVIII в. на французской территоріи существовали еще крѣпостные, хотя мѣстное право многихъ провинцій уже его не допускало. Въ Германіи, Венгріи, Польшѣ, Даніи, наоборотъ, закрѣпощеніе личности крестьянина усилилось и даже прямо началось въ болѣе поздніе времена. Самое освобожденіе крестьянства

отъ рабской или нѣсколько смягченной зависимости совершалось или путемъ единичныхъ переходовъ къ свободѣ, какъ это дѣлалось въ болѣе раннія времена, или являлось, какъ общее мѣропріятіе, исходившее отъ правительства, что имѣло значеніе главнымъ образомъ въ послѣднія полтораста лѣтъ. Переходъ крестьянской личности въ свободное состояніе до позднѣйшихъ временъ,— когда съ личностью стала освобождаться отъ феодальныхъ правъ и земля, а личная свобода дополнялась земельнымъ обезпеченіемъ (наилучшая форма рѣшенія крестьянскаго вопроса),—сопровождался обыкновенно оставленіемъ надъ землею правъ феодальнаго сеньёра, обременявшихъ крестьянскую собственность поборами и стѣснявшихъ свободное распоряженіе ею, или же отобраніемъ земли въ пользу сеньёра, что подготовляло образованіе сельскаго пролетаріата. Съ особою рельефностью выступаетъ первая комбинація въ исторіи Франціи, гдѣ несвобода земли была общимъ правиломъ до самой революціи при сравнительно незначительныхъ остаткахъ несвободы личности: можно даже сказать вообще, что личная эманципація крестьянина покупалась здѣсь переложеніемъ на крестьянскую землю личныхъ повинностей. Но во Франціи наблюдается и другая форма — открѣпленіе крестьянина отъ земли не только въ юридическомъ, но и въ экономическомъ смыслѣ, т.-е. обезземеленіе, благодаря чему и здѣсь рядомъ съ крестьянствомъ, удержавшимъ землю, образовался сельскій пролетаріатъ, такъ что земледѣльческое сословіе раздѣлилось на хозяевъ и батраковъ. Особенно же обезземеленіе сельской массы характеризуетъ соціальную исторію Англіи, гдѣ оно началось весьма рано, происходило особенно быстро и достигло наибольшей степени развитія, создавъ въ деревняхъ только два класса: крупныхъ собственниковъ со снимающими у нихъ землю

капиталистами-фермерами и наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ, лишенныхъ всякой собственности. Здѣсь процессъ этотъ, внесшій въ аграрныя отношенія принципы буржуазнаго денежнаго хозяйства и капиталистической промышленности, завершился окончательно къ исходу XVIII в., — примѣръ того, что не всякая отмѣна феодальнаго режима была выгодна для народа, да и того также, что буржуазія перенесла принципы своего класса и въ сельскую жизнь, въ аграрныя отношенія, гдѣ она притомъ даже прямо стала вытѣснять аристократію.

Понятно, что при такомъ несходствѣ мѣстныхъ условій содержаніе крестьянскаго вопроса было не одно и то же въ разныхъ странахъ, но цѣль его была вездѣ одинакова—дарованіе земледѣльцу существованія, достойнаго способной къ духовному развитію и свободной человѣческой личности.

6. И въ сельскомъ, и въ городскомъ быту въ средніе вѣка преобладали мелкое хозяйство и мелкая промышленность. Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ былъ либо духовнымъ, либо военнымъ сословіемъ, не дѣлавшими изъ сельскаго хозяйства своей спеціальности, и въ феодальномъ аграрномъ строѣ сочетались крупное землевладѣніе съ мелкимъ хозяйствомъ. Достигалось это такимъ образомъ, что сеньёръ оставлялъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи лишь незначительную часть принадлежавшей ему земли, обработывая ее барщиннымъ трудомъ, а остальную „держали“ на разныхъ условіяхъ крестьяне, отбывавшіе за это разныя повинности и платившіе оброки. Равнымъ образомъ классъ крупныхъ капиталистовъ состоялъ изъ купцовъ, которые вели оптовую торговлю и совершали денежныя операціи, не являясь еще промышленными предпринимателями: производство находилось въ рукахъ хозяевъ (мастеровъ) небольшихъ мастерскихъ, гдѣ

они работали сами съ немногими младшими товарищами (подмастерьями) и мальчиками, учившимися у нихъ ремеслу (учениками), входя въ непосредственныя сношенія съ заказчиками и покупщиками, причемъ мастера одного ремесла составляли союзы (цехи), поддерживавшіе между ними равенство запрещеніемъ расширять производство отдѣльныхъ заведеній, положеніе же подмастерья было только временнымъ, т.-е. какъ бы переходнымъ состояніемъ отъ ученичества къ самостоятельному занятію ремесломъ. Въ основѣ цеховой организаціи, заботившейся о равномѣрномъ обезпеченіи отдѣльныхъ своихъ членовъ, лежалъ такимъ образомъ принципъ ассоціаціи, тѣмъ болѣе еще, что цехи получили и политическое значеніе во время борьбы ремесленной демократіи съ буржуазіей за участіе въ городскомъ управленіи. Въ деревняхъ равнымъ образомъ устанавливался общинный бытъ и не только ради отстаиванія міромъ своихъ правъ, но и ради цѣлей экономическихъ: крестьянскіе надѣлы послѣ жатвы и покоса подчинялись праву выпаса, т. е. вся деревня могла пасти свой скотъ на общемъ выгонѣ, что было весьма выгодно для скотоводства, а кромѣ того, у крестьянъ въ общемъ пользованіи были особыя пастбища, луга и лѣса. Такъ сочетались въ средневѣковомъ народномъ быту начало равнаго всѣмъ обезпеченія, благопріятнаго для личности въ смыслѣ удовлетворенія ея матеріальныхъ потребностей, и начало общественной солидарности во имя охраны личнаго благополучія, потому что цехи были, кромѣ того, и обществами взаимопомощи въ несчастныхъ случаяхъ, а существованіе общинныхъ правъ на землю имѣло по отношенію къ бѣднѣйшимъ жителямъ и благотворительный характеръ. Въ этихъ распорядкахъ, хорошая сторона которыхъ очевидна сама собою, народъ

самъ соединялъ требованія личности съ общественнымъ интересомъ.

Было бы ошибочнымъ, однако, думать, что такой бытъ былъ чѣмъ-то законченнымъ и всеобъемлющимъ: напротивъ, многое въ немъ имѣло характеръ начинаній, изъ которыхъ лишь позднѣе могли бы выработаться болѣе совершенныя формы, и рядомъ съ нимъ существовали иныя формы, болѣе сильныя и вмѣстѣ съ тѣмъ ему враждебныя. Мелкое хозяйство и общественная солидарность разлагались внутри и разрушались извнѣ.

Для истиннаго пониманія общественной солидарности и самоограниченія личности во имя соціальнаго интереса нужна извѣстная степень индивидуальнаго развитія, которой, конечно, не могло быть въ малокультурныхъ массахъ. Эгоистическія стремленія, которыя у представителей высшихъ классовъ общества выражались въ желаніи политическаго, юридическаго и экономическаго господства надъ массой, въ самой народной средѣ проявлялись въ формѣ желанія отдѣльныхъ ея членовъ къ уклоненію отъ обязанностей, налагавшихся на нихъ указаннымъ бытомъ, тѣмъ болѣе, что въ эпоху, когда личное начало вообще было въ загонѣ, многія стороны этого быта были и ненужнымъ образомъ стѣснительны. Выдѣленіе изъ крестьянскихъ общинъ отдѣльныхъ лицъ, которыя потомъ становились ихъ господами, есть явленіе уже очень старое, а стремленіе болѣе зажиточныхъ членовъ только за собою одними оставить пользованіе общинными угодьями съ исключеніемъ болѣе бѣдныхъ и позднѣе подкапывало общинный бытъ. Особенно же аналогичное явленіе наблюдается въ исторіи цеховъ, въ которыхъ мастера все болѣе и болѣе обособляются въ привилегированное сословіе, затрудняя доступъ къ званію мастера для посторонпихъ и облегчая его для своихъ сыновей и зятьевъ,

превращая своихъ младшихъ товарищей (compagnons, Gesellen, какъ назывались подмастерья) въ простыхъ наймитовъ, эксплуатируя ученическій трудъ удлинненіемъ сроковъ ученія, обходя всѣми правдами и неправдами цеховые статуты или создавая новыя правила въ свою пользу, злоупотребляя цеховыми должностями и т. п., такъ что мало-по-малу цехи пришли въ полный упадокъ. Такимъ образомъ само разложеніе общиннаго и цехового быта способствовало ухудшенію положенія массы, содѣйствовало возникновенію пролетаріата.

Извнѣ народная масса лишалась экономической самостоятельности вслѣдствіе развитія крупнаго хозяйства и возникновенія крупной промышленности. Съ теченіемъ времени землевладѣльцы нашли болѣе выгоднымъ для себя, гдѣ складывались для того благопріятныя условія, присоединять крестьянскіе участки къ тѣмъ, на которыхъ велось помѣщичье хозяйство, отбирать общинныя земли для образованія на нихъ новыхъ хозяйственныхъ участковъ, превращать наслѣдственныхъ „держателей“ во временныхъ арендаторовъ, соединять нѣсколько прежнихъ крестьянскихъ „держаній“ или въ одну большую ферму для отдачи ея въ краткосрочную аренду за деньги, или въ одну сплошную площадь для разведенія овецъ, доставляющихъ хорошую шерсть. Все это создавало пролетаріатъ, устремившійся на заработки въ города и быстро поглотившійся потребностями крупной промышленности. Купцы мало-по-малу стали переходить отъ одной скупки и распродажи товаровъ къ участію въ ихъ производствѣ, пользуясь своею денежною силою, дешевымъ трудомъ обезземеленныхъ рабочихъ, внутреннимъ разложеніемъ цеховъ и покровительствомъ меркантилистической политики. Крестьянину-собственнику или арендатору со своимъ мелкимъ хозяйствомъ и цеховому мастеру въ своемъ ма-

ленькомъ заведеніи часто было не подъ силу конкурировать съ помѣщикомъ, съ богатымъ фермеромъ, съ фабрикантомъ и приходилось нерѣдко, разорившихъ окончательно, спускаться изъ положенія самостоятельнаго хозяина въ ряды безземельнаго и часто бездомнаго пролетаріата.

Эти отношенія уже раньше стали обращать на себя вниманіе, пока не создали въ новѣйшее время особый рабочій вопросъ.

Переходимъ теперь отъ отношеній соціальныхъ къ политическому строю, который самъ обусловливается этими отношеніями и въ то же время оказываетъ самостоятельное вліяніе на происходящія въ нихъ измѣненія.

II. Политическій строй новыхъ вѣковъ.

1. Сословный строй общества и характеръ государства въ сословномъ обществѣ.—2. Государственные сеймы и королевская власть.—3. Церковь и государство.—4. Различіе въ политикѣ королей.—5. Индивидуальная свобода и государственная власть.

1. Взаимныя отношенія между государствомъ и обществомъ, или вѣрнѣе его отдѣльными классами, могутъ быть построены на разныхъ основаніяхъ. При католико-феодальномъ строѣ, гдѣ верховная власть сдѣлалась достояніемъ крупнаго духовнаго и свѣтскаго землевладѣнія, государство, такъ сказать, растворялось въ обществѣ, тогда какъ въ новой абсолютной монархіи, въ которой общественныя силы были лишены всякой самодѣятельности, общество, наоборотъ, поглощалось государствомъ. Въ обоихъ, однако, случаяхъ духовная и свѣтская ари-

стократія и въ качествѣ носителей государственной власти, и въ качествѣ привилегированныхъ подданныхъ абсолютнаго короля занимала одно и то же общественное положеніе. Между обѣими эпохами помѣщается періодъ, когда верховная власть дѣлилась между королемъ, какъ носителемъ государственнаго начала, и политическими учрежденіями, въ которыхъ было представлено общество съ его сословными раздѣленіями.

Западно-европейское государство переходитъ изъ среднихъ вѣковъ въ новое время въ формѣ сословной монархіи: періодъ растворенія государства въ обществѣ уже былъ пережитъ, періодъ поглощенія общества государствомъ былъ еще впереди. Эпоха сословной монархіи— XIV и XV вв.; въ XVII и XVIII столѣтіяхъ торжествуетъ королевскій абсолютизмъ; XVI вѣкъ является переходнымъ. Передъ этими пятью столѣтіями формируется, торжествуетъ и падаетъ политическій феодализмъ, раздѣлившій верховную власть между аристократическими элементами общества, конецъ же XVIII вѣка знаменуется переворотомъ, открывающимъ эпоху участія безсословнаго общества въ верховной власти, причемъ соціальное значеніе мало-по-малу переходитъ отъ аристократіи къ буржуазіи. Изъ главныхъ странъ Европы одна Англія не знала ни феодальнаго раздробленія съ расхищеніемъ суверенитета сеньёрами, ни королевскаго абсолютизма съ устраненіемъ общественныхъ силъ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Въ Англіи средневѣковая сословная монархія постепенно перешла въ новую монархію конституціонную, сдѣлавшуюся образцомъ, которому стали подражать континентальныя страны послѣ французской революціи. И здѣсь, какъ и вездѣ, обѣ формы общественнаго участія въ государственной власти не только гарантировали участвующимъ элементамъ извѣстную не-

зависимость въ тѣхъ или другихъ дѣлахъ отъ какой бы то ни было неограниченной воли, но и давали имъ возможность осуществлять при помощи государственнаго принужденія соціальныя стремленія указанныхъ элементовъ, получавшія прежде чисто сословный характеръ, потомъ начавшія отличаться характеромъ болѣе классовымъ. Въ новѣйшее время стали требовать подобной же гарантіи и подобной же возможности и чисто демократическія стремленія. Всѣ эти отношенія отражались и на новой политической литературѣ — въ развитіи идей ограниченной монархіи и народовластія.

Въ періодъ королевскаго абсолютизма, какъ мы уже видѣли, государство нанесло ударъ только политическимъ правамъ сословій, оставивъ за ними всѣ ихъ соціальныя привилегіи. Тѣмъ не менѣе въ народныхъ массахъ всегда была жива вѣра въ королевскую власть, въ силу той идеи, что король является представителемъ общихъ интересовъ, защитникомъ и покровителемъ слабыхъ и угнетенныхъ,—и стоя дѣйствительно выше сословныхъ стремленій, монархія на Западѣ, — когда она не искажалась феодальными симпатіями, когда она видѣла, что народнаго благосостоянія требуютъ ея же собственные интересы, когда, наконецъ, ея представители подпали подъ вліяніе прогрессивныхъ идей, — на самомъ дѣлѣ брала на себя инициативу общественныхъ реформъ, что особенно характеризуетъ періодъ просвѣщеннаго абсолютизма. Съ другой стороны, народныя массы оказывали поддержку королевской власти въ ея борьбѣ съ привилегированными сословіями.

2. Сословно-представительныя учрежденія возникли во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Характерными ихъ чертами являются при всѣхъ различіяхъ между ними: участіе общества чрезъ своихъ представителей въ

государственныхъ сеймахъ, куда раньше каждый являлся по личному праву, раздѣленіе этихъ сеймовъ на сословныя палаты, изданіе законовъ и установленіе налоговъ съ согласія представителей народа (въ политическомъ смыслѣ слова). Изъ этихъ чертъ представительная система и законодательная власть съ правомъ вотированія налоговъ перешли и въ конституціонную монархію новѣйшаго времени, какъ основныя условія политической свободы, но сословный характеръ старыхъ государственныхъ сеймовъ уступилъ мѣсто въ новыхъ конституціяхъ иному началу. Вездѣ, далѣе, право участія въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ принадлежало не всѣмъ сословіямъ, а лишь духовенству, дворянству и горожанамъ (во Франціи сельскому населенію лишь съ конца XV в., да въ Швеціи еще крестьянамъ, но за то въ Польшѣ одной только шляхтѣ), въ лучшемъ же случаѣ, — какъ это было въ Англіи, гдѣ рано стало падать сословное начало,—лишь извѣстному общественному классу, обладающему опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Сословность государственныхъ сеймовъ съ устраненіемъ изъ нихъ народной массы дѣлала изъ нихъ орудіе, съ помощью котораго высшіе классы общества могли осуществлять свои соціальныя стремленія въ ущербъ народнымъ интересамъ, на что намъ уже приходилось указывать выше. Стóитъ, напр., отмѣтить, что ухудшеніе быта крестьянъ и даже прямое ихъ закрѣпощеніе въ Германіи, въ Венгріи, въ Польшѣ, въ Даніи было дѣломъ мѣстныхъ сословныхъ сеймовъ, и что англійскій парламентъ принималъ дѣятельное участіе въ обезземеленіи крестьянъ. Поэтому, собранія государственныхъ чиновъ не пользовались довѣріемъ и поддержкою народныхъ массъ, и это было одною изъ причинъ ихъ безсилія въ борьбѣ съ королевскою властью.

Другимъ условіемъ ихъ безсилія въ этой борьбѣ былъ междусословный антагонизмъ: существуя въ самой соціальной жизни, онъ переносился и въ собранія сословныхъ представителей. Каждый чинъ отстаивалъ только свои интересы, игнорируя интересы другихъ чиновъ, и въ этомъ отношеніи особенную роль играло своекорыстное и высокомѣрное поведеніе дворянства, которое не хотѣло ничѣмъ жертвовать для государства и смотрѣло съ презрѣніемъ на третье сословіе, т.-е. на горожанъ. Главное исключеніе изъ общаго правила составляетъ англійскій парламентъ, въ нижней палатѣ котораго слились воедино разные соціальные элементы, въ общемъ весьма солидарно отстаивавшіе свои права и интересы, и въ общемъ же проявившіе гораздо больше государственнаго смысла, чѣмъ, напр., французскіе генеральные штаты, такъ какъ послѣдніе не удержали за собою даже права вотировать налоги и не добились участія въ законодательствѣ.

Всѣмъ сословно-представительнымъ учрежденіямъ съ разнымъ исходомъ приходилось выдерживать борьбу съ королями на почвѣ вопроса о взаимномъ раздѣлѣ между ними власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеймы добивались полнаго перевѣса надъ короной,—превращавшейся тогда въ своего рода высшую магистратуру аристократическихъ республикъ, какъ то было въ Польшѣ, а также одно время въ Даніи и Швеціи до монархическихъ переворотовъ, введшихъ въ обѣихъ этихъ странахъ (въ XVII и XVIII вв.) абсолютизмъ, — и поддерживали принципы избирательной монархіи (что наблюдается еще въ Чехіи и Венгріи). Но это были исключенія, и изъ нихъ одна только Польша удержалась до конца въ положеніи аристократической республики съ пожизненнымъ королемъ во главѣ. Въ другихъ странахъ собранія государственныхъ чиновъ или совсѣмъ прекратились, какъ то было

во Франціи, въ Испаніи, въ Даніи и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ княжествахъ, или продолжали существовать (въ габсбургскихъ земляхъ, въ другихъ нѣмецкихъ княжествахъ, въ Швеціи) безъ дѣйствительнаго значенія въ государствѣ, принявшемъ форму абсолютной монархіи. Даже Англія при Тюдорахъ и Стюартахъ переживала тяжелый кризисъ, когда и въ ней рѣшался вопросъ, чѣмъ быть ея парламенту и даже быть ли ему вообще. Мы увидимъ, что борьба сословно-представительныхъ учрежденій съ королевскою властью въ XVI и XVII вв. получаетъ особый интересъ по своей связи съ религіозной реформаціей и выработкой новыхъ политическихъ идей.

Паденіе сословно-представительныхъ учрежденій, выросшихъ на почвѣ католико-феодальнаго и муниципальнаго быта среднихъ вѣковъ, знаменуетъ собою, конечно, и упадокъ взростившаго ихъ быта, равно какъ нарожденіе новой силы, нашедшей опору въ объединеніи сословій подъ общимъ знаменемъ національности. Переходъ отъ средней исторіи къ новой отмѣченъ именно еще образованіемъ большихъ націй подъ главенствомъ королей. Въ феодальную эпоху король былъ вершиною феодальной лѣстницы сеньёровъ, первымъ между равными, а его власть опиралась на феодальную присягу вассаловъ и на крупное землевладѣніе (на домены): такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на короля феодалы. Въ народѣ сохранялось, однако, иное пониманіе монархической власти, представлялась ли она, какъ продолженіе власти абсолютныхъ римскихъ цезарей, что было, напр., во Франціи, или какъ наслѣдіе, оставленное прежними германскими королями, вождями народа, что и на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто въ Англіи. Къ этому присоединялся еще взглядъ церкви на божественное помазанничество государей. Сами короли, наконецъ, не хотѣли мириться

съ тѣмъ положеніемъ въ государствѣ, какое стремились создать для ихъ власти феодальныя силы. Борясь за свое право, монархія опиралась на юристовъ, которые очень рано (въ XII—XIII вв.) извлекли изъ римскаго права ученіе объ абсолютизмѣ королевской власти: „что благоугодно государю, то имѣетъ силу закона“. Въ концѣ среднихъ вѣковъ итальянскіе князья подали на дѣлѣ примѣръ европейскимъ королямъ, чѣмъ они впредь должны были быть. Дѣйствительно, итальянскій князь („principe“) былъ не феодальный сеньёръ, т.-е. не государь-помѣщикъ, и не феодальный король, т.-е. не всеобщій сюзеренъ и лишь первый между равными. Вотъ въ чемъ было дѣло. Въ городскихъ общинахъ и между прочимъ въ городскихъ общинахъ Италіи вообще впервые появилась верховная власть безъ земельной основы, и это была власть республиканская. Но эта власть въ Италіи мало-по-малу перешла къ князьямъ, когда въ тамошнихъ городахъ повторилась исторія античной тираніи на почвѣ борьбы аристократіи и демократіи: итальянскій принципатъ, опирающійся на народное признаніе и на вооруженную силу, переносилъ на себя неограниченную верховную власть городской республики, не нуждаясь ни въ крупномъ землевладѣніи, ни въ вассалахъ, а Макіавелли въ началѣ XVI в. въ своемъ трактатѣ „Государь“,—столь популярномъ у государей эпохи,—создалъ и теоретическое обоснованіе этой власти. Короли заимствовали у итальянскихъ князей практику абсолютизма и усвоили его теорію, которую въ иной формѣ повторилъ въ концѣ того же вѣка Боденъ, приглашавшій монарховъ стать выше сословій и партій въ качествѣ представителей государственнаго единства. Идея абсолютизма была примѣнена къ сословно-представительнымъ учрежденіямъ, и имъ предстояло либо исчезнуть, либо сохра-

ниться только подъ условіемъ отказа отъ своихъ традицій, правъ и притязаній. Мѣстныя и временныя условія рѣшили ихъ судьбу въ разныхъ случаяхъ различнымъ образомъ, и королевская власть восторжествовала надъ сословіями.

3. Первымъ изъ этихъ сословій было духовенство: въ качествѣ класса крупныхъ землевладѣльцевъ оно занимало одно положеніе съ дворянствомъ, но кромѣ того, оно составляло еще организацію, выходившую за предѣлы отдѣльныхъ государствъ, охватывавшую весь европейскій Западъ, хорошо сплоченную и дисциплинированную подъ главенствомъ римскаго первосвященника. Все это усложняло положеніе духовенства въ государствѣ, а тутъ еще ставился и различнымъ образомъ рѣшался вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ королевской (или императорской) и папской власти, объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью.

Политическимъ идеаломъ средневѣковаго папства была теократія: римскіе первосвященники считали себя земными намѣстниками самого Бога и выводили отсюда свои политическія притязанія. Церковь есть, гласила далѣе ихъ теорія, божественное установленіе, государство — дѣло рукъ человѣческихъ; духовная власть установлена самимъ Богомъ для управленія душами, мірской власти ввѣрено попеченіе лишь о тѣлахъ: небесное выше земного, духовное выше плотскаго—церковь должна главенствовать надъ государствомъ. Отсюда папѣ принадлежало право возводить на престолъ и низлагать государей, отрѣшать ихъ подданныхъ отъ присяги, издавать законы, обязательные для всѣхъ государствъ, облагать ихъ подданныхъ налогами въ пользу церкви, не спрашивая на это ничьего согласія, свѣтскіе же монархи должны были повиноваться верховному первосвященнику во всѣхъ этихъ

дѣлахъ, не могли дѣлать самостоятельныхъ постановленій, сколько-нибудь касающихся церкви, и не смѣли налагать податей на ея служителей. Понятно, что это должно было ставить и духовенство каждой отдѣльной страны въ совершенно привилегированное положеніе, давало ему особыя права надъ обществомъ (таковы между прочимъ сборъ десятины, широкая компетенція церковнаго суда), освобождало его отъ подчиненія государственной администраціи, государственнымъ началамъ. Въ лучшемъ случаѣ эта теорія истолковывалась въ смыслѣ строгаго раздѣленія властей духовной и свѣтской, на основаніи текста: „воздадите Божія Богови, а кесарева кесареви“, — текста, понимавшагося въ смыслѣ взаимной независимости обѣихъ силъ, что оберегало церковь отъ вмѣшательства государства въ ея внутреннія дѣла.

Католической церкви не удалось осуществить свой теократическій идеалъ, но въ общемъ условія средневѣковой жизни весьма благопріятствовали ея стремленіямъ и притязаніямъ. Духовенство культурно возвышалось надъ свѣтскимъ обществомъ своимъ образованіемъ, а матеріально было сословіемъ весьма могущественнымъ, что давало ему моральную силу надъ массой и позволяло сопротивляться требованіямъ государства. Церковь, притомъ, долгое время была единственной прочной организаціей, охватывавшею всѣ страны Запада и централизованною, въ періодъ разложенія государства на феодальныя владѣнія и политической разобщенности націй, и это также давало ей перевѣсъ надъ свѣтскою властью. Послѣдняя не могла примириться съ такимъ положеніемъ, и вотъ между церковью и государствомъ возникла на Западѣ вѣковая борьба, не окончившаяся въ католическихъ странахъ и по сіе время. Перевѣсъ въ этой борьбѣ былъ сначала на сторонѣ церкви, но потомъ склонился

на сторону государства, что соотвѣтствовало упадку, въ какомъ находилась церковь въ концѣ среднихъ вѣковъ, и тогдашнему усиленію государства, а также и вообще переходу преобладанія въ жизни отъ церковной культуры среднихъ вѣковъ къ свѣтской культурѣ новаго времени. Государство успѣшно отражаетъ притязанія папства и клира и даже само переходитъ въ наступленіе: въ эпоху реформаціи часть государей Западной Европы освобождается отъ папской власти, становится во главѣ мѣстныхъ, уже чисто государственныхъ церквей, превращаетъ духовенство въ зависимое отъ свѣтской власти чиновничество, лишаетъ его основъ матеріальнаго могущества посредствомъ отобранія у церкви ея земель, и такимъ образомъ прежнее поглощеніе государства церковью смѣняется обратнымъ отношеніемъ; если другая часть государей и осталась въ союзѣ съ католическою церковью и даже стала на защиту ея противъ реформаціи, то это не мѣшало и имъ всячески отстаивать свою власть и права государства отъ притязаній папства и клира,— сдѣлавшихся къ тому же болѣе уступчивыми, — и даже расширять эту власть и эти права, превращая духовенство въ орудіе абсолютизма, а въ періодъ такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма во второй половинѣ XVIII в. католическія правительства прямо уже выступили на путь, на которомъ протестантскіе государи находились въ XVI в. „Гражданское устройство духовенства“ французской революціи было однимъ изъ проявленій того же самаго процесса, который отразился и въ области политическихъ теорій, сводившихся къ ученію о томъ, что религія есть дѣло чисто государственное.

4. Такимъ образомъ новое государство вышло побѣдителемъ изъ борьбы съ средневѣковыми силами феодализма (съ его отпрыскомъ — муниципальнымъ бытомъ) и

католицизма: сначала они справились съ отдѣльными свѣтскими и духовными феодалами, потомъ частью подчинили себѣ, частью совсѣмъ устранили въ своихъ владѣніяхъ независимыя политическія организаціи сословно-представительныхъ учрежденій и католической церкви. Уничтожая право сословій вотировать налоги и дѣлая изъ церкви учрежденіе чисто государственное, короли становились самостоятельными распорядителями по отношенію къ матеріальнымъ средствамъ общества и верховными руководителями его духовной жизни. Государство возвышалось надъ обществомъ и подчиняло себѣ личность, распоряжаясь ея достояніемъ и совѣстью. Государственный принципъ пересиливалъ начала сословности, церковности, общественности и личности. Политическія цѣли ставились впереди всѣхъ другихъ.

При такомъ общемъ положеніи дѣлъ въ новыхъ абсолютныхъ монархіяхъ возможны были, однако, и дѣйствительно существовали большія различія — въ отдѣльныхъ странахъ, въ отдѣльныя эпохи и смотря по личностямъ государей.

Королевскія права выводились теоретически изъ божественнаго или изъ естественнаго права, что стояло въ связи съ различіемъ общихъ міросозерцаній, а на практикѣ разсматривались то какъ существующія во имя общаго блага, то какъ составляющія частную собственность короля. Абсолютизмъ въ пониманіи писателей XVII в. Фильмера и Боссюэта, приписывавшихъ ему божественность происхожденія, и абсолютизмъ у Макіавелли, Бодена, Гоббза, Вольтера, физіократовъ, Фридриха II, выводившихъ его изъ естественной государственной необходимости, не одно и то же. Различны между собою и формулы Людовика XIV, подчинявшаго идею государства идеѣ короля, какъ даннаго лица („государ-

ство, это — я"), и Гогенцоллерновъ въ Пруссіи, видѣвшихъ въ короляхъ лишь первыхъ слугъ государства. Своими правами короли пользовались, далѣе, или для органической внутренней работы государственнаго строенія, или для возвеличенія себя блескомъ внѣшнимъ завоеваній и въ династическихъ цѣляхъ. Абсолютизмъ, наконецъ, служилъ также или дѣлу культурной и соціальной реакціи, или, наоборотъ, становился орудіемъ духовнаго и общественнаго прогресса. Въ послѣднемъ отношеніи можно различать, напр., вѣроисповѣдный и придворный абсолютизмъ XVI и XVII вв. и „просвѣщенный" абсолютизмъ XVIII вѣка.

Мы уже не разъ упоминали, что въ общемъ королевская власть послѣ побѣды своей надъ феодализмомъ и католицизмомъ отняла у дворянства и духовенства ихъ политическія права, оставивъ за ними — и даже взявъ подъ свою защиту—ихъ соціальныя привилегіи и господство надъ духовною жизнью общества. Этимъ вплоть до эпохи просвѣщеннаго абсолютизма опредѣлялась почти вся политика королей по отношенію къ соціальнымъ различіямъ и, слѣдовательно, по отношенію къ народу. Государственная идея общаго интереса отступала въ такой политикѣ на задній планъ, и государство превращалось, наоборотъ, въ организацію, которая поддерживала всею своею мощью соціальныя привилегіи католико-феодальнаго происхожденія. Если при такой политикѣ и имѣлось въ виду общее благо, то лишь въ смыслѣ поддержки внутренняго порядка и внѣшней независимости, какъ это прямо и заявлялось даже политическими теоретиками, т.-е. не народное благосостояніе, которое, по циническому заявленію Ришелье, съ государственной точки зрѣнія было даже опасно. Для поддержки внутренняго порядка и внѣшней безопасности, равно какъ для блеска

придворной жизни и для завоевательной политики, когда королевскія стремленія получали исключительно личный характеръ, нужны были матеріальныя средства, а ихъ долженъ былъ доставлять народъ. Щадя соціальныя привилегіи католико-феодальнаго характера, королевская власть всю податную тяжесть налагала на одну народную массу. Но кромѣ того, ради добыванія денегъ, нужныхъ для національнаго и политическаго существованія страны, новое государство прибѣгло къ особой экономической политикѣ меркантилизма, главную цѣль которой составляли именно фискальные интересы: казнѣ нужны были деньги, и ихъ думали добывать исключительно покровительствуя ввозу ихъ въ страну и вывозу изъ страны товаровъ, т.-е. поощряя оптовую торговлю и крупную промышленность и этимъ содѣйствуя развитію буржуазіи—часто, какъ мы видѣли, въ ущербъ земледѣлію (и, слѣдовательно, крестьянству) и интересамъ городскихъ рабочихъ.

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ западно-европейское государство—и въ формѣ сословной монархіи, и въ формѣ монархіи абсолютной до поворота въ политикѣ послѣдней въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма—игнорировало народные интересы, и тѣмъ рельефнѣе выступаютъ исключенія изъ этого общаго правила вродѣ заботы Генриха IV о курицѣ въ праздничномъ супѣ крестьянина.

6. Выросши въ подобную силу, новое государство должно было оказать вліяніе и на судьбу отдѣльной личности, какъ таковой, безотносительно къ ея соціальному положенію. Старая политическая организація не признавала чисто личныхъ правъ, замѣнявшихся въ ней правами сословными; новый политическій строй призналъ сословныя права лишь во взаимныхъ отношеніяхъ между

отдѣльными лицами, но не по отношенію къ государственной власти. Послѣдняя и на практикѣ, и въ теоріи отрицала индивидуальную свободу, оставляя за собою безграничныя права, и этотъ принципъ перешелъ даже въ республиканскій идеалъ Руссо, вдохновлявшій въ эпоху французской революціи чисто демократическую политическую партію якобинцевъ, которые въ индивидуальной свободѣ видѣли опасный и преступный — съ государственной точки зрѣнія — „инцивизмъ“.

Между прочими отношеніями этого рода заслуживаютъ особаго вниманія два.

Во-первыхъ, государство новаго времени взяло подъ свою опеку экономическую дѣятельность — не для регулированія отношеній между капиталомъ и трудомъ во имя народнаго благосостоянія, а въ цѣляхъ послѣднему совершенно постороннихъ: меркантилизмъ (или протекціонизмъ) былъ вмѣшательствомъ государства въ мелочи производства и установленіемъ цѣлаго ряда стѣсненій въ промышленной дѣятельности общества, противъ чего сталъ раздаваться въ серединѣ XVIII вѣка литературный протестъ экономической школы физіократовъ.

Во-вторыхъ,—и это въ исторіи XVI—XVIII в. имѣло неизмѣримо большее значеніе,—принципы государственности и индивидуализма столкнулись на почвѣ религіи. Мы еще увидимъ, что реформаціонное движеніе XVI в., взятое въ цѣломъ, имѣло причины моральныя, соціальныя и политическія. Оставляя въ сторонѣ соціальную сторону движенія, мы отмѣтимъ здѣсь два противоположные взгляда на религію, образовавшіеся въ эту эпоху: у католической церкви стали оспариваться ея старыя права въ области вѣры какъ отдѣльною личностью, такъ и государствомъ, и послѣ ихъ побѣды надъ старою церковью (конечно, гдѣ эта побѣда имѣла мѣсто) возникъ споръ о

томъ, есть ли религія дѣло государственное или же только внутреннее дѣло индивидуальной совѣсти. Государство стремилось поглотить въ себѣ церковь съ ея прежними правами надъ индивидуальною совѣстью, послѣдняя же начала отстаивать свое право на свободу. На этой почвѣ и произошло первое принципіальное столкновеніе между притязаніемъ государства на абсолютное право и индивидуальною свободою. Побѣда въ концѣ склонилась на сторону личности, и принципъ свободы совѣсти расширился вообще въ принципъ индивидуальной свободы отъ всякаго внѣшняго принужденія въ духовной сферѣ жизни.

III. Средневѣковое міросозерцаніе.

1. Общія соображенія.—2. Общее опредѣленіе средневѣкового міросозерцанія.—3. Схоластическая философія.—4. Аскетическая мораль.—5. Реакціи католицизма.

1. Слѣдя за судьбою личности въ ея зависимости отъ соціальныхъ и политическихъ отношеній съ конца среднихъ вѣковъ, мы выполняли программу, поставленную въ первыхъ строкахъ первой главы настоящаго труда. Соціально-политическими отношеніями еще не вполнѣ опредѣляется вся жизнь личности въ обществѣ и ея историческая судьба. Во-первыхъ, существуетъ еще цѣлый внутренній міръ индивидуальнаго бытія, или міръ идей въ его отличіи отъ міра учрежденій. Идеи могутъ имѣть весьма разнообразное содержаніе, что кладетъ печать на всю духовную жизнь личности. Далѣе, въ культурномъ смыслѣ цѣлое общество можетъ стоять на различныхъ уровняхъ въ разныя эпохи своего историческаго суще-

ствованія, а среди самихъ членовъ общества въ этомъ отношеніи возможно величайшее несходство въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ разнымъ соціальнымъ классамъ и профессіямъ. Въ обоихъ отношеніяхъ отъ характера и количества культурныхъ идей, доступныхъ личности и ею усвоенныхъ, зависятъ степень личнаго развитія и направленіе, какое принимаетъ историческая дѣятельность человѣка, а это, въ свою очередь, сказывается на соціально-политическихъ отношеніяхъ, опредѣляющихъ судьбу личностей. Наконецъ, есть прямо идеи, касающіяся именно вопросовъ общественности и государственности и оказывающія вліяніе на реальныя отношенія этихъ сферъ въ настоящемъ и будущемъ.

Изъ совокупности идей, господствующихъ въ духовной жизни отдѣльной личности и цѣлаго общества, поскольку его членовъ объединяютъ общія понятія и воззрѣнія, или въ духовной жизни какого-либо частнаго соціальнаго класса или культурнаго слоя, складывается то, что мы называемъ ихъ міросозерцаніемъ. Эти идеи какасаются Божества и природы, человѣка и общества, являясь, какъ идеи религіозныя, научныя, моральныя и политическія (въ широкомъ смыслѣ), и объединяясь въ идеяхъ философскихъ, которыя сами могутъ быть или теологическими, или свѣтскими. Въ каждомъ обществѣ выдѣляется особый культурный классъ, такъ сказать, задающій тонъ всей общественной жизни своими идеями: въ средніе вѣка такимъ классомъ было духовенство, въ новое время имъ сдѣлалась свѣтская интеллигенція. Умственные и общественные интересы этого слоя могутъ съуживаться и расширяться, и на его стремленіяхъ могутъ больше или меньше отражаться стремленія и интересы отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Можно, поэтому, говорить о временахъ культурнаго процвѣтанія и культур-

наго упадка, значеніе которыхъ для личнаго развитія и соціальнаго прогресса, конечно, не одинаково: высокій культурный уровень для обоихъ благопріятенъ, культурный регрессъ влечетъ за собою, наоборотъ, соціальную и политическую реакцію. Умственные интересы интеллигенціи могутъ быть, далѣе, направлены на предметы чисто отвлеченнаго знанія или и на общественные вопросы, чѣмъ такъ, напр., отличались между собою гуманизмъ XIV — XV столѣтій и просвѣщеніе XVIII вѣка. Интеллигенція, наконецъ, можетъ вполнѣ совпадать или совсѣмъ не совпадать съ извѣстнымъ соціальнымъ классомъ, болѣе проникаться классовыми стремленіями и интересами, выражая ихъ и въ литературѣ, или возвышаться до болѣе общихъ идей и служить вообще человѣку, защитѣ личности и общественнаго блага. Отсюда различные оттѣнки міросозерцаній, каковы, напр., клерикальный, господствовавшій въ средніе вѣка, придворно-аристократическій, введенный въ моду итальянскими князьями и прославившій вѣкъ Людовика XIV, буржуазный и простонародный или надъ всѣми ими возвышающійся типъ универсальный, общечеловѣческій, начало которому положено въ новой Европѣ лучшими представителями гуманизма.

Культурная исторія новаго времени характеризуется вообще побѣдою свѣтской культуры надъ церковною, въ рамки которой католицизмъ стремился заключить философію, науку, литературу, искусство, заставивъ ихъ служить не духовнымъ потребностямъ человѣческой личности, а интересамъ церкви, добивавшейся духовнаго и политическаго господства надъ обществомъ и государствомъ. Секуляризація культуры составляетъ одно изъ самыхъ блестящихъ успѣховъ индивидуализма. Съ другой стороны, въ этой свѣтской культурѣ общечеловѣческій и обще-

ственный принципъ все болѣе и болѣе беретъ верхъ надъ сословностью и соціальнымъ индиферентизмомъ, въ которомъ, хотя бы и на общечеловѣческой подкладкѣ, повинны были въ новое время, напр., итальянскій гуманизмъ и нѣмецкое просвѣщеніе XVIII вѣка въ сравненіи съ передовымъ протестантизмомъ и съ французской просвѣтительной литературой того же столѣтія.

Позволительно даже провести извѣстнаго рода параллелизмъ между политическимъ и литературнымъ развитіемъ новаго времени. Въ обѣихъ сферахъ свѣтское начало одерживаетъ побѣду надъ церковностью католицизма и начало общественности—надъ сословностью, этимъ наслѣдіемъ феодализма. И государство, и литература, однако, принимаютъ на время черезчуръ отвлеченный характеръ, забывая живую личность и реальныя потребности общества. Какъ это было по отношенію къ государству, мы это уже видѣли выше; въ исторіи же литературы мы разумѣемъ здѣсь періодъ оскудѣнія въ ея произведеніяхъ страстнаго и упорнаго исканія правды, выработки личной и соціальной этики, отзывчивости на общественную злобу дня, а этимъ именно характеризуется преимущественно французскій классицизмъ вѣка Людовика XIV, когда государство, какъ въ былыя времена католическая церковь, задумало изъ философіи, науки, литературы и искусства сдѣлать одно изъ орудій безусловнаго своего господства надъ личностью и надъ обществомъ.

2. Средневѣковое католическое міросозерцаніе было по характеру своему теологическимъ, по стремленіямъ своихъ главныхъ представителей, т.-е. духовенства и монашества—клерикальнымъ. Духовенство не только занимало въ обществѣ первое мѣсто въ отношеніи политическомъ и соціальномъ, но и господствовало надъ нимъ въ отношеніи культурномъ, какъ единственный образо-

ванный классъ общества. Послѣднее жило идеями этого культурнаго класса, или вполнѣ ихъ раздѣляя, или въ значительной мѣрѣ имъ подчиняясь, или не выставляя противъ нихъ идей противоположныхъ, протестуя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, безъ большого успѣха, а главное безъ системы и объединяющаго принципа. Католическое міросозерцаніе было сильно, между прочимъ, своею систематичностью и своимъ внутреннимъ единствомъ. Мы видѣли требованіе со стороны церкви полнаго подчиненія ей государства, но это было только частнымъ примѣненіемъ принципа, въ силу котораго и духовенство должно было господствовать надъ свѣтскими сословіями, и философія должна была быть лишь служанкой богословія, и вся земная жизнь человѣка—только приготовленіемъ къ жизни въ иномъ мірѣ. Господство церкви надъ міромъ и отреченіе личности отъ міра, дабы, находясь въ безусловномъ подчиненіи у церкви, совершать дѣло своего загробнаго спасенія,—вотъ къ чему сводятся всѣ требованія системы. Система сама вытекала изъ послѣдовательнаго проведенія цѣльнаго взгляда на человѣческую жизнь, основы котораго заимствованы были у христіанства, но не составляли его сущности: отечество человѣка не на землѣ; въ своей временной жизни онъ долженъ заботиться лишь объ одномъ загробномъ спасеніи; міръ мѣшаетъ въ этомъ человѣку своими соблазнами, а потому нужно отречься отъ міра и радостей жизни, отъ матеріальнаго благосостоянія, отъ любви и брака, отъ свободы, какъ отъ источниковъ грѣха; по грѣховности природы своей человѣкъ не можетъ спастись безъ помощи церкви, которая и должна господствовать надъ всѣмъ, что есть на землѣ, для успѣшнаго выполненія порученнаго ей дѣла—спасать души людей для вѣчной жизни. Идея отреченія отъ міра и идея господства надъ міромъ,

столь противоположныя, но оказавшіяся столь близкими между собою, нашли свое воплощеніе въ монашествѣ и папствѣ. Учрежденіе, осуществлявшее идею аскетизма, было именно монашество, служившее въ то же время лучшею опорою учрежденію папства, представлявшему собою принципъ теократическій. Правда, аскетизмъ плохо мирился съ монастырскимъ землевладѣніемъ, а теократія не оправдывалась поведеніемъ порочныхъ папъ, но это относится уже къ области внѣшнихъ фактовъ, а не къ области идей: по идеѣ монахи, удалившіеся отъ міра, чтобы, давъ обѣты цѣломудрія, бѣдности и послушанія, удручать свою плоть постомъ, ночными бдѣніями и тяжелымъ трудомъ, а духовно заниматься лишь покаяніемъ и богомысліемъ, должны были быть примѣромъ аскетической жизни, которая одна не была жизнью грѣховною, а папа, поставленный надъ всѣми царями земными и надъ всѣмъ міромъ, долженъ былъ быть намѣстникомъ Божіимъ на землѣ, дабы освящать земную жизнь отъ грѣха и направлять всѣхъ и вся къ единой небесной цѣли. Аскетизму, бывшему высшимъ принципомъ моральнаго міросозерцанія, и теократіи, являвшейся высшимъ принципомъ міросозерцанія политическаго, въ умственной сферѣ соотвѣтствовала схоластическая философія, въ которой проведены были всё тѣ же два принципа—отреченія отъ міра и господства надъ міромъ: внѣшній міръ считался предметомъ, недостойнымъ вниманія, да и сама человѣческая природа, испорченная первороднымъ грѣхомъ, казалась достойною изученія только съ точки зрѣнія спасенія человѣка отъ вѣчной смерти воплотившимся Сыномъ Божіимъ, въ своихъ же мысляхъ о томъ, что достойно быть предметомъ вниманія, человѣкъ долженъ былъ безусловно полагаться на ученіе церкви, не отступая отъ него при добываніи новыхъ истинъ и пользуясь своимъ

разумомъ лишь для того, чтобы его доводами подкрѣплять догматы вѣры.

Такимъ образомъ, исходя изъ религіознаго міросозерцанія, католическая церковь построила догматическую науку, аскетическую мораль и теократическую политику, отрицавшія человѣческія начала интереса къ внѣшнему міру и къ своему собственному *я*, пытливости личнаго ума, стремленія къ физическому здоровью и матеріальному благосостоянію, половой любви и семейныхъ заботъ и радостей, наконецъ, государственнаго суверенитета, какъ высшаго проявленія общественнаго бытія. Полное осуществленіе такого идеала было немыслимо, и даже въ теоріи лишь немногіе были послѣдовательны, но и того, что приводилось въ исполненіе и заявлялось съ оговорками, съ уступками и съ противорѣчіями даже, было совершенно достаточно, чтобы наложить на развитіе и свободу личности крѣпкія и тяжелыя узы.

Оставивъ въ сторонѣ область политики, о которой мы уже говорили, остановимся въ средневѣковомъ католическомъ міросозерцаніи, на догматической наукѣ и аскетической морали церкви, какъ имѣющихъ чисто культурный интересъ и именно по отношенію къ духовной и матеріальной жизни личности, такъ какъ эта жизнь во многомъ опредѣлялась (помимо условій соціальныхъ и политическихъ) именно и разсматриваемымъ міросозерцаніемъ. Это намъ тѣмъ болѣе необходимо, что прогрессивный индивидуализмъ новаго времени ранѣе всего проявился какъ-разъ въ сферѣ умственной и нравственной жизни, гдѣ культурное направленіе, извѣстное подъ названіемъ гуманизма, было по существу своему возстановленіемъ человѣческихъ началъ въ жизни личности, отрицавшихся средневѣковымъ міросозерцаніемъ.

3. Новая Европа обязана успѣхами своей цивилиза-

ціи, своею богатою духовною культурою, своею высокою техникою, усовершенствованіями своего гражданскаго быта и т. п.—своей наукѣ, получившей въ послѣднія столѣтія небывалое дотолѣ развитіе. Всѣ эти результаты были плодомъ умственнаго движенія, зародившагося въ эпоху Возрожденія, само же движеніе это имѣло непреходящій источникъ въ духовныхъ потребностяхъ развитой личности, въ стремленіяхъ пытливаго ума, въ ищущей удовлетворенія личной способности или склонности къ изслѣдованію, къ творчеству и къ умозрѣнію, въ благородной жаждѣ знанія. Наступленіе эпохи, когда стало возможнымъ блестящее научное и философское развитіе, было важнымъ моментомъ въ жизни Запада прямо съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Культурный уровень общества значительно понизился въ концѣ существованія древняго міра, и примѣръ Византіи, которой въ пору было только „хранить“ сокровища античной цивилизаціи, показываетъ, что совсѣмъ не одни варвары, разрушившіе Западную Римскую имперію, были виновниками гибели въ ней развитой умственной жизни. Приходъ германцевъ, дѣйствительно, довершилъ начавшійся упадокъ, а времена феодальной анархіи менѣе всего могли способствовать поднятію культурнаго уровня общества. Въ эти эпохи единственнымъ образованнымъ сословіемъ было духовенство, въ рукахъ котораго, однако, вся письменность должна была получить церковный характеръ, да и это сословіе далеко не всегда и еще больше не въ полномъ составѣ стояло на высотѣ своего призванія быть просвѣтителемъ общества: въ исторіи образованности можно отмѣтить сплошныя эпохи невѣжества всего клира, а въ лучшія времена католической цивилизаціи—многочисленные примѣры, доказывающіе, что духовные пастыри были почти столь же необразованны, какъ и ихъ паства. Военный

бытъ феодальнаго сословія съ его замками, усобицами, турнирами и охотами совсѣмъ не былъ приспособленъ къ пробужденію умственныхъ интересовъ. Первую свѣтскую интеллигенцію составили, поэтому, люди, которыхъ можно назвать разночинцами и которые вышли изъ городскихъ классовъ общества, но это могло случиться только въ сравнительно позднюю эпоху исхода среднихъ вѣковъ.

„Философія есть служанка богословія“, вотъ какъ формулировалъ значеніе научнаго изслѣдованія Ѳома Аквинскій: дѣятельность разума сводилась на то, чтобы его доводами подкрѣплять извѣстныя незыблемыя положенія, и, напр., возстановитель философскаго элемента въ теологіи, Ансельмъ Кентербёрійскій, прямо находилъ нужнымъ, чтобы къ пониманію вела вѣра (credo, ut intelligam). Свѣтскому лицу совсѣмъ запрещалось разсуждать, дабы не впасть въ ересь, и въ этомъ смыслѣ на человѣческую мысль наложена была церковью самая строгая опека: занятіе наукой и ея преподаваніемъ поручалось только церковникамъ, за которыми, однако, власти бдительно слѣдили, потому что и клирики не считались— да и въ дѣйствительности не были — гарантированными отъ ереси. Несогласный въ чемъ-либо съ оффиціальной философіей подвергался осужденію и запрещенію, нерѣдко даже гоненію, преслѣдованіямъ, обвиненію въ ереси, церковному суду: церковь считала себя въ правѣ силою приводить человѣка къ истинѣ и предавать его свѣтской власти для казни „безъ пролитія крови“, если онъ упорствовалъ. Крайній аскетическій взглядъ на знаніе приводилъ даже къ отрицанію какой бы то ни было науки, какъ суетнаго занятія, ведущаго къ гибели, но эта точка зрѣнія, конечно, не могла сдѣлаться общепринятой. Представители средневѣкового міросозерцанія

учились, думали и писали и ради служенія интересамъ церкви, и ради удовлетворенія собственной умственной потребности, что приводило ихъ нерѣдко въ столкновеніе съ авторитетами. Схоластическая философія, характеризующая средневѣковую образованность, отражала на себѣ всѣ указанныя отношенія: человѣческой мысли отводилось весьма ограниченное поле вопросовъ метафизики и логики, наиболѣе отрѣшенныхъ отъ изученія реальнаго міра, природы и человѣка, и въ этихъ вопросахъ нужно было согласоваться съ признанными авторитетами, при чемъ главную роль въ данномъ случаѣ игралъ Аристотель. Въ какомъ исключительно отвлеченномъ направленіи работала тогда мысль, видно изъ знаменитаго спора между номинализмомъ и реализмомъ о томъ, суть ли общія понятія— простыя слова или же они суть реальности; церковь взяла подъ свое покровительство вторую точку зрѣнія, въ сущности еще больше отвлекавшую схоластиковъ отъ занятія дѣйствительными, а не мнимыми реальностями. Въ этомъ духѣ стали передѣлывать самого Аристотеля, не особенно подходившаго къ схоластическому „реализму“. Въ то время какъ схоластика не видѣла за отвлеченностями міра настоящей жизни человѣческой личности среди природы и въ обществѣ, другая, болѣе наивная часть церковной письменности, воплощала духовныя представленія религіи въ грубые чувственные образы, перенося на небесное черты земного быта и въ этомъ отношеніи даже въ самой религіи не возвышаясь надъ самыми суевѣрными взглядами.

Только гуманизмъ положилъ начало самостоятельной дѣятельности разума и интересу къ реальному міру.

4. Человѣческая личность ищетъ высшей правды и находитъ ее въ своемъ моральномъ міросозерцаніи, которое либо получаетъ готовымъ отъ окружающей среды,

либо вырабатываетъ себѣ сама, прислушиваясь къ голосу собственной совѣсти и руководясь собственнымъ разумомъ. Средневѣковой человѣкъ получалъ готовое моральное міросозерцаніе, отожествлявшее само христіанство, эту религію любви къ ближнему, съ аскетизмомъ во имя чисто эгоистической заботы о личномъ загробномъ спасеніи. Въ обществѣ есть всегда люди съ болѣе чуткою совѣстью, съ болѣе сильнымъ характеромъ и болѣе способные жертвовать благами жизни во имя сознаннаго долга, и, смотря по тому, въ чемъ заключалось пониманіе долга, эти люди становились тѣмъ или другимъ. Средневѣковое міросозерцаніе дѣлало изъ такихъ людей—аскетовъ, оставлявшихъ общество и убивавшихъ въ себѣ инстинкты природы, хотя, съ другой стороны, конечно, вмѣстѣ съ ними въ монастыри шли и люди иныхъ настроеній, да и не всѣ тѣ, которые способны были на подвигъ, превращались въ эгоистическихъ и равнодушныхъ къ общественнымъ интересамъ отшельниковъ. Во всякомъ случаѣ требованіе аскетическою моралью отъ всѣхъ полнаго отреченія отъ міра и подавленія въ себѣ своего *я* ставило передъ совѣстью дилемму или жить такъ, какъ того требуетъ этическій долгъ, но отказаться отъ всего, чѣмъ по природѣ своей дорожитъ человѣкъ, или не отказываться отъ благъ жизни, но всегда сознавать при этомъ, что поступаешь грѣховно и готовишь себѣ вѣчную гибель: крайніе представители аскетической этики прямо заявляли, что всѣ должны слѣдовать монашескимъ принципамъ. Такимъ образомъ, высшимъ моральнымъ идеаломъ средневѣковое міросозерцаніе объявляло презрѣніе къ чувственному міру, подавленіе въ себѣ своей воли и отрѣшеніе отъ узъ общественной жизни. Въ послѣднемъ отношеніи индивидуализмъ получалъ характеръ эгоизма, но въ сущности только это одно, да мысль о загробномъ спасеніи и со-

храняли признаки индивидуализма: земная жизнь личности разрушалась, и удовлетвореніе самыхъ законныхъ требованій человѣческой природы признавалось въ корнѣ своемъ вещью безнравственною, т.-е. грѣховною.

Конечно, такое извращеніе моральнаго идеала не убивало христіанскаго милосердія къ страждущимъ и требуемой Евангеліемъ любви къ ближнему, однако заявленіе о томъ, что благосостояніе тѣла и матеріальный достатокъ не только не имѣютъ никакой цѣны, но даже прямо вредны для дѣла души, получало и въ соціальномъ отношеніи отрицательный смыслъ. Земля объявлялась юдолью печали и страданій, и въ настоящей жизни спастись изъ этой юдоли казалось возможнымъ только въ монастырѣ: міру съ его несовершенствами не противополагался иной соціальный идеалъ, кромѣ тихаго пристанища монашеской обители, да и зачѣмъ было стремиться къ тому, чтобы лучше устроить матеріальную жизнь людей, когда она-то, жизнь эта, и есть источникъ нравственной гибели? Мало того: крайніе аскеты не довольствовались требованіемъ простого личнаго нестяжанія при существованіи общей монастырской собственности (состоявшей, между прочимъ, и изъ населенныхъ имѣній), не довольствовались даже учрежденіемъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, но требовали еще отказа отъ труда въ виду того, что имъ создается грѣховная собственность, и ради личнаго совершенства совѣтовали жить на счетъ тѣхъ, кто трудится, пропитываясь ихъ подаяніями.

5. Таковы были основныя черты средневѣкового міросозерцанія. Оно имѣло свою эпоху полнаго господства и свою эпоху упадка. Съ аскетизмомъ были въ вѣчномъ антагонизмѣ инстинкты природы и требованія общежитія, и сами монахи являлись первыми нарушителями обѣтовъ, дававшихся при вступленіи въ монастырь,—что сдѣлалось

даже любимой темой сатирическихъ произведеній. Противъ догматическаго порабощенія мысли возставала сама мысль, и между самими же схоластиками было немало такихъ, которыхъ католическая церковь съ полнымъ правомъ обвиняла въ раціонализмѣ. Теократическая политика на практикѣ сталкивалась съ стремленіями государей, а кромѣ того, встрѣчала и теоретическую оппозицію въ лицѣ цѣлаго ряда писателей, выводившихъ, между прочимъ, верховную власть изъ человѣческаго начала установленія ея самимъ народомъ, какъ это дѣлали юристы, изучавшіе римское право, и знаменитый Марсилій Падуанскій. Моральный упадокъ папства и монашества въ XIV и XV вв. содѣйствовалъ внутреннему разложенію католической культурной системы, которая и извнѣ стала подкапываться новымъ умственнымъ движеніемъ. Но система эта не умерла и участвовала еще въ разныхъ реакціяхъ противъ развитія новыхъ началъ исторической жизни.

Религіозная реформація XVI в. вызвала католическую реакцію, предводимую іезуитами. Несправедливо думать, что эта реакція была направлена только противъ реформаціи: она столь же касалась и гуманизма. Несправедливо думать также, будто она была только культурной, такъ какъ она служила и цѣлямъ реакціи соціально-политической. Наконецъ, нельзя говорить объ одной только католической реакціи, потому что ихъ было нѣсколько: напр., другою крупною реакціею католицизма, хотя уже болѣе слабою, чѣмъ первая, была та, которая произошла въ эпоху реставраціи, т.-е. въ началѣ XIX в. Въ этихъ реакціяхъ католицизмъ возстановлялъ догматическіе принципы своей философіи и свои теократическія притязанія. Іезуиты были главными реставраторами схоластики послѣ блестящаго періода гуманизма и передъ зарожде-

ніемъ самостоятельной философіи новаго времени: въ качествѣ ученыхъ, профессоровъ, преподавателей, воспитателей они сдѣлались главными наставниками католическаго общества, уча его въ духѣ умственной зависимости отъ церковныхъ авторитетовъ и принижая личность искусною ея дрессировкой. Въ политикѣ они возобновили старыя теократическія традиціи. Католико-реакціонное государство усвоило тѣ же культурныя начала, взявъ на себя подавленіе свободной мысли и перенесши на королевскую власть теократическое ученіе о божественности ея происхожденія.

Реакціямъ католицизма не удалось только возстановить аскетическое міросозерцаніе, которое было безповоротно осуждено, хотя и съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, и гуманизмомъ, и протестантизмомъ, этими двумя проявленіями новаго индивидуализма: и тотъ и другой искали основъ морали не тамъ, гдѣ полагалъ ихъ аскетизмъ,—первый именно въ человѣческой природѣ, второй—въ спасающей личной вѣрѣ. Іезуитская реакція не сдѣлала даже попытки возстановить аскетическій принципъ: члены самого ордена перестали быть настоящими монахами, а въ морали своей они установили оппортунистическій принципъ нравственнаго безразличія, убивъ элементъ личной совѣсти, распространивъ требованіе послушанія на ту даже сферу, гдѣ прежде никто не рѣшался его примѣнять, такъ какъ по іезуитской этикѣ старшій могъ брать грѣхъ на себя, а младшій долженъ былъ повиноваться начальству до совершенія смертнаго грѣха включительно.

Средневѣковой католицизмъ и католическія реакціи новаго времени относились одинаково враждебно къ индивидуальной свободѣ. Средневѣковой католицизмъ ставитъ своею задачею не допустить личность до того, чтобы

она могла выйти изъ повиновенія, а новымъ реакціямъ предстоала уже задача возвращенія мятежнаго человѣка въ лоно единой спасающей церкви. Въ старыхъ церковныхъ ученіяхъ стали видѣть и вообще средство противодѣйствія новымъ культурнымъ и общественнымъ стремленіямъ, задѣвавшимъ консервативные интересы, а это способствовало искусственной поддержкѣ государствомъ общей умственной атмосферы, созданной средневѣковою католическою системою, хотя государство, конечно, не могло и не должно было допускать теократическихъ тенденцій въ политическихъ ученіяхъ и пользовалось только тѣмъ, что́ было выработано теологическою мыслью для приданія королевской власти божественнаго характера. Что касается до аскетической этики, то вѣра въ нее стала падать, хотя монашество продолжало существовать и даже нѣсколько усилилось въ эпоху обновленія католицизма въ XVI вѣкѣ, и никто уже не имѣлъ большого интереса искусственно поддерживать отожествленіе морали и аскетизма. Сильный ударъ послѣднему, какъ основѣ средневѣкового міросозерцанія, былъ нанесенъ еще гуманизмомъ.

IV. Сущность гуманистическаго движенія.

1. Общее опредѣленіе гуманизма.—2. Роль классической древности въ новой культурной исторіи. — 3. Значеніе гуманизма въ умственной исторіи Европы.—4. Перерывъ въ развитіи свѣтской культуры.

1. Въ настоящее время предпочитаютъ обозначать именемъ гуманизма то, что носитъ названіе Ренессанса, или Возрожденія; первое обозначеніе и древнѣе, и—что

особенно важно — опредѣленнѣе, да и главный смыслъ всего культурнаго движенія, извѣстнаго подъ обоими названіями, въ словѣ „гуманизмъ“ выступаетъ яснѣе. Прежде и не такъ еще давно въ Ренессансѣ видѣли преимущественно возстановленіе классическихъ занятій, которому приписывали умственный переворотъ въ Европѣ въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ; потомъ сущность переворота была понята, какъ секуляризація культуры, т.-е. какъ освобожденіе ея изъ-подъ церковной опеки, что совершенно вѣрно, и только послѣ всего былъ указанъ общій источникъ и этой секуляризаціи, и всего интереса къ отличающейся свѣтскимъ же характеромъ античной литературѣ, именно источникъ въ новыхъ умственныхъ и нравственныхъ запросахъ самой личности. Дѣло въ томъ, что личность доразвилась къ XIV в. до такой ступени, на которой не могла болѣе удовлетворяться ни схоластической философіей, ни аскетической моралью: ея стремленію къ самопознанію уже не соотвѣтствовали номиналистическія и реалистическія отвлеченности; ея жизненные инстинкты были въ полномъ противорѣчіи съ принципами монашеской этики, потому что личность стала сознательно и принципіально интересоваться и дорожить всѣмъ человѣческимъ. Такое духовное содержаніе, которое наиболѣе отвѣчало ея запросамъ, содержаніе чисто человѣческое, она и нашла въ полупозабытой античной литературѣ: это были для нея humana studia въ отличіе отъ прежнихъ богословскихъ divina studia. Средневѣковой взглядъ на природу человѣка и на внѣшній міръ былъ пессимистическій: первая грѣховна, второй—юдоль печали и страданій. Развитая личность вступаетъ въ новую исторію прямо съ болѣе оптимистическимъ взглядомъ, и какъ внутренній ея голосъ, такъ и величіе человѣка, проявившееся въ чудныхъ

произведеніяхъ древней мысли и древняго искусства, говорили ей о благородствѣ человѣческой природы, о законности ея стремленій, о возможности устроить на землѣ свою жизнь хорошо. Культурный человѣкъ измѣнялъ взглядъ на самого себя и на себѣ подобныхъ самымъ радикальнымъ образомъ, и это имѣло, разумѣется, очень важныя историческія послѣдствія.

Новая свѣтская цивилизація ведетъ свое начало изъ гуманизма, проявившагося ранѣе всего въ Италіи (XIV в.) и оттуда распространившагося по другимъ странамъ Западной Европы. Человѣкъ живетъ, мыслитъ, стремится, дѣйствуетъ, устраиваетъ свои отношенія къ другимъ людямъ какъ моральныя, такъ и соціальныя—сообразно со своимъ пониманіемъ жизни, границъ своего ума, своихъ способностей, своихъ и чужихъ правъ: средневѣковое міросозерцаніе было отрицаніемъ жизни, соединеннымъ съ подавленіемъ въ личности сознанія ея умственной силы, ея способности къ разнообразному проявленію себя во внѣшнемъ мірѣ, ея правъ, отрицаніемъ законности ея естественныхъ стремленій, а гуманизмъ былъ именно духовной эманципаціей личности. Начавшись въ XIV в., отчасти поддержанное, отчасти, наоборотъ, затертое религіозной реформаціей XVI в., безусловно подавленное на нѣкоторое время католической реакціей, это культурное движеніе возродилось съ новою силою и для болѣе значительной исторической роли въ „просвѣщеніи“ XVIII вѣка, которое само опирается на гуманизмъ, являясь, пожалуй, даже лишь его видоизмѣненіемъ. Условія мѣста (напр., итальянскія условія для гуманизма и французскія для „просвѣщенія“) и времени (напр., особое вліяніе классической литературы въ первомъ случаѣ и естествознанія во второмъ, такъ какъ въ XIV в. древняя литература была единственнымъ средствомъ умствен-

ной эманципаціи, а въ XVII в. началось блестящее развитіе естественныхъ наукъ), словомъ, разныя условія сообщили этому движенію тотъ или другой характеръ, сдѣлали его въ томъ или другомъ отношеніи одностороннимъ, не позволили ему оказать всего своего дѣйствія на общее измѣненіе жизни, но подъ тѣмъ, что было въ этомъ движеніи мѣстнаго и временнаго, мы должны всегда усматривать нѣчто, имѣющее болѣе универсальный и непреходящій характеръ. Гуманизмъ и „просвѣщеніе“ XVIII в. сами по себѣ—лишь два особенно замѣтные момента въ исторіи личнаго развитія на европейскомъ Западѣ: свободное изслѣдованіе и протестъ противъ аскетической морали роднилъ между собою гуманистовъ и философовъ XVIII в., но и у тѣхъ, и у другихъ были болѣе ранніе предшественники, напр., въ лицѣ раціоналистовъ-схоластиковъ и такъ называемыхъ аверроистовъ или въ лицѣ свѣтскихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ радости жизни, а вся современная философія и современная наука сами суть дальнѣйшія измѣненія того же основного движенія, вызваннаго развитіемъ личности. И здѣсь, какъ и всегда, при опредѣленіи историческаго значенія культурныхъ эпохъ нужно различать мѣстное и преходящее отъ основного и постояннаго. Съ наибольшею силою гуманизмъ проявился въ Италіи, но въ исторіи самой Италіи его роль не можетъ быть названа благотворной, и это нерѣдко даже ставится ему въ упрекъ національными историками, хотя въ данномъ случаѣ виноваты были общія условія страны и эпохи. Для Германіи реформація, которая въ ней получила свое начало, тоже принесла не мало бѣдствій, и это постоянно служитъ католическимъ историкамъ изъ нѣмцевъ средствомъ подкрѣпить свое общее осужденіе протестантизма, но опять-таки не послѣдній самъ по себѣ былъ виновенъ въ бѣдствіяхъ Гер-

маніи, а общія условія нѣмецкой жизни въ XVI в. были таковы, что лучшихъ результатовъ реформація въ Германіи и не могла дать. Наконецъ, философія XVIII в. съ наибольшимъ блескомъ развилась во Франціи, и многія слабыя (и даже мрачныя стороны) французской революціи стоятъ въ связи съ недостатками этой философіи, но и эти послѣднія, и тѣ дурныя слѣдствія, которыя имъ исключительно приписываются, опять-таки созданы были условіями мѣста и времени. При общей оцѣнкѣ гуманизма, протестантизма и философіи XVIII в. нужно вообще отрѣшаться отъ частныхъ точекъ зрѣнія той или другой національности или эпохи (точекъ зрѣнія, имѣющихъ свое примѣненіе въ исторіи отдѣльныхъ странъ), дабы возвыситься до всемірно-историческаго пониманія. Философская оцѣнка всѣхъ этихъ движеній должна происходить двоякимъ образомъ: нужно рѣшить, насколько вѣренъ принципъ, лежащій въ основѣ явленія, и, затѣмъ, насколько полно, всесторонне и послѣдовательно онъ воплощался въ отдѣльныхъ моментахъ эволюціи этого явленія.

Гуманизмъ былъ реабилитаціей человѣческой природы и принципіальнымъ обоснованіемъ ея правъ въ области духовной и матеріальной жизни. Каждое новое явленіе на первыхъ ступеняхъ своего развитія отличается многими несовершенствами. Основными недостатками итальянскаго гуманизма нужно считать эгоистическій оттѣнокъ индивидуализма, нерѣдко граничившаго съ полнымъ отсутствіемъ альтруистическихъ чувствъ и съ общественнымъ индифферентизмомъ, и чисто аристократическій (хотя и не въ сословномъ смыслѣ) характеръ гуманистической образованности. Личность, освобождающаяся отъ всего, что стѣсняло ея развитіе, прежде всего ищетъ основъ чисто индивидуальнаго благополучія и индивидуальной мо-

рали, противополагая эгоистическому аскетизму не менѣе эгоистическія этическія системы древнихъ стоиковъ и эпикурейцевъ, и устремляетъ всѣ свои силы на удовлетвореніе умственныхъ потребностей, создавая философію и науку, но ничего не дѣлая для соціальной этики съ точки зрѣнія равнаго права всѣхъ на духовное развитіе и на личное благополучіе, создавая политику, какъ искусство, но не внося въ свое объективное пониманіе государственной жизни той истины, что не личность существуетъ для государства, а государство для личности. Такимъ образомъ, въ итальянскомъ гуманизмѣ принципъ индивидуализма былъ проведенъ неполно, односторонне и непослѣдовательно, но въ самомъ же гуманизмѣ, въ его основномъ принципѣ, заключалось и то, что должно было развить его самого, устранить эти недостатки, особенно при помощи культурныхъ началъ реформаціи.

2. Смотря на гуманизмъ, какъ на проявленіе индивидуализма новаго времени и какъ на секуляризацію культуры, и объясняя предпочтительный интересъ гуманистовъ къ классической древности необходимостью на что-либо опереться въ новыхъ умственныхъ и нравственныхъ стремленіяхъ, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ и то значеніе, какое „возрожденная“ древность получила для культурной исторіи Европы. Цивилизація новыхъ народовъ имѣетъ свои источники въ христіанствѣ и въ классическомъ мірѣ, и обновленіе этой цивилизаціи началось съ соприкосновенія европейскаго ума съ наслѣдіемъ духовной дѣятельности грековъ и римлянъ. Классическую и новую европейскую культуру отъ восточныхъ цивилизацій и отъ средневѣкового міросозерцанія отличаетъ свѣтскій характеръ первыхъ въ противоположность къ теократическимъ началамъ послѣднихъ. Понятно, почему гуманисты сдѣлались поклонниками античнаго міра, но

было бы несправедливо обвинять ихъ въ слѣпомъ увлеченіи древностью и въ фантастическомъ желаніи возстановить древнія культурныя и соціальныя формы. Вообще древность была не источникомъ движенія, а лишь его опорой, да и византійскіе греки, умѣвшіе только „хранить“ античную образованность, могли быть учителями гуманистовъ лишь въ формальномъ изученіи языка и литературы. Гуманисты брали изъ классической древности вообще лишь одно то, что соотвѣтствовало ихъ собственнымъ стремленіямъ, хотя, конечно, постоянное ихъ общеніе съ идеями философскихъ, научныхъ, историческихъ, политическихъ и художественныхъ произведеній древности до извѣстной степени пропитывало и ихъ самихъ воззрѣніями классическаго міра. Сначала господствующимъ стремленіемъ итальянскихъ гуманистовъ, которое перешло въ другія страны и въ нихъ утвердилось, было желаніе примирить классическую древность съ христіанствомъ, но позднѣе гуманистическое міросозерцаніе стало откровенно принимать болѣе языческій характеръ, хотя въ этомъ напрасно обвиняли гуманизмъ вообще, бывшій яко-бы возстановленіемъ языческаго нравственнаго матеріализма.

Если гуманисты предпочтительнѣе передъ всѣмъ обращались къ классической древности, то это весьма естественно въ виду того, что иной умственной опоры они и не могли найти для своихъ стремленій. Это фактъ не единичный. Въ борьбѣ съ феодализмомъ и папствомъ законники, находившіеся на службѣ у средневѣковыхъ королей (а съ ними и Данте въ „De monarchia“) опирались на принципы римскаго государственнаго права. Схоластическая философія сдѣлала изъ Аристотеля свой главный человѣческій авторитетъ. Демократическое движеніе въ римскомъ населеніи середины XIV в. приняло подъ внушеніемъ Кола-ди-Ріенци характеръ возстановле-

нія древней римской республики. Когда стремившаяся къ абсолютизму королевская власть стала покровительствовать литературѣ безъ средневѣковыхъ политическихъ традицій и безъ общественнаго содержанія, она прямо, такъ сказать, имѣла въ виду золотой вѣкъ римской поэзіи и прозы при Августѣ. Общественное сознаніе французовъ XVIII вѣка питалось изображеніемъ гражданскихъ доблестей и героическаго республиканизма античнаго міра, что сказалось и въ тогдашней литературѣ, и на многихъ фактахъ революціи. Нельзя же, однако, говорить, чтобы борьба королевской власти съ католико-феодальнымъ строемъ вызвана была изученіемъ римскаго права, чтобы безъ латинскаго перевода Аристотеля не было схоластики, чтобы классическое увлеченіе знаменитаго римскаго „трибуна“ было причиною народнаго недовольства знатью въ оставленной папской столицѣ, чтобы только одно подражаніе классикамъ придало литературѣ XVII в. придворный характеръ, чтобы безъ знакомства съ древними политическими формами во Франціи не произошло республиканскаго переворота и т. п. Гуманистическое увлеченіе древностью подходитъ подъ ту же категорію фактовъ.

Вліяніе возрожденной классической древности или, вѣрнѣе, возобновленіе занятій греческой и римской литературой на культурную исторію новаго времени весьма понятно. Во-первыхъ, долгое время эта литература была почти единственнымъ образовательнымъ средствомъ, и по многимъ вопросамъ и во многихъ областяхъ новые мыслители и писатели долгое время не могли дать ничего, что пошло бы въ сравненіе съ древними произведеніями, а во-вторыхъ, въ античной философіи, наукѣ, поэзіи, въ античныхъ исторіографіи, правѣ и политикѣ такъ много общечеловѣческаго, не могущаго быть чуждымъ каждому человѣку, что они никогда не утратятъ своего значенія

для культурныхъ народовъ. Нужно только прибавить, что въ первомъ смыслѣ значеніе классической древности дѣлается все меньшимъ и меньшимъ, и если, напр., еще въ XVIII в. продолжалось то, что было начато гуманистами XIV столѣтія, то сами послѣдніе вѣка для XX столѣтія приготовили такое духовное наслѣдіе, которое въ одномъ не уступаетъ классическому, а въ другомъ прямо его превосходитъ.

Какъ гуманистическое обращеніе къ древности, такъ и постепенный выходъ изъ-подъ вліяній, исключительно отъ нея идущихъ, суть факты прогрессивнаго характера: личность доразвилась сначала до пониманія высокой духовной культуры античнаго міра, а потомъ выработала свою духовную культуру, сдѣлавшую излишними постоянныя обращенія къ чужому уму. Конечно, въ періодъ ученическихъ своихъ годовъ западно-европейская мысль часто прямо подчинялась античнымъ міровоззрѣніямъ, а въ нихъ было много такого, въ чемъ христіанство указало человѣку на болѣе высокіе и на болѣе согласные съ его духовной природой принципы. Въ морали мы имѣемъ въ виду альтруистическій принципъ любви, лежащійся въ основу соціальнаго принципа людской солидарности, въ политикѣ — принципъ внутренней свободы убѣжденія отъ принудительной власти государства. Средніе вѣка, конечно, не осуществляли этихъ принциповъ, и это было условіемъ того, что первыя проявленія гуманистической этики и политики оказались болѣе согласными съ языческимъ, нежели съ христіанскимъ воззрѣніемъ на обязанности и права человѣка. Государство, пожелавшее въ эпоху реформаціи стать само церковью и сдѣлать изъ религіи политическое орудіе, лишая человѣка свободы въ дѣлѣ религіознаго убѣжденія, не только подражало католической церкви, но и проникалось ан-

тичнымъ политическимъ идеаломъ, теоретическое выраженіе котораго дали въ XVI в. Макіавелли, въ XVII—Гоббзъ, въ XVIII—Руссо.

3. Главная заслуга гуманизма—въ умственной эманципаціи Европы. Гуманисты, какъ выразители новаго настроенія и новыхъ потребностей, народившихся въ обществѣ, сдѣлались весьма популярными и вліятельными дѣятелями просвѣщенія,—благодаря чему они составили рядомъ съ старымъ интеллигентнымъ слоемъ новый интеллигентный классъ, во-первыхъ, чисто свѣтскій, во-вторыхъ основывавшійся на одномъ умственномъ превосходствѣ, безъ землевладѣнія, привилегій и церковной организаціи, на которыхъ, кромѣ образованности, покоилась сила духовенства. Гуманисты были людьми широкаго общаго образованія, что отличало ихъ отъ средневѣковыхъ ученыхъ, замыкавшихся въ узкіе предѣлы одной какой-либо спеціальности. Въ основу своихъ интересовъ они положили изученіе человѣческой природы (личности и общества), каковою она является въ дѣйствительности, впервые примѣнивъ къ этому дѣлу научные методы. Въ качествѣ знатоковъ дѣлъ человѣческихъ они сдѣлались руководителями общественнаго мнѣнія и, можно даже сказать, своею публицистическою дѣятельностью впервые создали эту духовную силу, играющую столь важную роль въ новой политической исторіи. Положивъ начало разнымъ гуманитарнымъ наукамъ, они особенно двинули впередъ политику и исторіографію, основавъ еще тѣмъ самымъ соціологическое мышленіе новаго времени. Не внесши на первыхъ порахъ никакихъ нравственныхъ началъ въ политическую науку, гуманисты тѣмъ не менѣе оказали большую услугу, эманципировавъ ее отъ теократическихъ и сословныхъ началъ, потому что, даже оставаясь соціальными индифферентистами, но въ то же время

не являясь выразителями соціальныхъ стремленій какого-либо сословія: они во имя прирожденнаго личности человѣческаго достоинства протестуютъ противъ родовой знати и наслѣдственныхъ привилегій, какъ во имя инстинктовъ человѣческой природы протестуютъ въ то же время противъ аскетизма и монашества.

Гуманизмъ разрушилъ средневѣковую схоластику. Ея содержаніе и методъ были глубоко антипатичны гуманистамъ. Первые изъ нихъ возставали противъ средневѣковой философіи по той же причинѣ, по какой не интересовались античной метафизикой: ихъ вниманіе привлекала къ себѣ живая человѣческая личность, и потому сначала ихъ философія имѣла исключительно этическій характеръ, причемъ они изъ древнихъ школъ изучали стоиковъ и эпикурейцевъ. Лишь позднѣе (въ XV в.) метафизическіе вопросы начинаютъ занимать умъ гуманистовъ, и прежде чѣмъ съ Бэкономъ и Декартомъ (въ XVII в.) начинается исторія самостоятельной европейской философіи, гуманисты подготовляютъ возможность ея возникновенія изученіемъ Платона и Аристотеля. Съ другой стороны, гуманисты не прощали схоластикамъ той несвободы, въ какой послѣдніе держали умъ, и раціоналистическая струя вообще сильно выбивается на поверхность гуманистическаго движенія. Вся старая система школьнаго образованія, далѣе, нашла въ гуманистахъ страстныхъ противниковъ, и уже Леонардо Бруни (въ первой половинѣ XV в.) пустилъ въ ходъ идею чисто свѣтскаго образованія, въ которое религія входитъ лишь въ качествѣ важнаго ингредіента, не поглощая собою всей школы. На почвѣ новой концепціи жизни стали создаваться и новые ея идеалы—начало тѣхъ общественныхъ утопій, которымъ также пришлось играть роль въ историческомъ развитіи Запада. Наконецъ, если сами гума-

нисты и не обнаруживали большой склонности къ естествознанію, то они подготовили путь, по которому пошло и изученіе внѣшней природы, сдѣлавшее столь большіе успѣхи за послѣдніе четыре вѣка (XVI—XIX).

4. Гуманистическое движеніе, начавшееся въ XIV в., достигшее наибольшей силы въ XV, наибольшаго распространенія къ началу XVI, падаетъ къ серединѣ этого послѣдняго столѣтія. Религіозная реформація, съ которой Ренессансъ становился въ весьма разнообразныя отношенія, вообще отвлекла вниманіе общества въ другую сторону, а католическая реакція еще болѣе содѣйствовала прекращенію этого движенія. Въ эпоху столкновенія между протестантизмомъ и католицизмомъ, въ эпоху двухъ фанатизмовъ умственное движеніе было обречено на прозябаніе, хотя въ это же самое время (XVI—XVII вв.) зарождаются естествознаніе и самостоятельная философія, не оказывавшія, впрочемъ, такого непосредственнаго вліянія на общественную культуру, какъ гуманизмъ въ XV в. и какъ „просвѣщеніе“ XVIII столѣтія, столь несамостоятельное въ научномъ и философскомъ смыслѣ, въ культурномъ же бывшее лишь возобновленіемъ гуманизма. Этотъ перерывъ въ начатомъ гуманистами культурномъ движеніи объясняется не только религіозной реформаціей и католической реакціей, наполняющими собою исторію XVI и XVII вѣковъ, но и политическими условіями эпохи. Итальянскіе династы, поощряя гуманистическія занятія ради личныхъ выгодъ, не стѣсняли ихъ свободы, тѣмъ болѣе, что въ политическомъ отношеніи гуманисты отличались даже раболѣпіемъ. XVI и XVII вѣка были въ другихъ государствахъ временемъ политической борьбы, и короли, подавляя всякую оппозицію, стѣсняли и развитіе политической мысли, покровительствуя развѣ одному естествознанію, занятіе кото-

рымъ, съ ихъ точки зрѣнія, не представляло такихъ опасностей. Вотъ почему, когда въ XVII в., съ разложеніемъ системы, созданной религіозной и политической реакціей, снова началось освободительное движеніе, оно, между прочимъ, стало и въ оппозиціонное отношеніе къ государству.

Противоположность между гуманизмомъ и католической реакціей понятны сами собою. Между гуманизмомъ и реформаціей также долженъ былъ возникнуть антагонизмъ, и, дѣйствительно, факты показываютъ, что оба движенія въ одной и той же странѣ были какъ бы несовмѣстимы: одно должно было уступать мѣсто другому. Гуманизмъ въ принципѣ ставилъ человѣку цѣль жизни на землѣ, протестантизмъ исходилъ изъ идеи загробнаго спасенія, хотя и дѣлалъ изъ нея иные выводы сравнительно съ прежнимъ аскетизмомъ; гуманисты интересовались вопросами знанія, реформаторы—вопросами вѣры; одно направленіе требовало развитія разума, другое подчиняло разумъ богословскому авторитету или выдвигало на первый планъ элементъ чувства, откуда различіе между раціонализмомъ и мистицизмомъ (хотя и первый былъ въ реформаціи, да и второй наблюдается въ пантеистическихъ натурфилософіяхъ итальянцевъ XVI в.); одно стремилось къ возстановленію античной образованности, другое мечтало возродить первобытное христіанство; здѣсь мысль и чувство ищутъ опоры въ древней литературѣ, тамъ — въ Библіи. Въ дѣйствительности могли быть въ этихъ отношеніяхъ и непослѣдовательности, и отступленія, и напр., умственное движеніе, вызванное гуманизмомъ, даже содѣйствовало реформаціи своими образовательными средствами, но сущность дѣла отъ этого не измѣняется нисколько: свѣтское движеніе должно было уступить мѣсто религіозному. Гуманизмъ

затронулъ лишь верхи общества, не проникши въ массы, къ просвѣщенію которыхъ гуманисты остались равнодушны, а моральные и соціальные недостатки гуманизма не могли позволить ему стать во главѣ того великаго историческаго переворота, который начинался въ началѣ XVI в. подъ знаменемъ идей религіозныхъ, подобно тому, какъ другой подобный историческій переворотъ, начавшійся въ концѣ XVIII в., сталъ совершаться, наоборотъ, какъ разъ подъ знаменемъ свѣтскаго Просвѣщенія.

V. Культурное значеніе религіозной реформаціи.

1. Опредѣленіе реформаціоннаго періода новой исторіи.—2. Анализъ реформаціоннаго періода.—3. Политическая, соціальная и національная оппозиція противъ церкви.—4. Внутреннее разложеніе католицизма и новыя религіозныя стремленія.—5. Протестантизмъ, сектантство и новый католицизмъ.—6. Принципы протестантизма и сектантства.

---

1. Въ новой западно-европейской исторіи нужно выдвинуть впередъ два крупныхъ переворота, изъ которыхъ каждый произвелъ большія измѣненія въ культурныхъ и общественныхъ отношеніяхъ и оба являются потому центральными событіями двухъ историческихъ эпохъ: этими событіями были реформація, подготовлявшаяся въ XIV и XV вв., разразившаяся въ XVI в. и наложившая свою печать и на XVII вѣкъ, и революція на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій.

Отъ двадцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ XVI в. въ Западной Европѣ совершается, дѣйствительно, крупный переворотъ: съ двадцатыхъ годовъ одно нѣмецкое княжество за другимъ отторгается отъ католицизма, и

цѣлая половина Германіи дѣлается протестантской; то же самое происходитъ одновременно со швейцарскими кантонами; тогда же новое религіозное ученіе принимается Пруссіей, Даніей, Швеціей; въ слѣдующемъ десятилѣтіи къ отдѣлившимся отъ католицизма странамъ присоединяется Англія; въ сороковыхъ годахъ центромъ воинствующаго протестантизма становится Женева, откуда онъ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ дѣлаетъ побѣдоносное вторженіе въ Шотландію, немедленно тоже отдѣлившуюся отъ Рима, а также проникаетъ еще во Францію и Польшу, чтобы съ шестидесятыхъ годовъ оторгнуть отъ Рима и часть Нидерландовъ; успѣхи протестантизмъ сдѣлалъ, кромѣ того, въ Чехіи и въ Венгріи и въ другихъ странахъ австрійскихъ Габсбурговъ, пріобрѣлъ около середины XVI в. единичныхъ послѣдователей даже въ Испаніи и, наконецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ коснулся и Италіи. Между 1520 и 1560 гг. половина европейскихъ странъ порвала свои связи съ католическою церковью, въ самой же серединѣ отмѣченнаго періода и эта церковь обновляется, благодаря основанію ордена іезуитовъ, а на тридентскомъ соборѣ къ началу шестидесятыхъ годовъ производитъ починку своего расшатавшагося зданія.

У всего этого движенія были свои „предшественники“: Виклифъ въ Англіи и его послѣдователи лолларды, Гусъ въ Чехіи и гуситы, разные еретики и сектанты, да и тридентскій соборъ, созванный для реформы церкви, имѣлъ прецеденты въ соборахъ пизанскомъ, констанцкомъ и базельскомъ въ первой половинѣ XV в., такъ что реформа церкви была въ XVI вѣкѣ уже давно назрѣвшимъ вопросомъ, и если считать съ „предшественниками“ реформаціи, начиная хотя бы съ Виклифа и докторовъ парижскаго университета, составившихъ планъ соборной

реформы, т.-е. включить въ исторію реформаціоннаго періода и первыя требованія, и первыя попытки улучшеній въ церкви, то придется начало этого періода отодвинуть еще лѣтъ на полтораста назадъ, къ послѣдней трети XIV вѣка. Съ другой стороны, въ серединѣ XVI вѣка только что сформировались двѣ враждебныя религіозно-политическія партіи, охватившія всю Европу и вступившія между собою въ борьбу: именно въ серединѣ XVI вѣка началось вооруженное столкновеніе между католицизмомъ и протестантизмомъ, тянется затѣмъ цѣлое столѣтіе и кончается только къ серединѣ XVII вѣка, въ то самое время, когда въ Англіи происходитъ новая реформація, народная, послѣ правительственной реформаціи XVI в. Религіозныя преслѣдованія протестантовъ во Франціи около 1685 г. и одновременно съ этимъ предпринятая послѣднимъ Стюартомъ реставрація католицизма въ Англіи были послѣдними крупными фактами католической реакціи противъ реформаціи. Отъ эпохи Виклифа до второй революціи въ Англіи, отъ эпохи докторовъ парижскаго университета, предлагавшихъ соборную реформу церкви до уничтоженія нантскаго эдикта, которымъ обезпечивались религіозныя права протестантовъ во Франціи, протекло триста лѣтъ, въ теченіе которыхъ назрѣлъ, разрѣшился и наконецъ сданъ былъ въ архивъ вопросъ о реформѣ католической церкви. 1520-мъ годомъ эти три вѣка дѣлятся на двѣ половины — на подготовленіе реформаціи и на ея исполненіе, и реформаціоннымъ періодомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слѣдуетъ считать поэтому XVI и первую половину XVII вѣка: подготовительный періодъ былъ, наоборотъ, временемъ, когда на первомъ планѣ съ всемірно-исторической точки зрѣнія стояло все-таки гуманистическое движеніе, а съ середины XVII в. церковные вопросы самымъ видимымъ образомъ

отходятъ уже на задній планъ передъ вопросами политическими, и развитіе государственности дѣлается главнымъ явленіемъ слѣдующей эпохи, т.-е. „вѣка Людовика XIV“. Наконецъ, и здѣсь, въ этомъ полутора-вѣковомъ періодѣ, — если исключить только сороковые и пятидесятые годы англійской исторіи, повторившіе собою только то, что ранѣе происходило на материкѣ, — весь интересъ реформаціонной исторіи сосредоточивается на времени между двадцатыми и шестидесятыми годами XVI в., потому что въ эту эпоху не только произошло отторженіе отъ Рима цѣлой половины Западной Европы, но и были поставлены и рѣшены въ принципѣ всѣ важные культурные вопросы новаго религіознаго движенія и вызванной имъ католической реакціи, именно въ періодъ отъ сожженія папской буллы Лютеромъ (1520) до смерти Кальвина (1564).

2. Реформаціонное движеніе, происходившее въ первый разъ еще въ Чехіи въ эпоху гуситскихъ войнъ первой половины XV в., еще болѣе сильное движеніе въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Шотландіи, во Франціи и въ Нидерландахъ, гдѣ, какъ раньше въ Чехіи, оно сопровождалось политическими и соціальными революціями въ отмѣченный нами періодъ XVI в., наконецъ совершенно аналогичное движеніе въ Англіи въ серединѣ XVII в., извѣстное подъ названіемъ первой англійской революціи,— все это вмѣстѣ взятое представляетъ собою явленіе очень сложное, вытекавшее изъ массы причинъ, которыя комбинировались въ разныхъ странахъ различнымъ образомъ. Научный анализъ этого историческаго явленія приводитъ насъ къ тому выводу, что въ реформаціонномъ движеніи нужно различать три стороны: во-первыхъ, это было движеніе чисто религіозное, касавшееся предметовъ человѣческой вѣры и совѣсти, и источ-

никъ его былъ въ протестѣ болѣе развитаго ума и болѣе чуткаго и нравственнаго чувства противъ „порчи церкви“ и въ исканіи религіозной истины на новыхъ путяхъ; во-вторыхъ, это было и чисто свѣтское движеніе съ оппозиціоннымъ характеромъ по отношенію къ католической церкви, но вытекавшее не изъ религіозныхъ побужденій, а изъ политическаго и соціальнаго недовольства папствомъ и духовенствомъ, стремившимися къ господству надъ государствомъ и обществомъ, и изъ національнаго недовольства космополитизмомъ церкви, не дававшей народамъ ни св. писанія, ни богослуженія на родномъ языкѣ, т.-е. вообще говоря, изъ протеста не во имя началъ религіозныхъ, а во имя началъ человѣческихъ, находившихся въ антагонизмѣ съ теократическими и клерикальными тенденціями и съ космополитизмомъ церкви; въ-третьихъ, наконецъ, въ связи со всѣмъ этимъ и подъ знаменемъ религіозныхъ идей, но совершенно самостоятельно происходили еще разныя политическія и соціальныя революціи, имѣвшія причины уже прямо въ свѣтскихъ стремленіяхъ и интересахъ и имѣвшія возможность возникать и помимо какихъ бы то ни было новыхъ религіозныхъ стремленій или помимо защиты политическихъ, соціальныхъ и національныхъ интересовъ отъ притязаній, посягательствъ и злоупотребленій куріи и клира. Въ настоящей главѣ мы будемъ имѣть въ виду только двѣ первыя стороны движенія и начнемъ ихъ разсмотрѣніе съ той оппозиціи—политической, соціальной и національной, которая могла бы съ успѣхомъ идти—и дѣйствительно шла иногда—подъ знаменемъ секуляризаціонныхъ стремленій, столь сильно сказавшихся въ гуманизмѣ, но имѣвшихъ свои причины въ общихъ отношеніяхъ между церковью, съ одной стороны, и государями, свѣтскими классами общества и націями, съ другой.

3. Мы уже говорили выше объ антагонизмѣ, существовавшемъ между государствомъ и церковью, а также между свѣтскими сословіями и духовенствомъ, вліятельному положенію и богатствамъ котораго завидовало дворянство и отъ корыстолюбія и алчности котораго терпѣла народная масса. Враждебныя чувства, вѣками накопившіяся противъ куріи и клира въ представителяхъ государственной власти и въ свѣтскомъ обществѣ, прорвались наружу: уже гуманизмъ защищалъ права государства и свѣтскаго общества противъ теократіи и клерикализма, а новыя религіозныя идеи прямо санкціонировали и освобожденіе королей отъ папской власти, и подчиненіе имъ духовенства, и отобраніе въ государственную казну церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, и уничтоженіе монашества, и отмѣну десятины и другихъ поборовъ, и лишеніе духовенства тягостныхъ для общества привилегій (въ родѣ церковнаго суда надъ свѣтскими людьми, изъятія изъ налоговъ) и т. п. Все это и совершилось тамъ, гдѣ у свѣтской власти былъ интересъ порвать связь съ куріей, а у свѣтскихъ сословій, какъ у правящихъ классовъ, такъ и у народа, были особенно сильные счеты съ клиромъ, что не вездѣ было одинаково, какъ не вездѣ было одинаково и религіозное настроеніе народа въ смыслѣ его удовлетворенности существующею формою религіи или исканія новыхъ формъ. Замѣтимъ, что въ иныхъ случаяхъ иниціатива реформы шла прямо отъ государственной власти безъ особаго предрасположенія въ данный моментъ подданныхъ къ перемѣнѣ, какъ это было въ Даніи, въ Швеціи, въ Англіи, тогда какъ въ другихъ случаяхъ реформація начиналась снизу противъ желанія правительствъ, что наблюдается въ Шотландіи, во Франціи, въ Польшѣ, въ Нидерландахъ, въ Чехіи, въ Венгріи. Что касается до Германіи, то

здѣсь реформація одновременно совершалась и сверху, и снизу (какъ впослѣдствіи и въ Англіи): все зависѣло здѣсь отъ того, въ какихъ отношеніяхъ короли и народы находились къ куріи и къ клиру, и напр., одинъ и тотъ же англійскій король Генрихъ VIII былъ въ началѣ своего царствованія папистомъ, а въ концѣ врагомъ папства. Изъ реформаціи государи прямо извлекали для себя выгоду, становясь въ независимыя отношенія извнѣ, подчиняя себѣ церковь внутри и секуляризируя духовныя имѣнія, которыми имъ, впрочемъ, большею частью приходилось дѣлиться съ дворянствомъ. Иногда соціальная оппозиція,—что и было въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Шотландіи, въ Голландіи и др.,—получала общесословный, прямо національный характеръ, и тогда реформаціонное движеніе вытекало еще изъ одной причины, на которой мы остановимся здѣсь подробнѣе, такъ какъ вообще этого предмета мы до сихъ поръ еще не касались, а онъ имѣетъ весьма немаловажное значеніе.

Къ числу духовныхъ началъ, объединяющихъ общество, раздѣленное на сословія или соціальные и культурные классы и какую бы обширную территорію это общество не занимало, относится, какъ извѣстно, и національное чувство. Каждая національность представляетъ изъ себя собирательную нравственную личность, обладающую также самосознаніемъ, которое есть, конечно, самосознаніе отдѣльныхъ составляющихъ ее единицъ, поскольку послѣднія считаютъ себя принадлежащими къ той или другой народности. Національное самосознаніе имѣетъ разныя степени развитія и, такъ сказать, разную напряженность въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, но это — начало непреходящее и универсальное, такъ какъ коренится въ жизни личности. Личность не можетъ сознавать себя во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, какъ

отвлеченное *я* безъ тѣхъ опредѣленій, которыя на нее налагаются принадлежностью къ извѣстной народности, и прежде всего по языку, на которомъ она выражаетъ свои мысли. Чѣмъ развитѣе личность, тѣмъ болѣе она сознаетъ свои индивидуальныя права, а къ числу этихъ правъ должно быть, конечно, отнесено и свободное пользованіе роднымъ языкомъ, безпрепятственное его развитіе какъ для высшихъ, такъ и для повседневныхъ потребностей жизни, независимость общественнаго положенія личности отъ того, на какомъ языкѣ она выражаетъ свои мысли. Когда въ народѣ пробуждается сознаніе личностью своего достоинства, это-то и есть пробужденіе національнаго самосознанія, которое такимъ образомъ имѣетъ свой корень въ индивидуализмѣ. Но подобно тому, какъ личное самосознаніе нерѣдко принимаетъ эгоистическій характеръ, такъ и самосознаніе національное можетъ сдѣлаться вполнѣ эгоистичнымъ. Одно дѣло, когда напряженное національное чувство выражается въ отстаиваніи правъ народности, т.-е. правъ отдѣльныхъ личностей извѣстной націи—противъ притѣсненій и посягательствъ со стороны другихъ народовъ, и совсѣмъ другое дѣло, если то же чувство само вызываетъ покушеніе на чужія права. Равнымъ образомъ одно дѣло, когда собирательная личность народа во имя высшихъ интересовъ національнаго начала стремится возвысить себя посредствомъ культурнаго общенія съ другими націями, и опять-таки совсѣмъ иное дѣло—національное самосознаніе, выражающееся въ узкой исключительности: въ первомъ случаѣ оно основывается на стремленіи отдѣльныхъ личностей къ общечеловѣческому и всемірно-историческому, во второмъ—на узкомъ и тѣсномъ кругозорѣ отдѣльныхъ членовъ даннаго народа.

Въ новой исторіи дважды національный вопросъ по-

лучалъ особый особое историческое значеніе. Въ первый разъ это было въ эпоху религіозной реформаціи, когда права національности стали требовать своего признанія въ церковной жизни, второй разъ — въ XIX в., когда то же самое произошло и по отношенію къ жизни государственной. Аналогія полная: космополитическая римская церковь не признавала національныхъ правъ въ проявленіяхъ религіозной жизни, отвлеченная государственность XVIII в. пошла по стопамъ средневѣковой церковности, и въ обоихъ случаяхъ играло видную роль пренебреженіе къ человѣческой личности въ ея національныхъ правахъ.

Въ XIV и XV вв. западно-европейскіе народы сложились въ національныя государства подъ главенствомъ національныхъ королей и соціально-политическая оппозиція противъ куріи и клира приняла въ культурномъ отношеніи національный характеръ. Это была эпоха зарожденія идеи національныхъ церквей. Планъ соборной реформы католической церкви, выработанный въ концѣ XIV в. парижскимъ университетомъ, заключался въ томъ, между прочимъ, чтобы въ лонѣ католицизма возвратить отдѣльнымъ національнымъ церквамъ право на автономію съ мѣстными соборами во главѣ. На всеобщемъ констанцкомъ соборѣ голоса подавались не поголовно, а по націямъ, и въ XV же в. само папство признало національныя различія, заключивъ особые конкордаты съ отдѣльными народами. Ученіе о вольностяхъ галликанской церкви сдѣлалось господствующимъ во французскомъ духовенствѣ и торжественно было провозглашено черезъ четыре вѣка послѣ своего возникновенія, именно во время ссоры Людовика XIV съ папствомъ. Идея „народнаго костёла“ была весьма популярна также среди польскихъ католиковъ и даже среди прелатовъ въ XVI вѣкѣ. Реформація въ Англіи началась съ національнаго отдѣленія отъ Рима,

и сама англиканская церковь основана была на той теоріи, что, составляя церковь національную, она не перестаетъ быть вселенской. Протестантское движеніе, наконецъ, по существу своему было національнымъ, такъ какъ первое, что дѣлалось вообще при церковной реформѣ, заключалось въ замѣнѣ латинской мессы богослуженіемъ на родномъ языкѣ и въ переводѣ на родной языкъ св. писанія.

Таковы были политическія, соціальныя и національныя причины реформаціи. Церковь нуждалась въ преобразованіяхъ, и такъ какъ она сама оказалась неспособною къ этому, то въ дѣлѣ реформы приняли участіе свѣтскія силы, т.-е. правительства, отдѣльныя сословія, цѣлыя націи, и разрѣшили вопросъ въ свою пользу путемъ основанія государственно-національныхъ церквей, которыя, впрочемъ, не хотѣли признать индивидуальной свободы въ дѣлахъ вѣры и, конечно, придали національному чувству вѣроисповѣдный оттѣнокъ. Это даже сильно отразилось на международныхъ отношеніяхъ XVI и XVII вв., раздѣливъ Западную Европу на два враждебныхъ конфессіонально-политическихъ лагеря.

4. У реформаціи были и иныя причины, которыя для нея, какъ движенія прежде всего религіознаго, были даже основными. Католическая церковь въ концѣ среднихъ вѣковъ находилась въ разложеніи, которое на языкѣ времени получило характерное названіе „порчи церкви въ главѣ и членахъ“. Великій расколъ католической церкви, продолжавшійся цѣлыя десятилѣтія и производившій страшный соблазнъ для вѣрующей совѣсти, былъ въ сущности лишь симптомомъ этой порчи, обратившимъ на себя особое вниманіе всего католическаго міра. Въ связи съ расколомъ возникала мысль о реформѣ церкви посредствомъ превращенія ея изъ абсолютной монархіи

папства, въ которомъ видѣли главную причину зла, въ монархію конституціонно-аристократическую, которая управлялась бы высшимъ клиромъ на вселенскихъ и національныхъ соборахъ. Но такая реформа могла быть только палліативной, потому что зло заключалось не въ томъ только, что папа сталъ выше соборовъ и отмѣнилъ права національныхъ епископатовъ. Главнымъ зломъ было омірщеніе церкви, преобладаніе въ ней матеріальныхъ стремленій надъ духовными интересами: учрежденіе, призванное служить высшимъ нравственнымъ цѣлямъ, погрязало само въ грубомъ матеріализмѣ, такъ какъ политическія стремленія папства къ всемірному господству и соціальные интересы духовенства, въ качествѣ наиболѣе богатаго и вліятельнаго класса общества, выдвинулись впередъ, и церковь уже не соотвѣтствовала своему назначенію, особенно передъ болѣе развитымъ общественнымъ сознаніемъ, которое само было результатомъ интеллектуальнаго и моральнаго роста личности. Идеалу церкви, все болѣе и болѣе поднимавшемуся въ этомъ сознаніи, дѣйствительность между тѣмъ далеко не соотвѣтствовала: скандальная хроника папства (авиньонскаго и римскаго), превратившагося въ свѣтскую курію, нравственная испорченность духовенства и монашества, ихъ корыстолюбіе, праздность, невѣжество, сдѣлались главнымъ предметомъ публицистическаго обличенія въ литературѣ и общественной сатиры. Даже тѣ люди, которые по религіозному своему міросозерцанію оставались добрыми католиками, скандализировались этою „порчею церкви въ главѣ и членахъ“ и во имя высшихъ моральныхъ началъ возставали противъ свѣтскаго могущества папы, противъ церковнаго землевладѣнія и т. п., какъ главныхъ источниковъ порчи, отзывавшейся и на матеріальномъ быту народовъ.

Съ другой стороны, порча церкви выразилась и въ томъ искаженіи, какимъ подверглись въ ней сами религіозные принципы. Невѣжественное духовенство раздѣляло суевѣрныя представленія грубой толпы или эксплуатировало народное суевѣріе съ цѣлью наживы. Особенно много искаженій было связано съ почитаніемъ святыхъ, разнаго рода реликвій и священныхъ изображеній, въ чемъ обличителямъ этой порчи изъ гуманистовъ и реформаторовъ видѣлось возвращеніе къ многобожію и идолопоклонству. Требованіе суевѣрнаго почитанія папы, какъ своего рода земного бога, равнымъ образомъ должно было возмущать болѣе развитую религіозную совѣсть. Обрядность, кромѣ того, вытѣсняла собою духовную сторону религіи. Грѣхъ разсматривался, какъ формальный проступокъ, искупаемый формальнымъ же образомъ безъ внутренняго покаянія, и на этомъ было основано ученіе объ индульгенціяхъ, особенно соблазнявшее вѣрующую совѣсть, которая не могла примириться съ теоріей отпущенія грѣховъ за деньги. Вслѣдствіе этого-то индульгенціи и сдѣлались однимъ изъ главныхъ предметовъ нападенія со стороны реформаторовъ. Сами богословскія знанія сводились преимущественно къ схоластическимъ толкованіямъ, причемъ источники вѣры, т.-е. св. писаніе и творенія отцовъ церкви, бывшихъ его первыми комментаторами, отступали на задній планъ. Немудрено, что возмущенной совѣсти уже „предшественниковъ“ реформаціи Римъ представлялся Вавилономъ, папа—антихристомъ, самъ католицизмъ — суевѣріемъ и идолопоклонствомъ: для нихъ всѣ эти искаженія были человѣческими выдумками, противными слову Божію, заключенному въ св. писаніи, и Библія стала служить основною опорою въ религіозномъ протестѣ.

На Библію же стали опираться и новыя религіозно-

нравственныя стремленія, какъ новыя стремленія въ области умственной опирались на классическую литературу. Индивидуализмъ, эта душа новой исторіи, проявился именно и въ религіозной сферѣ. Право личности на непосредственное знакомство со словомъ Божіимъ, на свободное его толкованіе, сообразное съ общимъ духомъ св. писанія, на отстаиваніе своихъ убѣжденій, если эти убѣжденія не будутъ опровергнуты самимъ словомъ Божіимъ,—вотъ что индивидуализмъ противопоставлялъ той религіозной опекѣ, какой личность подвергалась въ католицизмѣ. Начало личности есть начало духовное: для него въ религіи все внутреннее имѣетъ неизмѣримо болѣе важное значеніе, чѣмъ все внѣшнее, и вотъ индивидуализмъ въ области вѣры намѣтилъ новые догматы. Въ дѣлѣ спасенія души католическая церковь слишкомъ напирала на внѣшнія средства, на подвиги аскетизма, на дѣла благочестія, даже на денежные взносы въ пользу церкви, а реформація выставила принципъ діаметрально противоположный—оправданія исключительно посредствомъ личной вѣры въ искупительную силу жертвы, принесенной Сыномъ Божіимъ за весь родъ человѣческій. Крайнимъ проявленіемъ того же религіознаго индивидуализма явилось мистическое сектантство съ его вѣрою въ личныя откровенія, совершающіяся въ духѣ отдѣльныхъ, свыше отмѣченныхъ лицъ.

Сопоставивъ, съ одной стороны, слишкомъ рѣзкое несоотвѣтствіе церковной дѣйствительности ея собственному идеалу, а съ другой, новыя индивидуалистическія стремленія въ области религіи, мы и найдемъ главную причину религіознаго движенія XVI в. Въ этомъ движеніи, ограниченномъ временемъ и мѣстомъ, проявилось опять нѣчто непреходящее и универсальное—требованіе отъ дѣйствительности соотвѣтствія съ идеаломъ и твор-

чество идеаловъ личнымъ умомъ. Рѣзкое несоотвѣтствіе соціально-политической дѣйствительности XVIII в. съ принципами, которыми сами себя оправдывали старые порядки, и особенно съ новыми идеалами, вырабатывавшимися личнымъ развитіемъ эпохи, было вѣдь и основною причиною переворота, совершившагося во Франціи въ концѣ XVIII в.

5. Реформаціонное движеніе пошло по разнымъ направленіямъ: въ результатѣ получились новыя церкви и секты. Всѣ онѣ, однако, подводятся подъ два типа — евангельскаго (или библейскаго) и мистическаго христіанства, иными словами—протестантизма и сектантства. Первый представленъ въ религіозной исторіи Запада, съ первыхъ признаковъ недовольства католицизмомъ, цѣлымъ рядомъ формъ: сюда относятся вальденство на югѣ Франціи въ XII — XIII в., виклифизмъ въ Англіи XIV в., утраквизмъ въ Чехіи XV в., а въ XVI в. лютеранизмъ, цвингліанство, кальвинизмъ съ ихъ оттѣнками, равно какъ и англиканизмъ. Всѣ эти формы обобщаются слѣдующими признаками: въ основу вѣры кладется св. писаніе, согласно съ которымъ и производится реформа церкви, и сохраняется понятіе церкви, какъ внѣшней организаціи. Затѣмъ идутъ уже различія въ болѣе и менѣе свободномъ толкованіи св. писанія, въ уничтоженіи лишь того, что только прямо противорѣчитъ св. писанію, или и того еще, на что нѣтъ буквальныхъ въ немъ предписаній, въ болѣе мистическомъ или болѣе раціоналистическомъ общемъ духѣ реформы, въ болѣе или менѣе значительномъ упрощеніи культа, въ различныхъ взглядахъ на священство (съ безусловнымъ повсюду уничтоженіемъ монашества), въ монархическомъ или республиканскомъ устройствѣ церковнаго управленія, въ несходствѣ отношеній между церковью, съ одной стороны, и

государствомъ и обществомъ, съ другой (съ общей секуляризаціей церковныхъ земель, кромѣ Англіи, гдѣ была секуляризована только монастырская собственность. Вальденсамъ, виклифитамъ и утраквистамъ не удалось только создать государственныхъ и національныхъ церквей, какія создалъ протестантизмъ XVI вѣка, но при благопріятныхъ обстоятельствахъ и они могли бы осуществить, собственно говоря, лишь тѣ же самые принципы.

Другую категорію составляетъ сектантство. Оно рядомъ съ св. писаніемъ, какъ откровеніемъ внѣшнимъ, и даже иногда выше его ставитъ откровеніе внутреннее и утрачиваетъ понятіе церкви, чтобы организовать религіозную жизнь на основахъ автономіи отдѣльныхъ общинъ и свободной принадлежности къ нимъ отдѣльныхъ лицъ. Такой характеръ имѣли разныя средневѣковыя секты, о которыхъ мы, къ сожалѣнію, однако, иногда очень мало знаемъ; таково было, между прочимъ, крайнее гуситство въ Чехіи XV в., нѣмецкій анабаптизмъ XVI в., англійское индепендентство XVII в., во многихъ отношеніяхъ сходныя между собою крайнія проявленія религіознаго индивидуализма. Особо нужно поставить еще религіозное вольнодумство, зародившееся въ мистическомъ сектантствѣ или имѣвшее раціоналистическое происхожденіе. Среди анабаптистовъ Германіи и Швейцаріи въ двадцатыхъ годахъ XVI в. были уже первые антитринитаріи, получившіе свое имя отъ отрицанія догматовъ троичности и богочеловѣчества, и изъ нихъ особенно въ серединѣ столѣтія выдвинулся Серветъ, систематизаторъ антитринитарской доктрины, сожженный на кострѣ женевскимъ протестантскимъ реформаторомъ. Во второй половинѣ XVI в. организаторомъ антитринитаризма въ цѣлую церковь въ Польшѣ явился Фавстъ Социнъ, отразившій на себѣ уже и итальянское гуманистическое

вольномысліе съ откровенно-раціоналистическимъ отношеніемъ къ христіанству. Наконецъ, въ Англіи конца XVII вѣка возникаетъ ученіе „свободныхъ мыслителей“, или христіанскихъ деистовъ, бывшее въ сущности тоже одною изъ формъ антитринитаризма и выросшее опять-таки изъ мистическихъ сектъ той эпохи.

Протестантская и сектантская реформаціи оживили падавшую церковь, и въ серединѣ XVI в. началась реформація католическая, состоявшая, однако, только въ приведеніи дѣйствительности въ большее соотвѣтствіе съ старымъ идеаломъ, но выступившая крайне враждебно ко всѣмъ требованіямъ индивидуализма, націонализма и свѣтскаго соціально-политическаго принципа. Эта реформація, совершенная главнымъ образомъ на тридентскомъ соборѣ, была, между прочимъ, однимъ изъ средствъ общей реакціи противъ новыхъ началъ жизни со стороны католической церкви.

6. Протестантскія церкви и секты отличались между собою въ отношеніяхъ догматическомъ и богослужебномъ и по внутренней своей организаціи и дисциплинѣ до того, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онѣ нерѣдко самымъ враждебнымъ образомъ сталкивались между собою. Это сразу повело къ теологическимъ спорамъ, къ вѣроисповѣднымъ раздорамъ, къ религіознымъ войнамъ, гибельно отзывавшимся на культурной и политической жизни, какъ это хорошо уже понимали лучшіе люди эпохи, умѣвшіе возвыситься по степени своего образованія, по истинно христіанскому уваженію къ чужой совѣсти и по политическому пониманію до великой идеи вѣротерпимости. Съ точки зрѣнія общей культурно-соціальной исторіи вѣроисповѣдныя отличія протестантскихъ церквей и сектъ отступаютъ на задній планъ, чтобы очистить первое

мѣсто отличіямъ чисто культурнаго и политическаго свойства.

Въ общемъ реформація и католицизмъ заключали въ себѣ противоположные принципы индивидуальной свободы и принудительной власти, внутренней религіозности и внѣшней набожности, прогрессивнаго движенія и историческаго застоя, хотя въ частностяхъ, когда протестантизмъ измѣнялъ, напр., своему собственному происхожденію изъ возстанія противъ церкви во имя духовнаго принципа и ради обновленія религіозной жизни, онъ самъ нерѣдко являлся только наслѣдникомъ средневѣковыхъ стремленій католицизма. Отсюда, напр., формализмъ, въ который впало лютеранство, отсюда подчиненіе государства церкви, которымъ отличался кальвинизмъ, отсюда же и всѣ регрессивныя теченія, какія вообще наблюдаются въ реформаціи. Все это было, однако, скорѣе измѣной принципу, а не самимъ принципомъ, какъ то же самое можно сказать объ отмѣченныхъ уже недостаткахъ итальянскаго гуманизма. Несмотря на уже указанную равнымъ образомъ противоположность реформаціи и гуманизма, ихъ сближала между собою общая индивидуалистическая основа: общимъ у нихъ было стремленіе личности къ выработкѣ собственнаго міросозерцанія религіознаго, философскаго и моральнаго, проявленіе личной мысли и личнаго чувства въ раціонализмѣ и въ мистицизмѣ, критическое отношеніе къ несовершеннымъ формамъ окружающей культурно-соціальной дѣйствительности, реабилитація человѣческой природы, выразившаяся въ устраненіи аскетической этики, въ отмѣнѣ монашества, безбрачія духовенства и т. п., секуляризація государства и общества, произведенная путемъ отмѣны духовенства, какъ особаго сословія, отобранія у него собственности и

т. п., хотя въ общемъ, однако, реформація, какъ было сказано, и задержала развитіе свѣтской культуры.

Гуманистическое движеніе дало начало свободѣ мысли въ новой Европѣ, но гуманизмъ съ его индифферентизмомъ въ религіозныхъ вопросахъ не могъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія породить принципа свободы совѣсти. Впервые его провозгласилъ протестантизмъ, хотя реформація и не осуществила этой свободы, выставивъ одновременно и принципъ религіознаго единовѣрія, церковнаго однообразія подъ высшимъ авторитетомъ государства, а сами протестанты изъ привилегированныхъ классовъ нерѣдко свободѣ совѣсти, которой они добивались съ оружіемъ въ рукахъ, давали характеръ не личнаго, а сословнаго права. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и реформаторы не умѣли понять того, что свобода совѣсти безъ свободы изслѣдованія немыслима, и они въ концѣ концовъ удержали католическое пониманіе ереси, подъ которою можно было понимать все, что угодно, и даже признали за государствомъ право казнить еретиковъ. Бо́льшую терпимость проявляло сектантство, въ основѣ котораго былъ индивидуалистическій принципъ, и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна историческая роль англійскаго индепендентства. Въ общемъ реформація отнеслась враждебно къ свободѣ мысли, поскольку боялась, что дѣятельность разума будетъ грозить опасностью чистотѣ вѣры, но, выставивъ принципъ личнаго толкованія св. писанія, она тѣмъ не менѣе открывала путь свободному изслѣдованію, хотя и считала нужнымъ наказывать за результаты этого изслѣдованія, если они противорѣчили оффиціальному исповѣданію. Самое занятіе теологіей отрѣшилось у протестантовъ отъ схоластическихъ авторитетовъ: истиннымъ родоначальникомъ протестантскаго богословія былъ Эразмъ Роттердамскій,

который, хотя и не примкнувъ къ реформаціи, имѣлъ въ ея исторіи большое значеніе, примѣнивъ къ изученію св. писанія научные пріемы, выработанные гуманизмомъ. Соцініанизмъ и христіанскій деизмъ уже прямо признавали свободу мысли, какъ неотъемлемое ея право.

Изъ всего этого можно видѣть, что въ протестантизмѣ была нѣкоторая двойственность, но ту же самую двойственность мы наблюдаемъ и въ гуманизмѣ съ отмѣченными въ немъ недостатками. Непослѣдовательности и противорѣчія въ новыхъ культурныхъ началахъ объясняются вообще новостью дѣла, вліяніемъ на него условій мѣста и времени и, наконецъ, тѣмъ, что новое никогда не порываетъ сразу связей съ прошлымъ, его породившимъ, чѣмъ объясняются непослѣдовательности и противорѣчія, напр., и въ принципахъ французской революціи.

VI. Соціальная и политическая сторона реформаціи.

1. Общественное значеніе религіозныхъ движеній.—2. Свобода совѣсти и государственная церковь въ XVI—XVII вв.—3. Соціальныя движенія подъ знаменіемъ религіозныхъ идей.—4. Политическія столкновенія между высшими классами и королевскою властью въ реформаціонную эпоху.—5. Политическія идеи протестантизма.

---

1. Религіозная реформація XVI в., кромѣ важнаго значенія въ культурной исторіи Западной Европы, имѣетъ тоже весьма важное значеніе и въ исторіи соціально-политической, потому что помимо всѣхъ тѣхъ причинъ, которыми, какъ мы видѣли, она была вызвана, въ качествѣ движенія чисто религіознаго или движенія, имѣвшаго то или другое отношеніе къ церкви, къ папству, къ ду-

ховенству, къ монашеству, къ церковному землевладѣнію, — въ образованіи разсматриваемаго историческаго движенія участвовали еще причины соціально-политическаго характера. Послѣднія могутъ быть вообще троякаго рода: или общество добивается бо̀льшей свободы отъ государственнаго всевластія, ополчаясь въ сущности на защиту личныхъ правъ отдѣльныхъ своихъ членовъ, или отдѣльные соціальные классы стремятся къ измѣненію существующаго общественнаго строя, или же ихъ стремленіе направляется къ тому, чтобы принимать участіе въ государственной жизни въ качествѣ самостоятельныхъ факторовъ. Всѣ виды соціально-политическихъ движеній мы наблюдаемъ на Западѣ и въ реформаціонную эпоху, но они лишь въ исключительныхъ случаяхъ совершались независимо отъ движенія, вызваннаго религіозными и церковными причинами. Во-первыхъ, многіе соціальные и политическіе вопросы столь тѣсно были сплетены съ церковными, что движеніе, начавшееся въ одной сферѣ, естественно и необходимо должно было перейти и въ другую. Во-вторыхъ, большое значеніе имѣла одновременность дѣйствія причинъ, создавшихъ новыя теологическія ученія и всѣ новыя церкви и секты, съ причинами, которыя независимо отъ какого бы то ни было желанія реформировать вѣру или измѣнить отношенія государства и общества къ церкви и духовенству должны были также привести къ соціальнымъ и политическимъ столкновеніямъ: совпаденіе религіозно-церковнаго движенія съ соціально-политическимъ усложнило каждое изъ этихъ послѣднихъ, или, вѣрнѣе, создало движенія, въ которыхъ слѣдуетъ различать двѣ стороны — чисто церковную и чисто свѣтскую. Въ-третьихъ, вытекая прямо изъ фактическихъ отношеній, соціально-политическія движенія совершаются тѣмъ не менѣе во имя извѣстныхъ отвле-

ченныхъ принциповъ, дающихъ имъ моральную санкцію, а такими принципами въ извѣстныхъ слояхъ общества, при извѣстномъ уровнѣ культуры, при извѣстныхъ обстоятельствахъ нерѣдко бываютъ идеи религіозныя. Народныя массы вообще наиболѣе склонны воспринимать отвлеченныя идеи преимущественно въ религіозной оболочкѣ, да и вѣкъ былъ вообще еще вполнѣ религіозный, такъ какъ гуманизмъ только что начиналъ секуляризацію культуры, а то обстоятельство, что одновременно съ соціальными и политическими столкновеніями, нуждавшимися въ принципіальномъ обоснованіи новыхъ требованій, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны, какъ нельзя болѣе содѣйствовало тому, чтобы идеи протестантизма и сектантства сыграли довольно значительную роль и въ соціально-политическомъ движеніи, вытекавшемъ изъ своихъ самостоятельныхъ причинъ. Въ XV—XVII вв. происходятъ на западѣ Европы революціи, имѣющія весьма много общаго между собою, — то исключительно политическія, то съ соціальнымъ характеромъ,—и всѣ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ религіознымъ движеніемъ: это были революціи чешская, политическая, соціальная и церковная, въ XV вѣкѣ; революція нѣмецкая, тоже политическая, соціальная и церковная, въ XVI в., и вскорѣ за нею послѣдовавшія революціи въ Шотландіи и въ Нидерландахъ, равно какъ религіозныя войны въ Швейцаріи и Франціи, имѣвшія въ политическомъ отношеніи тоже революціонный характеръ, а въ XVII в. новая чешская революція, изъ-за которой разгорѣлась тридцатилѣтняя война, первая революція въ Англіи, бывшая и второй религіозной реформаціей для этой страны, наконецъ, пожалуй, и венгерское возстаніе конца XVII вѣка. Исключеніями изъ этого общаго правила связи политическихъ и религіозныхъ движеній могутъ считаться лишь революціонное

возстаніе въ Испаніи въ началѣ царствованія Карла V, бывшій при немъ же бунтъ Гента, отложеніе Португаліи отъ Испаніи въ серединѣ XVII в. и почти одновременное съ нимъ возстаніе Мазаньелло въ Неаполѣ, да смуты фронды во Франціи. Вообще же Испанія, Португалія и Италія почти совсѣмъ не были затронуты религіозной реформаціей; во время гентскаго мятежа Нидерланды тоже еще не находились подъ ея вліяніемъ, а Франція въ эпоху фронды вышла уже изъ періода религіозныхъ войнъ.

Связь реформаціи съ политическими движеніями была такъ сильна, что сдѣлалась одною изъ причинъ реакціи противъ реформаціи, и послужила поводомъ къ тому, чтобы церковная и государственная репрессіи пошли вмѣстѣ, рука объ руку. Въ соціальномъ смыслѣ, реформація немало помогла дѣлу общественной и политической свободы, хотя и не вездѣ имѣла успѣхъ, и во всякомъ случаѣ сдѣлала въ этой области гораздо болѣе, нежели гуманизмъ, который на родинѣ своей, въ Италіи, даже прямо служилъ княжеской тиранніи. Между прочимъ, религіозное движеніе, воспитавши въ личности сильное убѣжденіе, доходившее до фанатизма, дало политическимъ столкновеніямъ эпохи непоколебимыхъ бойцовъ, которые, защищая тѣ или другіе соціальные и политическіе интересы, искренне были увѣрены въ томъ, что исполняютъ дѣло Божіе, будучи къ тому призваны свыше. Такіе характеры встрѣчаются, напр., во время гуситскихъ войнъ и нѣмецкой крестьянской войны въ Германіи, равно какъ въ исторіи мюнстерской коммуны. Съ середины XVI в. Женева даже сдѣлалась своего рода главною школою, изъ которой выходили убѣжденные, страстные, непоколебимые бойцы за дѣло протестантизма и политической свободы въ разныхъ странахъ Европы.

Первая англійская революція также совершалась республиканцами и радикалами, считавшими себя избраннымъ народомъ Божіимъ, подобно крайнимъ гуситамъ, анабаптистамъ и кальвинистамъ. И одною изъ причинъ убѣжденной страстности въ этой политической борьбѣ было то, что политическимъ борцамъ въ большинствѣ случаевъ приходилось отстаивать свободу своей совѣсти, что прямо вызывало ихъ и ихъ послѣдователей и сторонниковъ на героизмъ мученичества и героизмъ подвиговъ.

2. Защищая свободу своего вѣроисповѣданія, протестанты сами въ большинствѣ случаевъ являлись, однако, въ роли гонителей иновѣрія, разъ сами пользовались властью. Принципъ свободы совѣсти съ трудомъ прокладывалъ себѣ путь въ общественное сознаніе, въ право и въ государственное законодательство, хотя формулированъ былъ на первыхъ же порахъ движенія еще самимъ Лютеромъ и хотя политическій интересъ, правильно понимавшійся такими дѣятелями,—хотя бы въ одной только Франціи,—какъ Лопиталь, Генрихъ IV, Ришелье, приводилъ многихъ къ идеѣ вѣротерпимости. Сами реформаторы отступали отъ принципа, громко провозглашеннаго въ началѣ реформаціи, когда начали проповѣдоваться ученія, казавшіяся имъ богохульными и еретическими, и Лютеръ же первый ввелъ въ основанную имъ церковь подчиненіе индивидуальной совѣсти буквѣ оффиціально принятой догмы, поставивъ послѣднюю притомъ подъ охрану государства.

Государственная власть приняла сама дѣятельное участіе въ реформаціи. Мы видѣли уже, что короли и князья стремились освободиться отъ куріи и подчинить себѣ духовенство, равно какъ секуляризовать церковныя имущества, къ чему религіозная реформа давала удобный поводъ. Такъ какъ церковь сама оказалась совершенно

неспособною произвести реформу своего быта, за дѣло преобразованія взялись внѣ-церковныя силы и между ними государство. Право послѣдняго вмѣшиваться въ религіозныя дѣла въ исключительныхъ случаяхъ не отрицалось и въ средніе вѣка, и уже въ эпоху, предшествовавшую началу реформаціи XVI в., бывали случаи, когда правительства брали на себя иниціативу въ религіозномъ вопросѣ, всѣхъ тогда интересовавшемъ. Во время самой реформаціи католическій императоръ Карлъ V, бывшій всю жизнь противникомъ протестантизма, считалъ своимъ правомъ взять лично на себя установленіе временной религіозной формулы (аугсбургскій интеримъ), которой должны были повиноваться его подданные. Въ государствахъ, отдѣлившихся отъ католицизма въ XVI в., правительственная власть начала прямо опредѣлять, во что и какъ должны были вѣровать подданные, и исторія Англіи при Генрихѣ VIII, мѣнявшемъ свои собственные церковные законы, показываетъ, до чего въ этомъ отношеніи могло доходить вмѣшательство свѣтской власти въ вопросы вѣры. Въ Германіи аугсбургскій религіозный миръ 1555 г. установилъ правило, по которому подданные должны были слѣдовать религіи своего государя (cujus regio, ejus religio), что давало возможность имперскимъ князьямъ свободно мѣнять одно исповѣданіе на другое и требовать отъ своихъ подданныхъ перехода въ другую вѣру. У протестантскихъ государей это право могло оспариваться развѣ одними только государственными сеймами. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ княжествахъ, въ Даніи и въ Швеціи реформація принята была съ согласія сословныхъ представительствъ. Въ Англіи церковныя преобразованія совершались путемъ парламентскаго законодательства, и на почвѣ религіознаго вопроса между королевскою властью и палатами возникали пререканія о взаимныхъ правахъ

въ этой области, а когда въ XVII в. парламентъ одержалъ побѣду надъ королевскою властью въ лицѣ Карла I, то задумалъ также ввести свой актъ единообразія въ религіозную жизнь Англіи. Шотландская реформація прямо была введена мѣстнымъ парламентомъ, и на ту же дорогу толкалъ польскій сеймъ Сигизмунда-Августа. Не иначе дѣло шло и въ республиканскихъ государствахъ, какими были швейцарскіе кантоны, нѣмецкіе имперскіе города и отдѣльные нидерландскіе штаты: здѣсь религіозный вопросъ рѣшался или выборными властями, или на народныхъ собраніяхъ, причемъ меньшинство должно было подчиняться большинству. Нѣмецкіе князья на сеймѣ 1529 г. превосходно говорили, что вопросы вѣры не такіе, которые разрѣшаются большинствомъ голосовъ, но вытекающее отсюда право личности на религіозное самоопредѣленіе они оставляли лишь за собою, когда установляли правило: „чья страна, того и вѣра“. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же принципъ церковнаго единообразія съ правомъ государства на его установленіе. Реформаціонный вопросъ разрѣшался здѣсь въ пользу государства, которое въ протестантскихъ странахъ прямо заступило старую церковь съ ея неограниченными правами надъ личностью. Религіозныя преслѣдованія, производившіяся протестантскими правительствами, оправдывались или съ той точки зрѣнія, что ересь должна быть наказываема, или съ той, что люди, не признающіе установленной церкви, являются ослушниками государственной власти и бунтовщиками, или же съ той, наконецъ, что содержаніе ученія религіозныхъ отщепенцевъ опасно въ политическомъ отношеніи. Первый же реформаторъ, самъ Лютеръ, показавшій на вормскомъ сеймѣ примѣръ мужественной защиты индивидуальной свободы въ дѣлахъ вѣры, показалъ и примѣръ полнаго подчине-

нія церкви государству, за что подвергался осужденію еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности со стороны главарей сектантства.

Между тѣмъ, та же реформація, тѣ же Лютеръ и Кальвинъ наставляли въ духѣ свободы совѣсти, уча, что христіанинъ не долженъ повиноваться законамъ, противнымъ заповѣдямъ Божіимъ, и нечестивымъ требованіямъ властей, причемъ Кальвинъ въ подобныхъ случаяхъ допускалъ со стороны сословно-представительныхъ учрежденій даже активное сопротивленіе. Шла ли реформація сверху или снизу, разрѣшался ли религіозный вопросъ однимъ княземъ или и сеймомъ, получала ли церковь сама монархическую или республиканскую организацію,—разъ личность должна была подчиниться государственной церкви или меньшинство принять вѣру большинства, особенно же въ католическихъ странахъ, гдѣ правительства жестоко гнали нововѣріе, единица или часть народа всегда могли видѣть въ требованіяхъ власти, несогласныхъ съ ихъ совѣстью, нечестивыя велѣнія, которымъ слѣдовало сопротивляться по долгу передъ Богомъ. Отсюда и возникала борьба подданныхъ противъ правительствъ за свободу совѣсти, когда протестанты съ оружіемъ въ рукахъ брались отстаивать права своего вѣроисповѣданія. Это и была первая борьба личности противъ всепоглощающей государственности новаго времени, и въ этомъ, между прочимъ, заключалась весьма важная политическая сторона реформаціи. Между личною свободою и государственнымъ принужденіемъ начиналась такимъ образомъ длинная историческая тяжба, и впервые личность защищала тутъ свои права подъ знаменемъ религіозной идеи, той самой идеи свободы совѣсти, которую защищали и христіанскіе мученики, когда не хотѣли подчиняться велѣніямъ языческихъ императоровъ въ ихъ качествѣ верховныхъ жре-

цовъ. Правда, у протестантовъ этотъ принципъ сначала искажался, потому что они распространяли свою защиту только на извѣстное исповѣданіе, отказывая въ такомъ же правѣ другимъ ученіямъ, хотя и вполнѣ христіанскимъ же, но позднѣе среди протестантовъ стала утверждаться и иная точка зрѣнія. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ свобода богослуженія разсматривалась, какъ чисто сословная привилегія, именно дворянская по преимуществу, какъ это было во Франціи, австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ и въ Польшѣ; въ послѣдней свобода совѣсти выводилась прямо изъ „шляхетской вольности".

Въ этой борьбѣ личнаго и государственнаго принциповъ въ области вѣры правительства иногда вынуждались дѣлать уступки, которыя разсматривались, однако, не въ смыслѣ признанія извѣстныхъ правъ, а какъ милостивая привилегія, данная извѣстной части подданныхъ. Настоящее конфессіональное государство и на это никогда не соглашалось: стбитъ только вспомнить Филиппа II Испанскаго или Людовика XIV, — и въ послѣднихъ случаяхъ государство все еще продолжало быть простымъ орудіемъ извѣстной церковности. Сравнительно съ этимъ — большимъ шагомъ впередъ была вѣротерпимость, указывавшая на то, что государство начинало освобождаться отъ конфессіональной исключительности: идея терпимости сдѣлалась одной изъ культурныхъ и политическихъ идей XVIII в. Но наиболѣе полно выразилась идея свободы совѣсти въ стремленіяхъ и начинаніяхъ англійскаго передового протестантизма XVII в., однимъ изъ представителей котораго былъ Кромвель.

3. Соціальныя движенія, которыми богата реформаціонная эпоха, совершались также подъ знаменемъ идей религіозныхъ. Протестантскіе реформаторы были или,

какъ Лютеръ, исключительно церковными, или, какъ Цвингли и Кальвинъ, кромѣ того, и политическими реформаторами, не затрогивавшими, однако, никакихъ соціальныхъ вопросовъ. Поэтому протестантская реформація только въ одномъ отношеніи играла соціальную роль, именно, въ вопросѣ объ уничтоженіи церковнаго землевладѣнія, разрѣшившемся въ смыслѣ благопріятномъ исключительно для дворянскаго сословія, какъ мы это уже видѣли выше. Другое дѣло — сектантство: оно имѣло прямо соціальный характеръ, и съ этой стороны на него особенно интересно намъ будетъ теперь взглянуть.

Основныя причины движеній съ соціальнымъ характеромъ, происходящихъ въ народныхъ массахъ, бываютъ всегда свойства экономическаго, матеріальнаго. Тяжелыя или ухудшающіяся условія народнаго быта порождаютъ вспышки неудовольствія, получающія видъ совершенно стихійныхъ потрясеній общества: люди, дотолѣ мирные и разрозненные, ожесточаются и соединяются для общаго дѣйствія, во время котораго растетъ психическое возбужденіе, разнуздываются страсти, затемняется разсудокъ, и народная масса превращается въ какую-то объединенную стихійную силу, увлекающую за собою новыя и новыя толпы и дѣйствующую какъ бы вполнѣ автоматически. Весьма часто дѣятельность толпы-автомата объединяется какой-либо легендой, находящей особенную вѣру въ минуты подобнаго возбужденія, напр., легендой о грамотѣ, принесенной съ неба ангеломъ, или объ указѣ, присланномъ изъ столицы гдѣ требуется или обѣщается то-то и то-то. Часто такое движеніе превращается въ настоящую психическую эпидемію, какъ это бывало съ нѣкоторыми средневѣковыми народными движеніями въ родѣ секты бичующихся (флагеллантовъ). Такая почва особенно удобна бываетъ для распространенія мистическаго сектантства съ

его видѣніями, пророчествами и т. п. Такъ это было и въ реформаціонную эпоху, когда подъ вліяніемъ общаго религіознаго броженія возникли въ этой области новыя ученія, отличавшіяся индивидуализмомъ, доведеннымъ до анархической своей крайности по отношенію къ государству и обществу, и эгалитарными стремленіями въ отношеніяхъ соціальныхъ, ясно выраженными въ требованіяхъ коммунистическаго характера. Отдѣльныя личности, между прочимъ, изъ людей образованныхъ и ученыхъ, какимъ былъ, напр., одинъ изъ сектантскихъ предводителей крестьянской войны, Ѳома Мюнцеръ, поняли реформу религіи въ смыслѣ полнаго обновленія не только вѣры, но и всей жизни посредствомъ соціальнаго переворота, и ихъ проповѣдь имѣла большой успѣхъ въ народныхъ массахъ, которымъ она обѣщала выходъ изъ ихъ печальнаго состоянія. Общественный идеалъ сектантовъ получалъ религіозный характеръ: одна секта въ средніе вѣка вѣрила въ наступленіе временъ вѣчнаго евангелія, яко-бы пришедшаго на смѣну ветхому и новому завѣту; другія устанавливали у себя коммунистическіе порядки, ссылаясь на общеніе имуществъ первыхъ христіанъ по Дѣяніямъ Апостоловъ; третьи ожидали второго пришествія Христа (хиліасты, милленаріи, люди пятой монархіи), послѣ чего начнется царство святыхъ на землѣ; четвертые думали возстановить царство Сіона, какъ это было сдѣлано во времена мюнстерской коммуны тридцатыхъ годовъ XVI в. и т. п. Сектанты вообще охотно выдѣляли себя, какъ новаго Израиля, избранный народъ Божій, какъ святыхъ, и примѣняли къ себѣ ветхозавѣтныя пророчества и повелѣнія. Къ числу послѣднихъ нужно отнести завѣтъ безпощаднаго истребленія язычниковъ, нечестивыхъ и т. п., подъ которыми разумѣлись всѣ, не пристававшіе къ движенію и ему противившіеся.

Сначала сектанты выступаютъ съ бурнымъ, агрессивнымъ, революціоннымъ характеромъ. Преслѣдованія, которымъ ихъ подвергаютъ по мотивамъ религіознымъ и политическимъ, еще болѣе ихъ ожесточаютъ, но мало-по-малу они развиваютъ въ своемъ сознаніи и осуществляютъ въ своей жизни противоположный принципъ непротивленія злу, принципіально вооружаются противъ войны и т. п., и превращаются въ мирныя общины, въ которыхъ господствуетъ суровая нравственность и серьезная трудовая жизнь. Вообще сектантство реформаціонной эпохи было движеніемъ чисто демократическимъ, происходившимъ среди крестьянъ и низшихъ классовъ городского населенія. Въ умственномъ отношеніи это движеніе нерѣдко принимало характеръ реакціонный, сопровождаясь враждебностью къ наукѣ, къ свѣтской литературѣ и т. п. Большею культурностью отличался только польскій антитринитаризмъ (социніанизмъ), содѣйствовавшій развитію образованія въ странѣ, но зато онъ имѣлъ аристократическій характеръ и обходилъ молчаніемъ щекотливый для польской шляхты вопросъ о правѣ христіанъ владѣть рабами.

Первымъ большимъ народнымъ движеніемъ соціально-сектантскаго характера было то, которое въ эпоху гуситскихъ войнъ происходило среди чешскаго крестьянства. Еще бо́льшіе размѣры получило подобное же движеніе среди нѣмецкихъ крестьянъ. Они начали еще волноваться съ конца XV в., жалуясь на ухудшеніе своего быта, и всѣ первые годы XVI столѣтія прошли въ крестьянскихъ заговорахъ и бунтахъ, всѣ участники которыхъ ссылались при этомъ на св. писаніе въ видѣ доказательства своей правоты. Когда началась реформація, сельскій людъ сталъ возлагать на нее большія надежды, и часть крестьянъ, возставшихъ въ 1524—1525 гг. про-

тивъ своихъ господъ и властей, въ религіозномъ отношеніи не пошла далѣе общихъ религіозныхъ принциповъ протестантизма, въ соціальномъ отношеніи требуя лишь облегченія своей участи. Въ этомъ и заключалось содержаніе знаменитыхъ „12 статей“. Наоборотъ, другая часть возставшихъ пошла въ движеніе подъ знаменемъ коммунистическаго анабаптизма Ѳомы Мюнцера, а третьею частью задумали воспользоваться образованные люди изъ высшихъ классовъ общества для осуществленія посредствомъ народной революціи извѣстныхъ политическихъ реформъ. Послѣднее явленіе напоминаетъ намъ французскую революцію, когда крестьянское движеніе совпало по времени съ политическимъ и совершалось въ тѣсной съ нимъ связи. Извѣстенъ печальный исходъ нѣмецкой крестьянской войны XVI в.: съ 1525 г. все болѣе и болѣе ухудшается до самаго XVIII в. и экономическое, и юридическое положеніе германскаго сельскаго населенія, благодаря еще большему расширенію дворянскихъ правъ послѣ пораженія крестьянъ. Анабаптизмъ, разбитый при Франкенгаузенѣ, гдѣ былъ побѣжденъ Мюнцеръ, еще разъ собралъ свои силы, чтобы въ слѣдующемъ десятилѣтіи организоваться въ мюнстерское „царство новаго Сіона“, ознаменовавшее себя изувѣрствомъ, но и его постигла та же судьба.

Демократическія соціальныя движенія, хотя и не въ такомъ объемѣ, происходили и въ другихъ мѣстахъ, возбуждая опасенія дворянства. При этомъ бывали случаи, что крестьяне заступались за старую вѣру, возставая противъ секуляризаціи церковной собственности, сопровождавшейся невыгодными для нихъ перемѣнами въ аграрномъ строѣ, какъ это было въ Англіи XVI в. Не такое сильное, какъ въ Германіи, соціальное движеніе сопровождало и политическую революцію XVII в. въ Англіи,

гдѣ, однако, все-таки проявились и анархическое, и коммунистическое направленія, выразившіяся больше, впрочемъ, въ публицистикѣ, чѣмъ на дѣлѣ, такъ какъ знаменитые левеллеры (уравнители), которыхъ долго считали коммунистами, были, въ сущности, подобно якобинцамъ въ эпоху французской революціи, только политическими радикалами и демократами, не имѣвшими въ виду соціальнаго переворота.

Сословное начало западно-европейскаго общества нашло свое примѣненіе въ религіозной реформаціи въ томъ отношеніи, что, напримѣръ, въ Германіи лютеранизмъ принимался охотнѣе всего дворянствомъ и бюргерствомъ, а анабаптизмъ — крестьянствомъ и городскими рабочими, въ Нидерландахъ лютеранизмъ — дворянствомъ, кальвинизмъ — народомъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ, каковы Польша, Франція, Чехія, Венгрія, протестантизмъ равнымъ образомъ и принимался преимущественно дворянствомъ, отчасти зажиточными горожанами, и отличался сословной организаціей своихъ силъ. Причинами такого явленія были неразвитость или прямо забитость народныхъ массъ (напримѣръ, въ Польшѣ, гдѣ крестьяне не ополчались на защиту старой вѣры, когда паны превращали католическія приходскія церкви въ протестантскія, заставляли народъ въ нихъ ходить и отбирали церковную десятину въ свою пользу, особые счеты высшихъ сословій съ духовенствомъ, какъ въ той же, напримѣръ, Польшѣ, гдѣ споръ шляхты съ клиромъ изъ-за десятины и церковныхъ судовъ тянулся цѣлые вѣка) и, наконецъ, политическія движенія, совершавшіяся въ высшихъ сословіяхъ.

4. Религіозная реформація происходила въ эпоху почти повсемѣстнаго усиленія королевской власти и обострения борьбы съ нею сословно-представительныхъ учрежденій.

Это была эпоха, когда государственныя начала брали перевѣсъ надъ феодальными и муниципальными формами прежняго политическаго строя, и когда, съ другой стороны, въ самомъ государственномъ быту королевскій абсолютизмъ вытѣснялъ сословно-представительныя учрежденія. Противъ усиленія королевской власти возставали вообще тѣ сословія, политическія права которыхъ при этомъ терпѣли наибольшій ущербъ, и особенно дворянство. Въ самомъ дѣлѣ, духовенство или было соціально унижено реформаціей и экономически обобрано вслѣдствіе союза королевской власти съ дворянствомъ, гдѣ послѣдній имѣлъ мѣсто, или было вынуждено искать опоры у королей, когда они оставались католиками, что же касается городского сословія, то оно все-таки не могло еще соперничать съ дворянствомъ. Вотъ почему политическія движенія XVI в. имѣютъ иногда характеръ прямо феодальной реакціи. Послѣднее можно сказать о многихъ странахъ, но особенно о Франціи, гдѣ въ эпоху религіозныхъ войнъ среди протестантскаго и католическаго дворянства обнаружилось сильное стремленіе къ возстановленію феодальнаго быта, такъ что губернаторы провинцій мечтали сдѣлаться наслѣдственными вассальными правителями своихъ областей, а мелкіе сеньёры возобновили времена феодальной анархіи. Рядомъ съ феодальной реакціей въ той же Франціи происходила реакція и муниципальная. Одновременно съ этимъ, понятное дѣло, должны были отстаивать свои права и государственные сеймы, въ которыхъ дворянство также играло первенствующую роль, и въ защиту ихъ правъ выдвинута была протестантская (кальвинистическая) теорія народовластія. Любопытно, что на новые политическіе принципы стали ссылаться даже реакціонные соціальные элементы, хотя въ общемъ политическомъ дви-

женіи сословно-представительныя учрежденія играли не реакціонную роль, что особенно, конечно, должно сказать объ англійскомъ парламентѣ.

Первымъ такимъ политическимъ движеніемъ реформаціонной эпохи было возстаніе нѣмецкаго имперскаго рыцарства въ 1522—1523 гг., направленное противъ духовныхъ и князей. Названное сословіе было сильно стѣснено князьями и желало вернуть себѣ былую свободу, несовмѣстимую съ правильнымъ государственнымъ строемъ, — несовмѣстимую потому, что это была не свобода, а произволъ сильнаго надъ слабымъ, а кромѣ того, у рыцарства было еще и стремленіе поживиться на счетъ церковныхъ владѣній. Вожаки движенія мечтали превратить Германію въ единое государство съ императоромъ во главѣ, окруженнымъ рыцарствомъ; но рыцари были побиты князьями и должны были оставить свои политическія мечтанія. Прибавимъ, что предлогомъ для своего возстанія они выставили религіозную реформацію, которой-де мѣшали духовные князья. Съ рыцарскимъ движеніемъ, какъ и съ крестьянскимъ, были соединены нѣкоторыя, болѣе широкія надежды на обновленіе германскаго политическаго быта, но онѣ предполагали солидарное дѣйствіе сословій, котораго не могло быть въ феодальной Германіи того времени. Возстаніе рыцарей было, возстаніемъ офицеровъ безъ солдатъ", побитыхъ вскорѣ послѣ этого въ крестьянской войнѣ, въ которой у солдатъ, наоборотъ, не было офицеровъ. Это разъединеніе сословій въ другихъ странахъ и было причиной того, что, какъ мы видѣли, представительныя учрежденія не вышли побѣдителями изъ борьбы съ королевскою властью.

Эта борьба въ XVI и XVII вв. состояла изъ ряда религіозно-политическихъ революцій. Примѣръ показала Шотландія, гдѣ въ 1559 г. одновременно низвергнута

была регентша королевства, и произведена была реформація, такъ какъ регентша стремилась усилить королевскую власть и права церкви надъ свѣтскимъ обществомъ. Вскорѣ затѣмъ въ Шотландіи послѣдовала и другая революція, низвергшая съ престола католичку Марію Стюартъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣйствовало главнымъ образомъ дворянство. Аналогичными были причины совершившагося около того же времени возстанія Нидерландовъ противъ фанатическаго и деспотическаго Филиппа II Испанскаго, возстанія, сопровождавшагося введеніемъ въ странѣ протестантизма, причемъ нидерландская революція кончилась отпаденіемъ отъ монархіи части соединенныхъ провинцій для образованія самостоятельной республики. Тогда же происходило и во Франціи реформаціонное и политическое движеніе противъ католической церкви и королевской власти, въ государственномъ смыслѣ ни къ чему не приведшее, хотя и вызвавшее попытки генеральныхъ штатовъ ограничить королевскую власть. Во всѣхъ этихъ случаяхъ государственные сеймы (шотландскій парламентъ и генеральные штаты въ Нидерландахъ и во Франціи) становились подъ знамя кальвинистическаго принципа народовластія, выработавшагося подъ вліяніемъ республиканскихъ порядковъ Женевы. Вмѣстѣ съ тѣмъ защита политической свободы сопровождалась защитою свободы религіозной, какъ наблюдается еще и въ исторіи столкновенія сеймовъ съ монархическою властью въ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ: тутъ особенно важна дворянская организація чешскаго протестантизма и чешская революція въ защиту политической и религіозной свободы, сдѣлавшаяся исходнымъ пунктомъ тридцатилѣтней войны, которая, въ свою очередь, нанесла ударъ сословно-представительнымъ учрежде-

ніямъ и въ самой Чехіи, и въ большей части нѣмецкихъ княжествъ.

Самымъ замѣчательнымъ историческимъ фактомъ разсматриваемой категоріи была, конечно, борьба королевской власти съ парламентомъ въ Англіи, приведшая страну къ двумъ революціямъ. И здѣсь политическое столкновеніе (съ которымъ соединилось и новое столкновеніе въ Шотландіи) было вмѣстѣ съ тѣмъ столкновеніемъ религіознымъ: въ борьбѣ находились, съ одной стороны, королевская власть, опиравшаяся на государственную аристократическую церковь и на ученіе о божественномъ правѣ своего абсолютизма, подъ конецъ же прямо склонившаяся на сторону католической реакціи, а съ другой, парламентъ, отстаивавшій права народа и стремившійся къ болѣе демократической реформѣ церкви. На время въ Англіи даже устанавливалась республика индепендентовъ, въ религіозно-политическомъ ученіи которыхъ на первыхъ мѣстахъ стояли принципы свободы совѣсти и народовластія. Вторая англійская революція окончила эту борьбу въ пользу парламента и протестантизма, въ пользу политической и религіозной свободы, и въ XVIII столѣтіе Англія перешла съ упроченными началами своего государственнаго быта, чтобы оказать затѣмъ сильное вліяніе и на другія страны Западной Европы.

5. Политическое міросозерцаніе реформаціи не было одинаковымъ во всѣхъ странахъ. Лютеранство, возникшее въ монархической Германіи и поддержанное здѣсь княжескою властью, введенное въ Пруссіи, въ Даніи и въ Швеціи государями, и англиканство, также обязанное своимъ происхожденіемъ королевской иниціативѣ, отличались характеромъ монархическимъ, уча о божественномъ происхожденіи королевской власти и о незаконности активнаго сопротивленія, тогда какъ цвингліанство

и кальвинизмъ возникли въ республиканскихъ общинахъ Щвейцаріи, и второй изъ нихъ былъ принятъ подданными католическихъ королей, находившимися въ оппозиціи со своими правительствами, откуда — болѣе свободное отношеніе реформатства къ политикѣ и развитіе въ немъ идеи народовластія, вообще, можно сказать, опредѣляющее роль кальвинизма въ политической исторіи новаго времени.

Легисты, отстаивавшіе въ средніе вѣка свѣтскую власть отъ папскихъ притязаній, первые стали учить о ея происхожденіи путемъ перенесенія на государей верховнаго права, принадлежащаго народу, и на ту же точку зрѣнія сталъ въ XIV в. Марсилій Падуанскій. Это ученіе было усвоено кальвинистами, перенесшими въ политическую сферу тѣ принципы общественнаго самоуправленія, которые лежали въ основѣ ихъ церковной организаціи и особенно ясно выразились въ устройствѣ шотландской пресвитеріанской церкви. Если Лютеръ допускалъ лишь пассивное сопротивленіе власти, требующей противнаго закону Божію, то Кальвинъ разрѣшалъ и активное сопротивленіе, лишь бы оно исходило отъ государственныхъ чиновъ. Понятно, какъ это было на руку сословно-представительнымъ учрежденіямъ, находившимся въ оппозиціи къ королевской власти, и вотъ въ эпоху политической борьбы во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Шотландіи развивается у кальвинистовъ цѣлая политическая литература, исходящая изъ идеи передачи народомъ власти королямъ подъ извѣстными условіями, въ случаѣ несоблюденія которыхъ правители могутъ быть и низложены. Это ученіе о договорѣ между государемъ и народомъ и о расторжимости договора представителями народа (т.-е. высшихъ сословій), будучи по существу своему ученіемъ новымъ, соотвѣтствовало, однако, и договорнымъ нача-

ламъ средневѣковыхъ конституцій, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ правомъ сопротивленія въ случаѣ нарушенія хартіи. Тѣ же идеи были усвоены англійскими пуританами (пресвитеріанами-кальвинистами и индепендентами) во время борьбы парламента съ королевскою властью въ XVII в.: и въ Англіи эта борьба создала цѣлую политическую литературу, въ которой защищались идеи народовластія и идея индивидуальной свободы въ областяхъ вѣры и мысли, поставленной даже выше верховныхъ правъ народа. Весь духъ политическаго протестантизма, развившагося на англійской почвѣ, выразился въ крайне индивидуалистическомъ политическомъ трактатѣ Локка, написанномъ въ оправданіе передачи народомъ власти Вильгельму III, вмѣсто Іакова II, нарушившаго права націи (какъ весь духъ безусловной государственности, отрицавшей личное начало, воплотился около того же времени въ ученіи Гоббза), идея же политической и религіозной свободы сдѣлалась, какъ мы скоро увидимъ, одною изъ главныхъ идей просвѣтительной философіи XVIII вѣка.

VII. Культурная и политическая реакція.

1. Историческія движенія и реакціи. — 2. Происхожденіе католической реакціи.—3. Ея характеръ.—4. Ея культурныя и политическія слѣдствія.—5. Ея связь съ реакціей политическою.

1. Историческое развитіе никогда не совершается съ правильностью, возможною лишь при равномѣрномъ и постоянномъ взаимодѣйствіи немногихъ силъ и всегда при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: историческія условія

въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время не одни и тѣ же; силъ, участвующихъ въ исторіи, — разлагая притомъ культурно-соціальныя силы на индивидуальныя, а индивидуальныя на единичныя мысли и единичные мотивы поступковъ, — несчетное множество, и между ними возможно безконечное количество комбинацій; дѣйствіе этихъ силъ неравномѣрно, а ихъ комбинаціи весьма измѣнчивы, — и вотъ поэтому историческое движеніе никогда не можетъ происходить съ правильностью, какую мы наблюдаемъ, напр., въ движеніи планетъ и ихъ спутниковъ. По той же причинѣ нельзя формулировать общіе для всѣхъ странъ и народовъ законы хода исторіи, хотя порожденіе одного факта другимъ, какъ слѣдствія своею причиною, и переходъ одной формы въ другую, какъ связь двухъ разныхъ стадій въ развитіи одной и той же вещи, совершаются закономѣрно (причемъ дѣйствующіе здѣсь законы, поддающіеся формулировкѣ, будутъ законами психологіи и соціологіи). Психологически и соціологически мы можемъ себѣ объяснить, почему въ исторической жизни за эпохами движенія впередъ начинаются такъ называемыя реакціи, но еслибы мы даже формулировали эти объясненія въ видѣ опредѣленныхъ и точныхъ законовъ, послѣдніе были бы законами психологическими и соціологическими, а не историческими, — въ качествѣ своего рода способовъ объяснять всѣ факты данной категоріи, а не въ смыслѣ выводовъ изъ опредѣленныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ извѣстной странѣ и въ извѣстное время. Психологически и соціологически мы въ правѣ объяснять возможность и необходимость движеній впередъ и реакцій, разъ будутъ даны такія-то и такія-то условія, но вывести опредѣленное движеніе или опредѣленную реакцію, бывшія только одинъ разъ, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, изъ данныхъ

уже условій, тоже разъ только существовавшихъ въ извѣстной комбинаціи, возможно лишь исторически и вдобавокъ еще такъ, что формула, которая получится, будетъ отнюдь не общимъ закономъ, имѣющимъ раціональныя основанія, какъ причины въ логикѣ, въ математикѣ, въ механикѣ и т. п., всюду и всегда поэтому приложимымъ, но единичнымъ эмпирическимъ обобщеніемъ, относящимся только къ извѣстной совокупности фактовъ. Но и для такихъ эмпирическихъ обобщеній нужны общія теоріи. Къ сожалѣнію, научной теоріи историческихъ движеній и реакцій еще нѣтъ въ историко-философской литературѣ.

Между тѣмъ отправныя точки зрѣнія возможной теоріи просты. Точка зрѣнія психологическая: реакція можетъ произойти въ духовной жизни одной личности, разъ данный индивидуумъ, подчинившійся какому-либо направленію, или разочаровывается въ надеждахъ, какія на него возлагалъ, и потому отворачивается отъ этого направленія и даже ему измѣняетъ, или замѣчаетъ, что изъ этого направленія происходятъ непредвидѣнныя послѣдствія, для него, самого этого человѣка, непріятныя и нежелательныя, и потому становится прямо во враждебное отношеніе къ тому, что раньше самъ же защищалъ. Для объясненія реакцій первый случай имѣетъ свое значеніе, являясь основаніемъ для того, чтобы движеніе потеряло прежнюю силу, второй же есть лишь частный случай болѣе общаго правила, а именно того, что въ жизни вообще, т.-е. въ индивидуальной ли жизни, или въ жизни общественной, существуютъ противоположныя стремленія и интересы, приходящіе въ столкновеніе между собою. Въ индивидуальной жизни одинъ мотивъ можетъ заставить человѣка идти по извѣстной дорогѣ впередъ, но разъ человѣкъ замѣчаетъ, что новая дорога приводитъ его туда, куда онъ вовсе не желалъ бы по-

пасть по другому мотиву, и разъ этотъ другой мотивъ оказывается болѣе сильнымъ, человѣкъ поворачиваетъ назадъ. Соціологическая точка зрѣнія: когда цѣлыя общественныя группы вступаютъ на извѣстную историческую дорогу, онѣ имѣютъ въ виду опредѣленную цѣль, и всякій неуспѣхъ на пути ея достиженія ослабляетъ движеніе, дѣлая его участниковъ менѣе увѣренными и энергичными, заставляя многихъ изъ нихъ отставать и т. п., а съ другой стороны, и цѣлыя группы могутъ отступать назадъ, замѣчая, что движеніе, казавшееся имъ совершенно безопаснымъ, клонится къ нарушенію ихъ интересовъ. Особенно же съ соціологической точки зрѣнія важно то, что отдѣльныя группы лицъ въ обществѣ и сами отдѣльныя лица имѣютъ разные традиціи и интересы, а между тѣмъ всякое новое движеніе задѣваетъ чьи-либо традиціи и интересы, вызывая тѣмъ самымъ съ ихъ стороны оппозицію консервативнаго свойства. Консервативные элементы общества могутъ быть застигнуты врасплохъ новымъ движеніемъ, а потому имъ очень часто приходится ждать, пока движеніе не ослабѣетъ вслѣдствіе частныхъ неудачъ или общаго разочарованія, пока отъ него не отстанутъ и не примкнутъ къ консервативнымъ элементамъ люди, сами попятившіеся назадъ, пока сами они, эти консервативные элементы, не оправятся отъ пораженія, не соберутъ своихъ силъ и не организуются для борьбы за возстановленіе старины. Такіе, болѣе или менѣе для нихъ благопріятные моменты рано или поздно наступаютъ, тѣмъ болѣе, что во всякой борьбѣ побѣда и пораженіе зависятъ нерѣдко и отъ причинъ второстепенныхъ. Еще одинъ психологическій и соціологическій законъ: полнаго разрыва съ прошлымъ никогда не бываетъ ни въ индивидуальной, ни въ общественной жизни; черты и признаки стараго всегда будутъ

внесены въ то новое, которое создаютъ люди, и эти черты и признаки, помимо воли и сознанія этихъ людей, нерѣдко приводятъ ихъ самихъ какъ-разъ къ тому, противъ чего они протестовали. Особенно это случается съ людьми, переходящими отъ гоненій и угнетенія, которымъ раньше подвергались, къ власти, какъ это случалось нерѣдко и съ религіозными реформаторами, и съ политическими революціонерами.

Съ объективной точки зрѣнія всѣ движенія впередъ прогрессивны, всѣ реакціи—регрессивны, и въ общемъ это можетъ быть названо вѣрнымъ относительно всего историческаго прогресса, ибо историческія движенія стремятся осуществить лучшія культурно-соціальныя формы, а идеаломъ реакцій является возвращеніе къ формамъ менѣе совершеннымъ, но въ частности развитіе совсѣмъ новыхъ явленій, неблагопріятныхъ для личнаго и общественнаго благополучія, можетъ имѣть регрессивный характеръ, и тогда реакція лучшаго стараго получаетъ благодѣтельное значеніе,—случаи, конечно, рѣдкіе, частные и второстепенные. Въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и къ прогрессу всегда, какъ его спутники, присоединяются явленія, оказывающіяся въ той или другой мѣрѣ вредными для самого прогресса. Съ другой стороны, очень часто мѣстныя и временныя явленія подобнаго рода заслоняютъ отъ взоровъ людей то благое и къ благу ведущее, универсальное и непреходящее начало жизни, которое отрицается реакціей, когда послѣдняя не только вытекаетъ изъ извѣстныхъ условій мѣста и времени или оправдывается необходимостью данной минуты и даннаго положенія (какъ это было, напр., въ дѣятельности Кромвеля), но возводитъ себя въ принципъ мысли и жизни. Такая именно реакція и началась въ серединѣ XVI в., чтобы поставить на карту все, что было достигнуто пре-

дыдущимъ культурнымъ развитіемъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все историческое будущее Западной Европы.

2. Двумя силами, которыя начали дѣйствовать въ этомъ направленіи, были католическая церковь (отъ которой нерѣдко не отставали и реакціонные элементы протестантизма) и королевскій абсолютизмъ, когда послѣдній, какъ то было при Филиппѣ II Испанскомъ, при императорахъ Фердинандѣ II и Фердинандѣ III или при Людовикѣ XIV, искажалъ самую идею государства, пока въ серединѣ XVIII вѣка абсолютизмъ не подчиняется новому культурному и прогрессивному началу „просвѣщенія“, тѣмъ самымъ порывая свои связи съ реакціей XVI и XVII вѣковъ. Въ настоящей главѣ мы остановимся главнымъ образомъ на культурной сторонѣ реакціи и на ея значеніи для реакціи политической, чтобы разсмотрѣть послѣднюю самоё по себѣ въ иной связи.

Задержкѣ реформаціоннаго движенія въ Германіи весьма много содѣйствовало не только разочарованіе однихъ послѣ того, какъ реформація не оправдала всѣхъ возлагавшихся на нее надеждъ, но и опасенія другихъ, когда движеніе стало выходить за тѣ границы, которыя ему хотѣли поставить какъ самъ реформаторъ, такъ и свѣтскія власти и высшіе классы общества, сначала безусловно съ сочувствіемъ относившіеся къ дѣлу Лютера. Можно прослѣдить на исторіи двадцатыхъ годовъ XVI в., какъ народные безпорядки въ Виттенбергѣ, появленіе анабаптистовъ, зарожденіе антитринитаризма, рыцарское возстаніе и крестьянская война возбудили въ самомъ Лютерѣ реакціонныя стремленія по отношенію къ собственному своему дѣлу и заставили многихъ князей съ недовѣріемъ отнестись къ той самой реформаціи, на которую они смотрѣли сначала благосклонно. Политическая опасность, боязнь смутъ въ государствѣ, являлась

вообще для нѣкоторыхъ государей первой половины XVI в. главнымъ аргументомъ противъ протестантизма, и потому они на первыхъ же порахъ реформаціи стали преслѣдовать „еретиковъ“. Въ данномъ отношеніи не было разницы между отношеніемъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ протестантскихъ правительствъ къ анабаптистамъ, и католическихъ князей и кантоновъ къ самимъ протестантамъ. Дѣло въ томъ, что реакціонныя стремленія обнаружились и въ самомъ протестантскомъ лагерѣ, среди богослововъ, боявшихся, что свобода изслѣдованія приведетъ къ ереси, и среди государей и имущихъ классовъ, опасавшихся политическихъ смутъ и демократическихъ движеній. Богословскими спорами, первоначальною неразработанностью своихъ ученій, появленіемъ сектантства и т. п. реформація оттолкнула отъ себя многіе умы и удержала ихъ за католицизмомъ, гдѣ все было ясно и опредѣленно, и въ этомъ отношеніи тридентскій соборъ, окончательно уложившій католическія богословскія ученія въ стройную систему, особенно сильно содѣйствовалъ тому, чтобы удержать въ лонѣ старой церкви всѣхъ, искавшихъ чего-либо прочнаго и незыблемаго въ дѣлахъ вѣры. Въ свою очередь, вѣроисповѣдныя распри протестантовъ (лютеранъ, цвингліанъ, кальвинистовъ, а въ Польшѣ и антитринитаріевъ), помимо того, что дискредитировали новое религіозное ученіе, вдобавокъ ослабляли его еще передъ общимъ врагомъ, какимъ для нихъ всѣхъ былъ католицизмъ. Все это подготовляло почву для реакціи. Паденіе политическихъ и соціальныхъ движеній въ Германіи и въ нѣмецкой Швейцаріи,—движеній, связанныхъ съ лютеранствомъ, цвингліанствомъ и анабаптизмомъ,—сильно ослабляло только-что организовавшійся протестантизмъ, и онъ прямо не могъ бы получить особенно большого общеевропейскаго значенія,

еслибы въ то самое время, какъ организовалась католическая реакція, дѣло новаго религіознаго ученія не было спасено кальвинизмомъ съ его болѣе космополитическимъ, чѣмъ у нѣмецкаго лютеранства или цвингліанства, характеромъ, съ его суровымъ и воинственнымъ фанатизмомъ, съ его политическими стремленіями.

Католицизмъ, до того расшатавшійся къ началу XVI в., что, будучи застигнутъ врасплохъ, на первыхъ порахъ оказался безсильнымъ потушить пожаръ религіознаго движенія въ самомъ его началѣ, обладалъ еще большими силами для борьбы. У него была вѣковая организація, которую можно было направить къ единой цѣли, и эта организація требовала только того, чтобы папство поняло свои настоящіе интересы, чтобы духовенство и монашество морализировались и дисциплинировались, и чтобы для новыхъ задачъ созданы были новыя средства, какъ это уже не разъ дѣлалось католическою церковью. Вся бѣда была именно въ томъ, что высшія духовныя лица мало заботились о традиціонныхъ интересахъ церкви въ погонѣ за властью, за наживой и за удовольствіями, а старые органы, которыми церковь прежде держала свѣтское общество въ умственной и нравственной зависимости, стояли ниже своей задачи и по духу времени, и въ виду новыхъ обстоятельствъ. За католическою церковью оставались еще цѣлыя націи, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не были затронуты движеніемъ, оставались народныя массы въ странахъ, гдѣ движеніе коснулось только верховъ общества, оставались, наконецъ, правительства этихъ націй и странъ, видѣвшія въ союзѣ съ католицизмомъ лучшую гарантію прочности и незыблемости установленнаго порядка. Пока собственныя силы церкви дѣйствовали вяло, нерѣшительно, безъ ясно сознанной цѣли, для католицизма, какъ общеевропейской

организаціи, не приносили никакой пользы ни вѣрность ему народныхъ массъ въ цѣлой половинѣ Западной Европы, впослѣдствіи обнаружившихъ въ борьбѣ за старую церковь безграничный фанатизмъ, ни реакціонное настроеніе правительствъ, которыя потомъ, однако, соединились же въ одинъ большой международный союзъ для борьбы съ врагами церкви.

3. Чтобы начать съ успѣхомъ противодѣйствіе протестантизму, католическая церковь сама должна была реформироваться, и это дѣло было сдѣлано тридентскимъ соборомъ, такъ что за реформаціями протестантской и сектантской послѣдовала, можно сказать, третья церковная реформація XVI в.—католическая. Оставаясь вполнѣ вѣрною традиціоннымъ догматамъ, легальная реформа церкви, произведенная соборомъ, могла осуществить идею либеральнаго католицизма эпохи великихъ соборовъ XV в. и вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ, гдѣ было можно, сдѣлать уступки духу времени, что̀ сблизило бы оба исповѣданія, и могла, наоборотъ, противопоставить какъ идеѣ соборной реформы предыдущаго столѣтія, такъ и современнымъ стремленіямъ, выразившимся въ протестантизмѣ, нѣчто діаметрально противоположное. Изъ этихъ двухъ путей соборъ выбралъ второй, т.-е. прямо путь крайне реакціонный, и въ этомъ отношеніи на его постановленія оказалъ вліяніе вновь основанный орденъ іезуитовъ. Возстановленный католицизмъ уже не былъ ни католицизмомъ средневѣковымъ, ни католицизмомъ временъ „порчи“ церкви: отъ послѣдняго онъ отличался своей жизненностью, а отъ перваго—новымъ политическимъ пріемомъ. Старые церковные громы, посредствомъ которыхъ средневѣковое папство приводило въ трепетъ народы, стали выходить изъ употребленія, и вмѣсто того, чтобы господствовать, властно повелѣвая, новая католи-

ческая церковь избрала иной путь—господствовать посредствомъ педагогіи и дипломатіи, дрессируя изъ свѣтскаго юношества людей, какіе ей были нужны; потакая даже ихъ слабостямъ, если изъ снисходительнаго отношеніямъ къ этимъ слабостямъ можно было извлечь пользу для церкви; вступая въ сдѣлки съ сильными міра, хотя бы при этомъ кое-чѣмъ нужно было поступаться; подлаживаясь подъ мѣстные или сословные традиціи, стремленія, вкусы и предразсудки, причемъ,—гдѣ было нужно, конечно,—пускались въ ходъ и чисто репрессивныя мѣры въ родѣ истребленія опасныхъ книгъ и людей посредствомъ цензуры и инквизиціи, послужившихъ прототипами для аналогичныхъ свѣтскихъ учрежденій во многихъ государствахъ, въ которыхъ репрессивныя мѣры вообще были въ большомъ ходу (не исключая Англіи XVII в., гдѣ звѣздная палата и верховная коммиссія служили тиранническимъ стремленіямъ Стюартовъ).

Новый духъ, которымъ отличался реакціонный католицизмъ, возрожденный тридентскимъ соборомъ, вполнѣ выразился въ іезуитизмѣ. Іезуитизмъ—синонимъ реакціи, которая, не пренебрегая репрессіей, дѣйствовала главнымъ образомъ на умъ, на сердце, на волю людей, искусно воспитывая ихъ и направляя туда, куда было нужно въ интересахъ церкви, какъ организаціи, безусловно призванной господствовать надъ личностью, надъ обществомъ и надъ государствомъ. Знаменитый орденъ былъ громадною международною организаціею, поставившею своею цѣлью укрѣпить католическую церковь внутри, подчинить свѣтскую власть духовной, а общество клиру, объединить всѣ католическія націи и государства для борьбы съ общимъ врагомъ, ослабить протестантизмъ, сѣя раздоры между его представителями, возвра-

тить по возможности побольше отпавшихъ въ лоно римской церкви и пріобрѣсти для нея новыхъ чадъ внѣ стараго католическаго міра. Въ умственной сферѣ іезуиты содѣйствовали возрожденію средневѣковой схоластики, заимствовавъ у гуманистическаго классицизма только чисто формальныя его стороны и превративъ логическую и познавательную дѣятельность ума въ софистику и казуистику, которыя не въ состояніи дать мысли способность самостоятельнаго сужденія; въ сферѣ же политической они явились защитниками теократическихъ началъ, ради чего, когда нужно было, становились на точку зрѣнія народовластія, оправдывая ею даже цареубійство, если того требовалъ своеобразно понятый интересъ вѣры,—и вмѣстѣ съ этимъ переносили въ политику принципы маккіавелизма, разъ всѣ средства были одинаково пригодны, лишь бы достигнута была главная цѣль — величіе католической церкви. Основателями и организаторами ордена были испанцы и португальцы. Въ Испаніи, гдѣ только въ концѣ XV в. прекратилась національно-религіозная борьба съ мусульманами-маврами, католицизмъ еще не утратилъ старой своей силы надъ умами и всей мощи воинствующей церкви, не заразившись еще пороками, которые въ другихъ мѣстахъ привели старую церковь къ паденію. Но Испанія могла поставить только цѣль для начавшейся реакціи, требовавшей для своего успѣха новыхъ средствъ, и послѣдними церковь была обязана главнымъ образомъ Италіи съ ея умственнымъ превосходствомъ, но моральнымъ и политическимъ упадкомъ, такъ какъ именно отсюда, изъ Италіи, іезуитизмъ заимствовалъ пріемы педагогической дрессировки, индифферентной къ истинѣ софистики, безнравственной казуистики, оппортунистической политики и беззастѣнчивой въ выборѣ средствъ дипломатіи. Бла-

годаря дѣятельности іезуитовъ, культурная и политическая реакція соединилась съ общественной деморализаціей. Въ качествѣ воспитателей, преподавателей, проповѣдниковъ, публицистовъ и особенно въ качествѣ духовниковъ іезуиты пріобрѣли большое вліяніе надъ совѣстью и всѣмъ моральнымъ міросозерцаніемъ отдѣльныхъ лицъ (особенно правителей и государственныхъ дѣятелей), разныхъ общественныхъ классовъ (преимущественно высшихъ сословій) и даже цѣлыхъ націй. Въ морали они отказались отъ аскетическихъ требованій, признавъ, что противъ человѣческой природы идти трудно, но вмѣстѣ съ тѣмъ открывъ, что и слабости человѣческія—отъ самыхъ невинныхъ стремленій до крайнихъ пороковъ—могутъ быть полезны для церкви. Мораль іезуитскаго духовника была самая легкая, самая удобная и привлекала къ себѣ людей, боявшихся кары за грѣхъ, но не имѣвшихъ силы отстать отъ грѣха, потому что тутъ всегда являлся на помощь покладистый духовникъ со своею софистикой и казуистикой. Потакая эгоизму и приноровляясь къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго, іезуитизмъ тѣмъ не менѣе былъ далекъ отъ того, чтобы развивать въ человѣкѣ личность, хотя бы себялюбивую и дурно приспособленную къ требованіямъ общежитія: напротивъ, ихъ мораль, какъ и ихъ педагогика, и ихъ дипломатія, ставила своею цѣлью убить въ человѣкѣ высшія проявленія личнаго начала, а для этого лучшимъ средствомъ было, конечно, заглушить въ личности голосъ собственной совѣсти, подчинивъ ее руководительству ордена, опутавъ ее хитросплетеніями казуистики, обезсиливъ ее постоянными потаканіями дурнымъ наклонностямъ, мелкимъ порокамъ и слабоволію. Вся моральная „порча“ католической церкви, противъ которой раздавался протестъ лучшихъ людей XIV—

XVI вв., можно сказать, была систематизирована и какъ бы возведена въ принципъ іезуитизмомъ. Если одною изъ сторонъ гуманизма было исканіе новой морали, которая не была бы необходимо аскетическою, какъ того требовали средніе вѣка, а напр., соотвѣтствовала бы древнему стоицизму, и если исходнымъ пунктомъ религіознаго движенія XVI в. былъ прямо моральный протестъ, и въ самомъ этомъ движеніи чувствуется элементъ этическаго ригоризма, родственнаго именно стоицизму, то все это лишь свидѣтельствуетъ намъ, что въ обществѣ было извѣстное стремленіе къ моральному возрожденію, но іезуитизмъ дѣйствовалъ какъ-разъ въ направленіи діаметрально-противоположномъ, потому что моральное возрожденіе общества возможно бываетъ лишь тогда, когда личная мысль и личная совѣсть,—хотя бы временно заблуждаясь и сразу не находя искомаго,—вступаютъ на самостоятельные пути, а это, съ точки зрѣнія католической реакціи, было опасно и для интересовъ церкви, и для самихъ людей.

Слѣдствіями католической реакціи не нужно считать только тѣ, которыя она имѣла по отношенію къ реформаціи. Пора совсѣмъ оставить этотъ взглядъ, который прежде всего былъ подсказанъ протестантскими историками реформаціи, смотрѣвшими на всю новую исторію со своей конфессіональной точки зрѣнія. Собственно говоря, весь духъ новаго времени, поскольку онъ воплощался въ стремленіяхъ личности, общества и государства къ самоопредѣленію, поскольку одни и тѣ же начала дѣйствовали и въ протестантизмѣ, и въ гуманизмѣ, поскольку, наконецъ, совершившееся личное развитіе ставило передъ индивидуализмомъ новыя задачи въ области научнаго, нравственнаго и общественнаго міросозерцанія,—весь духъ новаго времени встрѣтилъ

помѣху и противодѣйствіе въ католической реакціи и въ іезуитизмѣ, возведшемъ эту реакцію въ принципъ. Она имѣла притомъ не одно культурное, но и соціально-политическое значеніе, такъ какъ пошла на помощь ко всѣмъ реакціоннымъ стремленіямъ въ обществѣ и въ государствѣ, вступила въ союзъ со всѣми реакціонными въ нихъ элементами и заставила ихъ служить своимъ цѣлямъ посредствомъ подавленія религіозной, умственной, общественной и политической свободы. Торжество новыхъ культурныхъ и политическихъ принциповъ въ XVIII в. ранѣе всего выразилось въ уничтоженіи ордена іезуитовъ, но едва только во второмъ десятилѣтіи XIX в. началась реакція противъ „узурпаторской“ имперіи Наполеона I, противъ французской революціи, противъ просвѣщеннаго абсолютизма, противъ философіи XVIII в. и вообще противъ всего духа новаго времени для возстановленія средневѣковыхъ формъ мысли и жизни, орденъ іезуитовъ опять былъ возстановленъ, призванъ къ дѣятельности. Хотя реакціонныя явленія происходили и въ самомъ протестантизмѣ, въ которомъ тоже вѣдь возрождались схоластика, формализмъ, нетерпимость, клерикализмъ и др. подобнаго рода унаслѣдованныя отъ католицизма явленія,—культурная реакція въ протестантскихъ странахъ не заходила такъ далеко, какъ въ католическихъ, что бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ взглядѣ на исторію католическихъ и протестантскихъ народовъ въ XVI—XVIII вѣкахъ. Особенно въ этомъ отношеніи поучительны факты, представляемые исторіей такихъ странъ, какъ католическія области Германіи, Италія, Испанія съ Португаліей и Польша. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ вполнѣ развились протестантскія культурныя и политическія начала,—а это произошло въ XVII в. въ Голландіи и въ

Англіи,—сдѣланы были и особые успѣхи на пути прогресса, и если въ XVII столѣтіи Голландія и Англія уже представляли собою противоположность странамъ, гдѣ восторжествовали принципы католической реакціи, то въ XVIII в. остальная Европа была многимъ обязана этимъ двумъ государствамъ, какъ сохранившимъ отъ гибели прогрессивныя теченія новой исторіи и развившія ихъ далѣе. Въ эпоху, когда умственная дѣятельность научнаго характера была еще такъ слаба, въ этомъ заключалось все спасеніе европейской цивилизаціи.

Наконецъ, говоря о католической реакціи, нельзя не напомнить о цѣломъ столѣтіи внутреннихъ и международныхъ войнъ, вызванныхъ стремленіемъ подавить новое религіозное движеніе и уничтожить его результаты, т.-е. весь протестантизмъ и отдѣльныя церкви, на которыя онъ раздѣлился. Эти войны сильно повредили духовной и матеріальной культурѣ тѣми разореніями, которымъ подвергались отдѣльныя области и страны. На службѣ у католической реакціи обезсилили себя политически и цѣлыя большія государства. Политическое ничтожество, въ какое впали когда-то могущественная Испанія и Польша, объясняется тѣмъ, что въ обѣихъ странахъ подъ вліяніемъ іезуитовъ и вообще вслѣдствіе реакціи заглохла культурная жизнь, и какъ въ одной королевскій деспотизмъ, такъ въ другой шляхетская анархія находили поддержку со стороны духовенства, поскольку съ этимъ деспотизмомъ и съ этой анархіей были связаны интересы католицизма. Каковы бы ни были недостатки протестантизма, онъ не требовалъ у народовъ и у государствъ пожертвованія національными и политическими интересами интересамъ церкви, противопоставившей себя, какъ самодовлѣющее цѣлое, живымъ силамъ народовъ и отдѣльныхъ личностей.

5. Общимъ слѣдствіемъ реакціи было временное торжество въ жизни Западной Европы нѣкотораго отвлеченнаго начала, которое должно было безусловно господствовать надъ личностью и надъ обществомъ въ ихъ религіозныхъ, умственныхъ, моральныхъ, соціальныхъ и національныхъ стремленіяхъ и интересахъ и которому поэтому все должно было повиноваться, служить, приносить себя въ жертву, отдавая себя всецѣло во власть тѣхъ людей, которые представляли собою это начало, т.-е. отказываясь отъ всѣхъ своихъ правъ и всѣ права надъ собою передавая представителямъ единаго всепоглощающаго цѣлаго. Цѣлью католической реакціи было воплотить эту отвлеченную идею въ римской церкви, сдѣлавъ изъ папства, какъ верховнаго представителя католицизма, высшую силу на землѣ, передъ которою всѣ безправны, но которая сама не должна знать никакихъ предѣловъ и ограниченій своей власти. Въ этомъ-то и заключалась величайшая реакція со стороны всего того, что было въ старомъ быту враждебнаго личному, соціальному, политическому и національному самоопредѣленію, и реакція именно противъ всего того, что создавалъ индивидуализмъ новаго времени. Но не въ одномъ реакціонномъ католицизмѣ находило свое воплощеніе это начало. Право на то, чтобы быть такимъ цѣлымъ оспаривалось у церкви государствомъ, которое въ лицѣ тогдашнихъ монарховъ, министровъ, нарождавшейся бюрократіи и нѣкоторыхъ публицистовъ, такъ сказать, пожелало сдѣлаться на землѣ всѣмъ и для отдѣльныхъ лицъ, и для всѣхъ классовъ общества, и для цѣлыхъ націй, поглотивъ въ себѣ или подчинивъ себѣ даже самоё церковь. Политическая реакція противъ всего, что въ личной, общественной и національной жизни казалось нарушеніемъ правъ и интересовъ государства, шла рука

объ руку съ реакціей религіозной. Въ протестантскихъ странахъ, гдѣ церковь была чисто государственнымъ учрежденіемъ, обѣ реакціи обыкновенно сливались воедино, что особенно характеризуетъ политику Стюартовъ въ Англіи; потому, быть можетъ, и тяготѣвшую въ концѣ концовъ къ католицизму; въ странахъ же католическихъ устанавливалась извѣстная солидарность алтаря и трона, въ силу которой споры между духовною и свѣтскою властями сдѣлались явленіями рѣдкими и исключительными, вплоть до разрыва государства съ католической реакціей въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. Если когда и осуществлялась средневѣковая теорія о томъ, что церковь призвана властвовать надъ душами, а государство—управлять тѣлами людей, то это было именно въ эпоху наибольшаго торжества католической реакціи, т.-е. съ середины XVI до середины XVIII вѣка: общая реакціонная идея объединяла церковную и государственную политику въ одно цѣлое съ полюбовнымъ раздѣленіемъ сферъ вѣдѣнія между духовною и свѣтскою властями.

Государство новаго времени, если можно такъ выразиться, копировало заразъ и средневѣковую католическую церковь, въ свою очередь многое унаслѣдовавшую изъ древней Римской имперіи, и античное государство, возрождавшееся въ теоріяхъ легистовъ и гуманистовъ, особенно Макіавелли, учениками котораго были болѣе или менѣе всѣ государственные дѣятели XVI вѣка, а противниками защитники политической свободы. Въ числѣ усердныхъ читателей Макіавелли находился и Карлъ V, первый крупный государь новаго времени, всю жизнь свою посвятившій служенію отвлеченной государственной идеѣ, подававшій примѣръ другимъ монархамъ и завѣщавшій свою политику Филиппу II. Послѣдній сдѣлался главнымъ представителемъ католицизма и абсолютизма

во второй половинѣ XVI вѣка. Въ большей части случаевъ съ окраскою вѣроисповѣдною, хотя мѣстами отъ нея и отрѣшаясь, но лишь на время (напр., при Ришелье во Франціи), новая политика въ XVII вѣкѣ нашла немало представителей. Имъ былъ, напр., одинъ изъ героевъ тридцатилѣтней войны, Максимиліанъ Баварскій, подчинившій свое княжество вмѣстѣ съ іезуитской реакціей порядкамъ полицейскаго государства съ мелочнымъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь; имъ былъ кардиналъ Ришелье, „Политическое завѣщаніе“ и вся политика котораго даютъ право называть его величайшимъ государственникомъ своей эпохи; тѣмъ же былъ и младшій его современникъ Гоббзъ, развившій идею неограниченной государственности въ цѣлую политическую теорію. Идея и практика абсолютнаго государства не были ни исключительно монархическими, ни исключительно католическими (вспомнимъ женевскіе порядки при Кальвинѣ, бывшіе чѣмъ-то въ родѣ полицейскаго государства), но соединялись онѣ обыкновенно — до начала эпохи просвѣщеннаго абсолютизма—съ католическимъ ученіемъ о божественности королевской власти. Вся вторая половина XVII и начало XVIII в. носятъ въ исторіи названіе „вѣка Людовика XIV“ по имени самаго замѣчательнаго представителя этого соединенія религіозной реакціи съ политическою: послѣднюю онъ довелъ до того, что превратилъ Францію изъ европейской монархіи, въ подобіе азіатской деспотіи, полная теорія которой какъ бы формулировалась въ собственныхъ заявленіяхъ этого французскаго короля. Международная политика Людовика XIV, какъ и политика Филиппа II въ XVI в., вытекала изъ стремленія доставить торжество абсолютизму и реакціонному католицизму во всей Западной Европѣ, но оба раза реакція встрѣтила отпоръ въ сво-

бодныхъ протестантскихъ государствахъ, въ Англіи и въ Голландіи, что придаетъ особенно важное значеніе второй англійской революціи, нанесшей страшный ударъ всей международной политикѣ Людовика XIV.

Культурная и политическая реакція достигла на западѣ Европы къ концу XVII вѣка своего апогея. Людовику XIV подражали почти всѣ современные ему западные государи, не исключая и нѣмецкихъ имперскихъ князей. Вездѣ вводилась въ жизнь одна и таже система, бывшая какъ бы послѣднимъ словомъ культурной и политической реакціи противъ всѣхъ движеній новаго времени, гдѣ только личность въ томъ или другомъ отношеніи отстаивала свои права: эта система именно и заключалась въ подавленіи всѣхъ индивидуальныхъ правъ и въ поддержкѣ всего того, что не могло своими собственными силами держаться противъ историческаго движенія, источникомъ котораго было развивающееся личное и общественное сознаніе. Лишь сравнительною слабостью этого сознанія и разрозненностью общественныхъ силъ мы и можемъ объяснить себѣ побѣду реакціонныхъ началъ надъ первымъ великимъ историческимъ движеніемъ новаго времени. Результаты реакціи кристализовались въ тѣхъ государственныхъ и общественныхъ порядкахъ, которымъ французская политическая исторіографія дала названіе „ancien régime“, но не пропали даромъ и результаты новаго движенія: въ Голландіи и въ Англіи свободная мысль и свободная жизнь нашли вѣрный пріютъ, и здѣсь (особенно въ Англіи) впервые формулировались на основахъ гуманизма и реформаціи философскія идеи XVIII в., ставшія въ рѣзко оппозиціонное отношеніе къ реакціи и къ порядкамъ, которые она создала и поддерживала.

VIII. Старые государственные и общественные порядки.

1. Результаты историческаго движенія XIV—XVII вв. въ области идей и учрежденій. — 2. Сущность старыхъ порядковъ. — 3. Политическій строй и внутренняя политика. — 4. Общественный строй.— 5. Личная и общественная свобода.

1. Для каждой страны въ отдѣльности результаты историческаго движенія, совершившагося съ конца крестовыхъ походовъ, были различные, но какова бы ни была задача этого движенія въ исторіи того или другого народа, пріобрѣтавшееся однимъ отнюдь не пропадало для будущности и другихъ. Гуманизмъ, играющій такую важную роль въ развитіи всей новой цивилизаціи, не принесъ непосредственной пользы той самой Италіи, въ которой развился столь блестящимъ образомъ, — не спасъ ее отъ княжескаго деспотизма, иноземнаго ига и католической реакціи, — да и въ другихъ странахъ, гдѣ онъ сталъ играть роль культурнаго фактора, онъ не удержалъ своей позиціи и долженъ былъ уступить первое мѣсто религіознымъ движеніямъ протестантизма, сектантства и католической реакціи, нанесшимъ сильный ударъ гуманистической секуляризаціи мысли и знанія, личной и общественной жизни и политики. Сама реформація, впервые возникшая въ Германіи, не принесла этой странѣ всего того, чего отъ нея ждала и на что надѣялась нѣмецкая нація по отношенію къ національному единству и независимости отъ куріи, къ политической свободѣ и лучшимъ общественнымъ порядкамъ, къ умственному развитію и матеріальному благосостоянію, въ чемъ виноваты были отчасти односторонній характеръ нѣмецкаго протестантизма, но еще болѣе католическая

реакція и вызванная ею большая религіозная война въ первой половинѣ XVII в. Германія съ двадцатыхъ годовъ XVI в. весьма многое потеряла, не пріобрѣвши ничего взамѣнъ. Италія и Германія находились къ концу XVII в. въ положительномъ проигрышѣ, хотя въ нихъ раньше всего и съ особою силою проявились оба великія историческія движенія новаго времени. Италія и католическая часть Германіи, равно какъ Испанія, Португалія и Польша, страдали отъ католической реакціи, убивавшей въ нихъ свободную духовную жизнь, а протестантская половина Германіи страдала отъ реакціонныхъ началъ, возобладавшихъ въ самомъ ея протестантизмѣ, отъ чего, впрочемъ, не были свободны ни Шотландія, ни Швеція. Изъ протестантскихъ странъ наиболѣе избѣжали культурныхъ опасностей, возможность которыхъ заключалась въ самой же реформаціи, Голландія и Англія, хотя имъ пришлось для этого выдержать тяжкую внутреннюю и внѣшнюю борьбу. Въ эпоху повсемѣстнаго торжества культурной и политической реакціи, сопровождавшейся матеріальнымъ разореніемъ, обѣ эти страны довели свою образованность до весьма высокаго уровня, развили у себя значительную политическую и умственную свободу и достигли большого матеріальнаго благосостоянія, сдѣлавшись вдобавокъ убѣжищемъ всѣхъ гонимыхъ въ другихъ странахъ и пріютомъ свободной политической литературы. Можно поэтому сказать, что внѣшніе результаты новаго историческаго движенія въ его гуманистическомъ и протестантскомъ проявленіяхъ при переходѣ изъ XVII вѣка въ XVIII столѣтіе существовали преимущественно въ Голландіи и въ Англіи. Изъ послѣдней страны вѣдь и вышло то культурное движеніе, съ которымъ связаны названія „просвѣщенія“ и „философіи XVIII вѣка“. Если, однако, въ XVIII сто-

лѣтіи во главѣ новаго культурнаго движенія стала Франція, литература которой получила универсальное значеніе, то это лишь доказываетъ, что несмотря на совершившуюся и здѣсь католическую и абсолютистическую реакцію, нація эта сохраняла способность къ дальнѣйшему прогрессу при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи Франція была счастливѣе другихъ католическихъ націй и абсолютныхъ монархій Западной Европы. Принимая во вниманіе, что нигдѣ въ XVIII в. не было такъ экономически развито среднее сословіе, какъ въ Голландіи, въ Англіи и во Франціи, и что новое культурное движеніе во Франціи было особенно популярно именно въ этомъ сословіи, мы не можемъ не поставить въ связь оба эти факта и не увидѣть какъ-разъ въ развитіи матеріальнаго благосостоянія промышленной и торговой буржуазій въ названныхъ странахъ той матеріальной основы, которая обезпечивала возможность процвѣтанія въ этихъ странахъ не одной только придворно-аристократической литературы въ духѣ французскаго классицизма Людовика XIV. Обогащенію среднихъ классовъ общества много содѣйствовала между прочимъ политика меркантилизма, главными организаторами которой почти одновременно были въ Англіи Кромвель, а во Франціи Кольберъ. Между тѣмъ французская буржуазія не играла той роли въ обществѣ, какая соотвѣтствовала ея зажиточности и просвѣщенности и какую уже игралъ тотъ же общественный классъ въ Голландіи и въ Англіи, и отсюда происходитъ постепенное развитіе оппозиціоннаго духа во французскомъ „третьемъ сословіи“, начавшемъ проникаться новыми идеями.

Между Франціей, съ одной стороны, и Англіей съ Голландіей, съ другой, — въ XVII и XVIII вѣкахъ вы-

работалось глубокое различіе: одна была образцовою для другихъ континентальныхъ народовъ страною культурной и политической несвободы, и „вѣкъ Людовика XIV“, задавшаго тонъ другимъ королямъ и князьямъ, былъ апогеемъ католической реакціи и абсолютизма, тогда какъ, наоборотъ, въ Голландіи и особенно въ Англіи, благодаря главнымъ образомъ второй ея революціи, въ которой парламентъ и протестантизмъ восторжествовали надъ попыткою абсолютизма и реакціи, развились начала свободы, какъ въ области мысли и совѣсти, такъ и въ области общественныхъ и политическихъ отношеній. Эти-то начала и были главными результатами прогрессивнаго историческаго движенія предыдущихъ столѣтій, отчасти, правда, какъ мы видѣли, въ себѣ самомъ заключавшаго нѣкоторыя искаженія и уклоненія, но главнымъ образомъ задержаннаго католической реакціей и „вѣкомъ Людовика XIV“. Возведенныя въ принципъ, эти начала вступили въ борьбу съ реакціонными порядками, разрушеніе которыхъ позднѣе совершалось и сверху (просвѣщенный абсосютизмъ), и снизу (революція) — по различнымъ, конечно, побужденіямъ и съ различными цѣлями, а также и съ неодинаковымъ исходомъ въ разныхъ странахъ. Мы и прослѣдимъ далѣе исторію второго культурнаго и соціально-политическаго движенія на западѣ Европы, зародившагося въ XVIII вѣкѣ и перешедшаго въ XIX столѣтіе. Но прежде намъ нужно познакомиться съ тѣми отношеніями духовной и общественной жизни, противъ которыхъ направилось новѣйшее историческое теченіе, оказавшее громадное вліяніе на всю исторію XIX вѣка.

2. Мы уже не разъ видѣли, что, подавляя феодальную аристократію и католическое духовенство, какъ политическія силы, королевская власть оставляла за обоими

ихъ соціальныя привилегіи. Въ новое время феодальная аристократія, сохраняя всѣ унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ преимущества, превратилась мало-по-малу въ придворную знать, раболѣпную и вмѣстѣ съ тѣмъ своекорыстную, пользовавшуюся своею близостью къ королевской власти для поддержки сословныхъ своихъ интересовъ. Короли, которые привлекали феодальную аристократію къ своимъ дворамъ, имѣя въ виду ослабленіе ея политическаго значенія въ странѣ, сами, однако, не могли не подпасть подъ вліяніе придворной атмосферы и потому начали смотрѣть на все глазами сословія, къ которому даже причисляли себя самихъ, искажая такой своей политикой основную идею монархіи. Соединеніе соціальныхъ привилегій феодальнаго преисхожденія съ королевскимъ абсолютизмомъ новаго времени и составляетъ основную черту „стараго порядка“ (ancien régime). Аналогичное явленіе наблюдается и по отношенію къ духовенству, такъ какъ подчиняя его себѣ политически, короли, сами подчинявшіеся культурной реакціи, — католическаго или протестантскаго характера, все равно, — поддерживали всею своею силою какъ исключительное господство духовенства надъ свѣтскимъ обществомъ въ умственной жизни послѣдняго, такъ и соціальныя привилегіи клира, гдѣ ихъ не тронула религіозная реформація XVI в. Государственная власть до такой степени срослась съ извѣстными конфессіональными традиціями, что не допускала иновѣрія среди своихъ подданныхъ. Еще въ XVI и началѣ XVII столѣтія французскіе и австрійскіе государи давали грамоты, которыми обезпечивали за своими протестантскими подданными извѣстныя религіозныя права, въ то самое время, какъ въ Испаніи и въ Италіи истреблены были всѣ протестанты, но послѣ общаго усиленія реакціи, особенно во времена тридцатилѣтней войны и

уничтоженія во Франціи нантскаго эдикта, и тѣ страны, гдѣ раньше существовала свобода протестантскаго культа, пошли по стопамъ Испаніи и Италіи: Австріи, и Франціи пришлось ждать самаго конца XVIII в., чтобы возвратиться къ политикѣ вѣротерпимости. Тѣ же явленія мы наблюдаемъ въ конституціонной Англіи, гдѣ только вторая революція утвердила вѣротерпимость, несмотря на то, что test-act все еще ограничивалъ права диссидентовъ по отношенію къ государственной и общественной службѣ. Польша въ XVIII в. сдѣлалась даже прямо классической страною религіозной нетерпимости. Строго конфессіональный характеръ католическихъ государствъ особенно поддерживался іезуитами, которые стали дѣлаться воспитателями наслѣдныхъ принцевъ и духовниками самихъ королей, а это, конечно, не могло не отзываться на внутренней политикѣ такихъ государей. Придворное и іезуитское вліяніе—вотъ та атмосфера, которою были окружены очень многіе представители государственной власти. Вслѣдствіе этого ихъ кругозоръ съуживался, и они были неспособны на такую внутреннюю политику, какой требовали не только духовные и матеріальные интересы народа, но и болѣе односторонне понимаемые интересы казны. Во второй половинѣ XVIII в., когда почти повсемѣстно государство начинало эмансипироваться отъ придворно-клерикальныхъ вліяній, французская монархія остается типической страной „стараго порядка“ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ ней закрѣпленъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ Людовикомъ XIV. Вообще это было время застоя въ законодательной дѣятельности преобразовательнаго характера, а когда реформы начинались по почину самой власти въ виду прямой государственной необходимости или во имя болѣе высокаго пониманія какъ задачъ государства и обязан-

ностей монарха, такъ и правъ народа, преобразовательныя попытки реформъ встрѣчали противъ себя оппозицію со стороны консервативныхъ элементовъ общества, которые были при этомъ даже непрочь протестовать противъ самаго принципа абсолютизма во имя старыхъ сословно-представительныхъ учрежденій. Послѣднее именно мы наблюдаемъ, напр., не только въ Бельгіи и Венгріи, гдѣ эти учрежденія еще сохранялись, но и въ самой Франціи передъ революціей, когда духовенство и дворянство, уже давно сожалѣвшія объ утратѣ политическихъ правъ, особенно симпатизировали либерально-аристократическому характеру политической теоріи Монтескье.

Во всѣхъ странахъ, къ которымъ примѣнимо понятіе ancien régime, сохранялись еще крѣпостное состояніе сельскаго населенія или феодальныя надъ нимъ права дворянства. Аристократическія сословія, т.-е. дворянство и землевладѣльческое духовенство особенно дорожили своею властью надъ крестьянствомъ, и тамъ, гдѣ королевскій абсолютизмъ не сдерживалъ поползновеній землевладѣльческой аристократіи къ безграничноху расширенію этой своей власти надъ крестьянами (одно время въ Даніи, а въ Польшѣ до самаго конца), народу не откуда было даже ожидать помощи, хотя бы даже въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

3. Преобладающимъ политическимъ принципомъ разсматриваемыхъ порядковъ былъ королевскій абсолютизмъ. Онъ утвердился въ Испаніи, въ Португаліи, въ государствахъ Италіи, во Франціи, въ Австріи, въ Пруссіи-Бранденбургѣ, въ Даніи и въ нѣмецкихъ княжествахъ, а въ концѣ XVIII в. и въ Швеціи, гдѣ ему пришлось долго бороться съ аристократическо-республиканскимъ режимомъ въ родѣ того, какой существовалъ въ польской

Рѣчи Посполитой. (Замѣтимъ, что и вообще старыя республики, составлявшія исключительную форму правленія, были аристократическія, хотя бы даже роль господствующаго сословія въ нихъ играла не феодальная и землевладѣльческая аристократія, а купеческая буржуазія). Во всѣхъ этихъ монархіяхъ законодательство находилось въ личномъ завѣдованіи самихъ королей или временщиковъ, такъ какъ для этой важной дѣятельности государства совсѣмъ не существовало спеціальныхъ учрежденій, хотя бы и вполнѣ зависимыхъ отъ монархической власти. Законодательное значеніе сословно-представительныхъ учрежденій пало, потому что или вообще прекратилось ихъ созываніе, или, продолжая созываться, они перестали играть роль, за исключеніемъ лишь немногихъ государствъ въ родѣ Швеціи, Польши и Англіи, причемъ опять-таки лишь въ одной Англіи представительство функціонировало правильнымъ образомъ. Въ управленіи господствовала бюрократическая централизація, устранявшая отъ всякаго участія въ немъ мѣстныя силы, такъ какъ общиннаго и областнаго самоуправленія или совсѣмъ не было, или оно влачило самое жалкое существованіе. Права администраціи были безграничны, и она вмѣшивалась рѣшительно во всѣ дѣла частной и общественной жизни, осуществляя идеалъ такъ-называемаго „полицейскаго государства“, въ которомъ крайнее стѣсненіе свободы происходило не въ силу закона, хотя бы и очень тяжелаго, а иногда просто по усмотрѣнію высшаго и даже низшаго начальства. Судебная власть была подчинена администраціи, что лишало судей независимости въ произнесеніи приговоровъ, не говоря уже о дурномъ законодательствѣ и плохомъ составѣ судейскаго персонала; тамъ же, гдѣ юстиція пользовалась самостоятельностью, она получала характеръ сословной привилегіи и отправлялась въ чисто

средневѣковыхъ формахъ, какъ это можно сказать о французской наслѣдственной магистратурѣ. Государственное хозяйство въ громадномъ большинствѣ случаевъ велось плохо (кромѣ, напр., Пруссіи): правильные бюджеты были неизвѣстны; сборъ налоговъ часто отдавался на откупъ частнымъ предпринимателямъ; сами налоги были распредѣлены крайне неравномѣрно (съ разными аристократическими изъятіями), слишкомъ тяжело ложились на населеніе, не соотвѣтствуя его платежнымъ силамъ, и взыскивались, наконецъ, съ большою суровостью.

Во внѣшней политикѣ послѣ прекращенія религіозныхъ войнъ большую роль играли чисто династическіе интересы, а интересы національные сводились преимущественно къ пріобрѣтенію отъ другихъ странъ торговыхъ выгодъ, что вполнѣ соотвѣтствовало господствовавшей тогда системѣ меркантилизма. Экономическая политика стараго режима въ согласіи съ общимъ его духомъ направлялась почти исключительно соображеніями о казенныхъ выгодахъ, каковы бы ни были слѣдствія, вытекавшія изъ правительственныхъ мѣропріятій для народной массы, которая вѣдь и разсматривалась главнымъ образомъ въ смыслѣ платежной силы. Эта политика, выгодная для торгово-промышленныхъ классовъ,— въ Голландіи и Англіи даже и направлявшихъ дѣятельность государства въ этомъ смыслѣ по собственному почину,— весьма тяжело отзывалась на благосостояніи массъ, которыя сами по себѣ не были главною цѣлью правительственныхъ заботъ. Послѣднія сводились преимущественно къ усиленію арміи и флота, необходимыхъ для поддержки національной независимости, и къ покровительству промышленности и торговли, обогащающихъ казну, но это покровительство соединялось съ самой мелочной регламентаціей фабрикъ и заводовъ,

имѣвшей притомъ въ виду отнюдь не интересы рабочаго класса, а опять-таки то, что считалось интересомъ національнаго производства, главнѣе же всего — самой казны. Сельскому хозяйству, наоборотъ, не оказывалось должнаго покровительства, и оно находилось въ упадкѣ.

При этомъ режимѣ абсолютизмъ достигъ крайнихъ предѣловъ, такъ какъ послѣ заявленій Людовика XIV и современниковъ, ему вторившихъ, идти далѣе было некуда. Особа короля дѣлалась центромъ національной жизни, а вся эта жизнь — лишь пьедесталомъ королевской славы. Король прославлялъ себя побѣдоносными войнами и расширеніемъ государственной территоріи, блескомъ и роскошью двора, поглощавшими громадныя суммы, и покровительствомъ искусствамъ, литературѣ и наукѣ, которыя сами должны были служить лишь украшеніемъ трона. Тамъ, гдѣ существовало, какъ въ Пруссіи, болѣе высокое представленіе объ обязанностяхъ монарха, какъ слуги государства, и порядки управленія были лучше, такъ что Пруссія сдѣлалась даже образцомъ для подражанія у многихъ преобразователей XVIII в., хотя и здѣсь въ сущности оставались неприкосновенными основныя черты стараго режима.

При всемъ развитіи — и даже во многихъ отношеніяхъ одностороннемъ развитіи — государственнаго начала, въ политическомъ быту Западной Европы XVIII в. оставалось еще немало феодальныхъ чертъ, и особенно это можно сказать о Германіи, бывшей федераціей трехъ съ половиною сотенъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ феодаловъ (съ вольными городами), не считая еще полуторы тысячи почти суверенныхъ имперскихъ рыцарей.

4. Въ старомъ режимѣ въ полной почти неприкосновенности сохранялся, далѣе, аристократическій строй общества, какъ онъ сложился къ концу среднихъ вѣ-

ковъ. Феодальное дворянство, а съ нимъ и высшее духовенство въ католическихъ странахъ были главными и даже почти исключительными землевладѣльческими сословіями, такъ какъ другія сословія или прямо закономъ были исключены (какъ въ Польшѣ) изъ права владѣть землею, или фактически не могли ею владѣть, или же, наконецъ, пользовались (какъ напр., во Франціи) лишь формами условной феодальной собственности въ зависимости отъ духовенства и дворянства, платя имъ за это оброки и пошлины и подвергаясь разнымъ ограниченіямъ въ своемъ правѣ свободнаго распоряженія (тогда какъ въ Англіи, наприм., уже совсѣмъ изчезло это аграрное отношеніе еще въ серединѣ XVII в.). Крупное землевладѣніе соединялось еще съ существованіемъ крѣпостного состоянія, въ каковомъ находилась сельская масса цѣлыхъ большихъ государствъ (Германіи съ Австріей и Пруссіей, Даніи, Польши и др.) или нѣкоторая часть крестьянства (какъ во Франціи), причемъ любопытно, что въ послѣднемъ случаѣ крѣпостничество лучше всего сохранялось въ церковныхъ имѣніяхъ. Дворянство и духовенство, пользовавшееся еще десятиной, извлекали изъ своихъ земель, феодальныхъ правъ и крѣпостничества большіе доходы, которые даже еще произвольно увеличивали сами, заставляя, наприм., крестьянъ работать на барщинѣ по шести дней въ недѣлю. Тамъ, гдѣ уже зарождалось крупное хозяйство,—пользуясь своими правами или простою безнаказанностью, землевладѣльческое сословіе обезземеливало крестьянъ, вслѣдствіе чего начиналъ развиваться сельскій пролетаріатъ. Во Франціи сельское населеніе рѣзко дѣлилось на laboureurs (самостоятельныхъ хозяевъ, т.-е. собственниковъ и мелкихъ арендаторовъ, бо́льшею частью половниковъ) и manoeuvres (батраковъ), а въ Англіи къ концу XVIII в.

и все крестьянство было уже почти совершенно обезземелено. Послѣдняго явленія мы почти не наблюдаемъ въ странахъ крѣпостного права, гдѣ сохранялась, хотя и несвободная связь земледѣльца съ обрабатываемою имъ почвой. Вся тяжесть государственныхъ налоговъ лежала, кромѣ того, на сельской массѣ, и, наконецъ, государство оставляло въ рукахъ господъ вотчинную полицію и юстицію даже по отношенію къ лично свободнымъ крестьянамъ. Господство дворянства надъ сельскимъ населеніемъ и крѣпостная зависимость послѣдняго отъ перваго лишь дополняли общую систему властованія, положенную въ основу государственнаго и общественнаго быта съ полнымъ отрицаніемъ правъ личности за громаднымъ большинствомъ населенія.

Между аристократіей и сельской массой помѣщалось городское населеніе. Не имѣя привилегій духовенства и дворянства, оно не было въ то же время и столь безправнымъ, какъ крестьянство. Вмѣстѣ съ аристократическими классами оно участвовало въ сословно-представительныхъ (государственныхъ и областныхъ) сеймахъ, гдѣ они, конечно, сохранились. Высшій слой городского населенія составляли промышленно-торговая буржуазія и люди либеральныхъ профессій, включая и чиновниковъ (такъ какъ государственная служба сама по себѣ на Западѣ не давала правъ дворянства). Буржуазія успѣла сдѣлаться значительною экономическою силою, благодаря развитію промышленности и торговли, откуповъ и казенныхъ поставокъ, и начала уже скупать, гдѣ это дозволялось закономъ, дворянскія земли, брать на откупъ феодальныя права, арендовать большія помѣстья, заниматься крупнымъ хозяйствомъ. Въ Голландіи и въ Англіи, гдѣ буржуазія играла уже роль въ генеральныхъ штатахъ и въ парламентѣ, она пользовалась своимъ поло-

женіемъ въ государствѣ, чтобы направлять его политику въ исключительныхъ интересахъ промышленности и торговли, что сдѣлалось даже программою политической партіи виговъ въ Англіи. И во Франціи, гдѣ стремленія буржуазіи сталкивались съ сословными привилегіями духовенства и дворянства, меркантилистическое направленіе экономической политики, жертвовавшей индустріальнымъ и коммерческимъ интересамъ интересами сельскаго хозяйства и выгодамъ предпринимателей правами рабочаго класса, сильно содѣйствовало обогащенію буржуазіи. Изъ этого же класса общества преимущественно выходили люди либеральныхъ профессій, ученые, писатели, профессора, преподаватели, врачи, аптекаря, судьи, адвокаты, нотаріусы, чиновники и т. п., составлявшіе главнымъ образомъ интеллигенцію страны.— Что касается до цехового быта, то онъ, какъ мы раньше видѣли, разрушался извнѣ и разлагался внутри, причемъ государство новаго времени приложило и къ этому свою руку, поощряя крупное производство, создавая внутри цеховъ привилегіи и продавая за деньги званіе мастера.

5. О личной и общественной свободѣ намъ при старомъ порядкѣ не придется долго говорить. Крѣпостничество было отрицаніемъ самыхъ элементарныхъ правъ личности, а сословность всего соціальнаго строя ставила права личности въ зависимость отъ происхожденія. Всѣ свои права человѣкъ пріобрѣталъ отъ сословной организаціи и отъ государства. Мѣщанинъ могъ сдѣлаться дворяниномъ, но не по праву (напр., не въ силу выслуги), а исключительно по королевской милости. Послѣдняя могла дать ремесленнику званіе мастера безъ экзамена и даже безъ знанія даннаго ремесла. Авторскаго права во Франціи не существовало: писатель могъ пользоваться исключительнымъ правомъ собственности на свое произ-

веденіе лишь въ силу привилегіи отъ короля. Личность ничѣмъ не была гарантирована отъ административнаго произвола, и лишь въ Англіи habeas-corpus-act конца XVII в. вполнѣ осуществилъ принципъ личной неприкосновенности, провозглашенный еще великой хартіей XIII в. Формы судопроизводства равнымъ образомъ не давали личности обезпеченія, и съ обвиняемымъ поступали, какъ съ преступникомъ, не признавая въ послѣднемъ уже никакихъ правъ: произвольные аресты, жестокія пытки, разнаго вида смертная казнь были самыми обычными пріемами уголовной юстиціи. Въ религіозныхъ дѣлахъ мы видимъ то же самое: иновѣрное богослуженіе запрещалось, а въ католическихъ странахъ не допускалось и самое иновѣріе; въ самой Франціи послѣ уничтоженія нантскаго эдикта законъ не признавалъ оффиціальнаго существованія протестантовъ; ихъ лишали гражданскихъ и политическихъ правъ, а иновѣрное духовенство подвергалось преслѣдованіямъ. Свѣтскія и духовныя власти (во Франціи парламенты и Сорбонна) зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы мысль не преступала оффиціально установленныхъ границъ, и печать (начавшая уже освобождаться въ Англіи) была страшно стѣснена весьма разнообразными видами цензуры, дѣйствовавшей совершенно произвольно, такъ какъ и въ этой области не существовало прочныхъ законовъ и опредѣленныхъ правилъ.

IX. Характеристика просвѣщенія XVIII в.

1. Происхожденіе просвѣщенія XVIII в.—2. Его культурныя идеи.—3. Отношеніе философіи XVIII в. къ народу.—4. Сущность политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ ученій XVIII в.

1. Въ предшествовавшемъ историческомъ движеніи XIV—XVI вв., задержанномъ, но окончательно не остановленномъ реакціей XVII столѣтія, сильны были принципы индивидуальной свободы и общественнаго равенства. Гуманисты явились поборниками умственной свободы и противниками наслѣдственныхъ привилегій, а стремленіе къ свободѣ и равенству въ эпоху реформаціи привело даже къ крайнимъ требованіямъ, выразившимся въ нѣкоторыхъ формахъ сектантства. Государственные и общественные порядки XVIII в. составляли полное отрицаніе этихъ принциповъ, а потому неминуемо должны были подвергнуться критикѣ съ ихъ точки зрѣнія при новомъ пробужденіи личнаго самосознанія. Послѣднее произошло сильнѣе всего въ среднемъ сословіи, въ томъ самомъ среднемъ сословіи, изъ котораго раньше вышла и бо́льшая часть гуманистовъ. Это, впрочемъ, и понятно. Среднее сословіе не только само не пользовалось наиболѣе важными соціальными привилегіями, но и тяготилось тѣми, которыя принадлежали духовенству и дворянству, а потому имѣло, конечно, интересъ дѣйствовать какъ противъ самыхъ привилегій, такъ и противъ поддерживавшей ихъ государственной системы. Состоя, далѣе, изъ зажиточной буржуазіи и людей либеральныхъ профессій, среднее сословіе обладало капиталами, профессіональными и науч-

ными знаніями, общими идеями, духовными стемленіями и не могло удовлетворяться ни своимъ приниженнымъ положеніемъ въ обществѣ и государствѣ, ни тою придворно-аристократическою культурою, высшимъ продуктомъ которой былъ французскій классицизмъ „вѣка Людовика XIV“. Въ то самое время, какъ въ народныхъ массахъ всѣ высшіе инстинкты человѣка подавлялись безъисходною нищетой и безпроглядным невѣжествомъ, интеллигентные и буржуазные „разночинцы“, къ которымъ примыкали также мелкое дворянство, низшее духовенство и второстепенное чиновничество, пользуясь извѣстнымъ благосостояніемъ или не терпя, по крайней мѣрѣ, нужды, и имѣя большее или меньшее образованіе, составляли изъ себя классъ, не отдѣлявшій рѣзко своихъ интересовъ отъ интересовъ народа, поскольку послѣдній страдалъ отъ всѣхъ господствовавшихъ тогда порядковъ. Ранѣе всего произошла эманципація интеллигентной буржуазіи въ Англіи, и каковы бы ни были ея соціальныя стремленія на экономической почвѣ, въ культурной и политической сферѣ она проявляла либеральныя стремленія. Здѣсь на рубежѣ XVII и XVIII вв. развилась умственная жизнь, сильно повліявшая въ XVIII в. на Францію, гдѣ уже въ концѣ XVII столѣтія начиналась оппозиція противъ системы Людовика XIV, отразившаяся на развитіи заграничной французской литературы протестующаго характера. Новыя идеи встрѣчены были во Франціи съ большимъ сочувствіемъ обществомъ, въ которомъ дворянство начинало все болѣе и болѣе уступать мѣсто „разночинцамъ“, и скоро овладѣли интеллигенціей, выставившей цѣлую рать литературныхъ бойцовъ за права человѣка. Французская литература тогда пріобрѣла значеніе великой международной культурной силы, овладѣвъ вниманіемъ просвѣщен-

ныхъ людей всѣхъ европейскихъ націй безъ различія общественныхъ положеній, начиная съ могущественныхъ монарховъ и кончая образованными людьми самыхъ скромныхъ состояній. Между тѣмъ, какъ французская философія, ратуя за права человѣка, не забывала, что каждый человѣкъ есть въ то же время гражданинъ, параллельно съ нею развивалась и нѣмецкая просвѣтительная литература XVIII в., которая, не отличаясь соціально-политическимъ характеромъ французской, равнымъ образомъ представляла изъ себя проповѣдь человѣчности и правъ личности на свободу. Впрочемъ, и на нѣмецкую литературу французская оказала большое вліяніе, но какъ бы велико оно ни было, и какъ бы въ свою очередь ни было значительно вліяніе англійской на ту и на другую (въ особенности на французскую), духовныя стремленія, выразившіяся въ этихъ трехъ литературахъ и въ космополитическомъ распространеніи французскихъ идей, были результатомъ развитія личнаго и общественнаго самосознанія, несмотря на всѣ задержки и препятствія, какія оно встрѣчало для себя съ самаго начала католической реакціи. Литературное вліяніе одной націи на другую лишь помогало этому духовному процессу, въ которомъ возобновились прерванныя реакціей движенія гуманизма и реформаціи.

Просвѣщеніе XVIII в. въ самомъ дѣлѣ по своему свѣтскому характеру было какъ бы продолженіемъ гуманизма, ослабленнаго и даже почти исчезнувшаго въ эпоху религіозныхъ реформаціи и реакціи, но продолженіемъ уже видоизмѣненнымъ и осложненнымъ. Отъ эпохи Возрожденія все еще оставались традиціи скептическаго раціонализма и изученія классической литературы, какъ главнаго образовательнаго средства, но лишь XVII вѣкъ былъ эпохой, когда Западная Европа

получила уже свою самостоятельную философію, направлявшуюся, между прочимъ, и на вопросы права, и весьма уже развитое естествознаніе, приносившее съ собою возможность новаго міросозерцанія. Свѣтское умственное развитіе научнаго характера не прерывалось на западѣ Европы съ самаго зарожденія гуманизма: въ эпоху богословскихъ споровъ, вѣроисповѣдныхъ раздоровъ и религіозныхъ войнъ оно только замкнулось въ кабинеты ученыхъ, чтобы впослѣдствіи выйти на болѣе широкую историческую арену и снова овладѣть общественнымъ вниманіемъ и настроеніемъ, опять и на этотъ разъ съ защитою правъ личности, но уже съ новыми средствами аргументаціи, сдѣлавшимися возможными, благодаря новому философскому и научному развитію, съ большею моральною силою и убѣжденностью и, наконецъ, съ болѣе общественнымъ содержаніемъ, чѣмъ въ эпоху Возрожденія. Послѣдними своими двумя особенностями „просвѣщеніе“ XVIII в., было обязано успѣхамъ моральнаго и соціальнаго сознанія личности, между прочимъ подъ вліяніемъ реформаціи XVI в., которая была сама вызвана нравственнымъ протестомъ совѣсти и способствовала развитію принциповъ религіозной и политической свободы. Въ исторіи англійской религіозно-философской литературы второй полозины XVII в. и начала XVIII столѣтія даже прямо можно наблюдать, какъ изъ культурнаго и политическаго движенія съ религіозною (протестантскою и сектантскою) окраскою выростала просвѣтительная философія XVIII в., дававшая естественно-раціоналистическое обоснованіе моральнымъ и политическимъ вопросамъ реформаціонной эпохи. Связь просвѣщенія XVIII в. съ реформаціей видна изъ того, что оно усвоило и защищало принципы религіозной и политической свободы, и что англійскій деизмъ,—пред-

ставители котораго видѣли въ себѣ завершителей религіозной реформаціи и который дѣйствительно возникъ на почвѣ индивидуалистическаго сектантства, — сдѣлался главнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ философовъ XVIII в., если не считать болѣе поздняго, менѣе распространеннаго и бывшаго не столь вліятельнымъ матеріализма.

Вотъ все это и даетъ намъ право видѣть въ „просвѣщеніи“ XVIII в. своего рода синтезъ культурныхъ началъ гуманизма и реформаціи на почвѣ возобновившагося роста личности.

2. Названіе „просвѣщенія“ (Aufklärung, siècle des lumières) хорошо характеризуетъ общій духъ всего этого культурнаго движенія. Оно увидѣло въ невѣжествѣ, въ суевѣріи и въ предразсудкахъ главную причину человѣческихъ бѣдствій и общественныхъ золъ, а въ образованіи, въ философской и научной дѣятельности, въ свободѣ мысли—главное средство культурнаго и соціальнаго прогресса. Самая идея прогресса впервые получила историко-философскую постановку въ XVIII в., давъ вмѣстѣ съ тѣмъ высшую цѣль всѣмъ государственнымъ преобразованіямъ, соціальнымъ измѣненіямъ и умственнымъ пріобрѣтеніемъ,—цѣль общечеловѣческую и всемірно-историческую. Такъ какъ главными врагами умственнаго развитія и духовной свободы явилось реакціонное католическое духовенство, то на католицизмъ и сдѣлано было главное нападеніе со стороны философовъ XVIII в., причемъ исходили они уже изъ иныхъ принциповъ, чѣмъ реформаторы XVI в., тоже въ свое время громившіе римскую церковь, и противопоставляли ей „естественную религію“ деизма. Съ точки зрѣнія новаго направленія государство должно было расторгнуть свой союзъ съ клиромъ, который постоянно враж-

довалъ со свѣтскою властью, и, наоборотъ, заключить союзъ съ философами, дабы сообща работать надъ общимъ благомъ, т.-е. и само государство должно было сдѣлаться просвѣщеннымъ. Это была точка зрѣнія Вольтера, какъ сторонника абсолютизма, умѣряемаго просвѣщеніемъ и терпимостью. Вѣротерпимость, дѣйствительно, была однимъ изъ основныхъ требованій, предъявленныхъ просвѣщеніемъ XVIII в. государству, но, кромѣ того, государство и вообще должно было дать духовную свободу своимъ подданнымъ, свободу мысли, свободу слова, свободу печати. Всѣ эти требованія личной эманципаціи заключаются въ томъ индивидуалистическомъ принципѣ, который лежалъ въ основѣ гуманизма, но только философія XVIII в. сдѣлала изъ него всѣ выводы, заимствовавъ принципіальную защиту отдѣльныхъ правъ личности и изъ передового протестантизма. Всѣ эти права (со свободою печати, защищавшейся въ „Ареопагитикѣ“ Мильтона), провозглашались уже англійскою реформаціей XVII вѣка. Религіозная свобода была именно первымъ видомъ индивидуальной свободы, на который за личностью ранѣе всего было признано естественное, прирожденное и неотъемлемое право политическою философіей передового протестантизма.

Идея естественнаго права личности, права, сообщеннаго ей самимъ Богомъ или даннаго ей природою,— права, принадлежащаго ей по рожденію безотносительно къ общественному ея положенію, вѣроисповѣданію и національности,—права, отъ нея неотъемлемаго и для кого бы то ни было неприкосновеннаго, идея такого права и сдѣлалась одною изъ великихъ культурныхъ идей XVIII в. Въ ней, но уже на почвѣ естественной философіи выразился тотъ идеалъ евангельской свободы, на который ссылались въ средніе вѣка и въ эпоху ре-

формаціи. Если индепенденты доказывали право личности на религіозную свободу тѣмъ, что Христосъ, искупивъ родъ человѣческій, сдѣлался единственнымъ господиномъ надъ совѣстью людей, то философія XVIII в. подчиняла и вообще всю жизнь личности одному естественному закону, созданному самимъ Богомъ и вложенному въ наше сознаніе. Первымъ писателемъ, формулировавшимъ идею безусловной личной свободы на основѣ естественнаго права, былъ Локкъ, родоначальникъ всей просвѣтительной философіи XVIII в., самъ выросшій подъ вліяніемъ религіознаго и политическаго движенія своей родины, Англіи второй половины XVII столѣтія.

Идея естественнаго, существующаго по природѣ вещей, а не по человѣческому установленію, была весьма популярна въ XVIII в., когда вѣрили въ „естественную религію“, основывались на „естественномъ правѣ“, искали „естественнаго порядка“ общественной жизни, когда Руссо противоположилъ гражданскому состоянію свое „состояніе природы“, когда возникла цѣлая школа экономистовъ, давшая своему ученію названіе природовластія, или физіократіи. Предполагаюсь при этомъ, что естественное и разумное—одно и то же, что одна отвлеченная дѣятельность разума можетъ все разрѣшить въ теоріи и на практикѣ, и въ этомъ раціонализмѣ, повидимому, отвергавшемъ все, что должно признаваться на вѣру, заключалась тѣмъ не менѣе вѣра въ силы самого разума, въ его творческія способности, разъ онъ будетъ сообразоваться съ „естественнымъ закономъ“ (не въ смыслѣ словоупотребленія въ современномъ естествознаніи), въ безконечный прогрессъ, осуществляемый разумомъ. Въ этомъ увлеченіи была сильная сторона—вѣра, убѣжденность, моральная мощь, но была сторона

и слабая. Раціоналисты XVIII в. пренебрегали научными методами, основанными на опытѣ и наблюденіи, когда подходили къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ, да и научно-обработаннаго матеріала было мало въ ихъ распоряженіи, а потому разные соціальные и политическіе вопросы стали разрѣшаться метафизически, что повлекло за собою многія ошибки. Впрочемъ, ошибочные выводы и невѣрные пріемы мысли не должны ставиться на дурной счетъ самимъ принципамъ, въ которыхъ выразились наиболѣе высокія стремленія человѣческаго духа къ личному и общественному совершенству. Наконецъ, въ той же философіи XVIII в. было направленіе, въ которомъ общественныя стремленія сочетались съ научнымъ духомъ,—именно, направленіе Дидро, — и былъ писатель (Монтескье), уже примѣнявшій историческій методъ къ изслѣдованію политическихъ проблемъ. Самъ по себѣ раціонализмъ былъ анти-историченъ, и это сильно сказалось какъ на его общей концепціи общества и государства, такъ и на его преувеличенномъ пониманіи роли личности въ исторіи.

Наукѣ должно принадлежать великое значеніе въ жизни, а въ наукѣ—опыту и наблюденію: для общественнаго развитія поэтому особенно важно существованіе научнаго историческаго знанія. Почти всѣми своими успѣхами современная исторіографія и историческій методъ въ наукахъ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ обязаны XIX вѣку, въ XVIII же столѣтіи полагалось лишь начало этому научному развитію, тѣмъ болѣе, что тогдашнія правительства часто стѣсняли занятія наиболѣе важными въ общественномъ смыслѣ историческими вопросами. Раціоналистическій методъ въ политикѣ былъ антиисторичнымъ, и то государство, которое отвлеченно построяла политическая философія XVIII в.,

часто было неосуществимо, но ничто такъ не дѣйствовало разлагающимъ образомъ на воззрѣнія, которыми держались старые порядки, какъ именно раціоналистическая концепція государства. Однако, это было оружіе обоюдоострое, ибо на философіи естественнаго права основывали не только индивидуальную свободу, но и всевластіе государства, какъ мы это видимъ уже въ политической философіи Гоббза, отвергавшаго за личностью какія бы то ни было права и признававшаго за государствомъ даже право рѣшать вопросъ о добрѣ и злѣ въ моральномъ смыслѣ или о религіи, которую должны исповѣдовать его подданные.

Политическая теорія, господствовавшая еще съ середины XVII в., объясняла происхожденіе государства сознательнымъ договоромъ, который будто бы заключаютъ между собою люди, установляя надъ собою верховную власть. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, какими правами поступаются при этомъ люди и кому ввѣряютъ они власть надъ собою. Если Локкъ до-нельзя ограничивалъ власть государства и сохранялъ ее за народомъ, то Гоббзъ, исходившій изъ той же теоріи договорнаго происхожденія государства, наоборотъ, до послѣдней крайности ограничивалъ права подданнымъ и училъ о перенесеніи всей полноты верховной власти на правительство. Такимъ образомъ абсолютныя права государства выводились изъ того же „естественнаго права“, которое служило основой и личной свободѣ. Но въ чьихъ бы интересахъ это право ни толковалось, оно, какъ право, основанное на разумной природѣ вещей, противополагалось праву традиціонному и въ этомъ смыслѣ оказывалось ученіемъ, разрушавшимъ исторически сложившіяся привилегіи сословій, тѣмъ болѣе, что по естественному праву государство должно было служить благу всѣхъ, а не нѣкоторыхъ

только. Если передъ естественнымъ правомъ государства на безусловную власть по ученію Гоббза, возобновленному черезъ сто лѣтъ Жанъ-Жакомъ Руссо, должна была совершенно склониться отдѣльная личность, то передъ тѣмъ же правомъ и передъ общимъ благомъ должны были исчезнуть и всѣ мѣстныя особенности. Изъ отвлеченной идеи государства выводилось требованіе самой крайней централизаціи, и когда во Франціи, въ эпоху революціи, вмѣсто старыхъ провинцій съ ихъ историческими воспоминаніями, вводилось новое административное дѣленіе государства, то въ основу его были положены отвлеченно-математическіе принципы геометрической равновеликости территоріальныхъ дѣленій и ариѳметическаго равенства ихъ населенія. Поскольку историческое право было противъ интересовъ личнаго развитія, такая идея государства не была враждебна индивидуальнымъ правамъ, но въ иныхъ случаяхъ дѣло происходило и наоборотъ, потому что централизація иногда стремилась (въ Австріи при Іосифѣ II) уничтожить и живыя силы національностей не только съ ихъ историческими правами, но и съ ихъ непреходящимъ стремленіемъ къ духовному самоопредѣленію

Философія естественнаго права разрушала въ принципѣ все исторически сложившееся. Во всякомъ случаѣ передъ человѣкомъ она ставила идеалъ, къ которому онъ долженъ былъ стремиться, и то общее XVIII вѣку воззрѣніе, что культурныя и соціальныя формы суть будто бы лишь продукты сознательнаго творчества человѣческой личности, вселяло въ поклонниковъ новой философіи увѣренность, что цѣлесообразною дѣятельностью человѣка (напр., могущественнаго правителя) можно сразу пересоздать всю жизнь на началахъ разума. XIX вѣкъ со своимъ ученіемъ объ органическомъ развитіи культурныхъ

и соціальныхъ формъ измѣнилъ такое преувеличенное понятіе о личныхъ силахъ въ исторіи, но послѣднее сдѣлало свое дѣло, придавъ извѣстную отвагу людямъ XVIII в. и породивъ въ нихъ оптимизмъ надежды на лучшее будущее, которое должно было осуществить идеи истины и справедливости. Это была, нѣкоторымъ образомъ, религія по своему дѣйствію на умы. Въ согласіи съ раціонализмомъ и съ стремленіемъ къ „естественности“ сами религіозныя воззрѣнія принимали въ XVIII в. особый характеръ, лучше всего выразившійся въ деизмѣ съ его различными оттѣнками, разсудочнымъ у Вольтера и сентиментальнымъ у Руссо.

3. Философія личнаго права съ тѣмъ моральнымъ и соціальнымъ оттѣнкомъ, какой ей сообщали популярныя въ XVIII в. идеи человѣчности и народнаго блага, отличалась отъ гуманистическаго индивидуализма тѣмъ, что проникнута была альтруизмомъ и имѣла общественный характеръ. Никогда до того времени литература высшихъ классовъ общества не была столь демократична по своимъ симпатіямъ къ народу, какъ именно литература XVIII в. Правда, при детальномъ ея разсмотрѣніи мы встрѣтимъ въ ней немало диссонансовъ, обнаружимъ у отдѣльныхъ авторовъ весьма плохое знаніе народнаго быта и народныхъ нуждъ, но въ общемъ это не можетъ препятствовать „философіи“ XVIII в называться гуманною, филантропическою, альтруистическою по отношенію къ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ быть признанною за ставившую довольно вѣрно вопросъ о томъ, какъ должны относиться къ народу правительство и интеллигенція. При перевѣсѣ сельскаго населенія надъ городскимъ, при существованіи еще крѣпостничества и феодальныхъ поборовъ съ земли, при страшной нищетѣ крестьянской массы, при дороговизнѣ хлѣба и дурномъ состояніи земледѣлія, съ одной

стороны, а съ другой—при невполнѣ еще совершившемся или обнаружившемся процессѣ нарожденія городского пролетаріата, главнымъ соціальнымъ вопросомъ, требовавшимъ практическаго разрѣшенія, въ XVIII вѣкѣ былъ вопросъ крестьянскій. Какъ бы несовершенно съ современной точки зрѣнія ни ставился этотъ вопросъ въ публицистикѣ той эпохи, когда мы имѣемъ за собою вѣковой опытъ, и наши общественныя идеи ушли впередъ сравнительно съ идеями XVIII в., не слѣдуетъ забывать, что поднятъ былъ этотъ вопросъ именно только тогда впервые, и еще болѣе мы поймемъ значеніе идей XVIII в. въ этомъ вопросѣ, когда сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что доказывалось раньше.

Рабская зависимость крѣпостныхъ крестьянъ не только существовала, какъ фактъ, признававшійся государственными законами, но оправдывалась и теоретически. До XVIII вѣка протесты противъ крѣпостничества были явленіями исключительными, и въ этомъ отношеніи ни гуманизмъ, ни протестантизмъ, ни раціоналистическое сектантство не обращали большого вниманія на положеніе народной массы. Томасъ Моръ въ своей „Утопіи“ прямо даже допускаетъ существованіе рабства, а польскіе антитринитаріи ссылались на Ветхій Завѣтъ для оправданія своихъ рабовладѣльческихъ стремленіи. Только демократическое сектантство и аналогичныя ему движенія (крестьянская война въ Германіи) рѣзко указывали на несовмѣстимость рабства съ евангельской свободой. Юридическая и политическая наука новаго времени начала развиваться подъ сильнымъ вліяніемъ идей римскаго права, и если французскіе легисты XIII вѣка толковали въ пользу личной свободы крестьянъ всѣ сомнительные случаи крѣпостничества, ссылаясь при этомъ на естественное право, идею римскаго происхожденія, то позд-

нѣе въ Германіи дѣло выходило наоборотъ. Юристы XV столѣтія прямо толковали всѣ сомнительные случаи и просто лишь зависимыя отношенія въ прямомъ смыслѣ римскаго рабства, чѣмъ не мало содѣйствовали закрѣпощенію сельской массы. Польская шляхта, называвшая себя народомъ, а свое государство республикой, сравнивала себя съ римлянами и ихъ примѣромъ доказывала законность крѣпостной зависимости крестьянъ. Даже ученая юриспруденція защищала крѣпостничество, выводя его изъ естественнаго права, какъ это въ XVII в. сдѣлалъ Пуффендорфъ, говорившій, что рабство основывается на договорѣ слабаго съ сильнымъ подъ условіемъ, чтобы первый работалъ на второго, а этотъ послѣдній прокармливалъ перваго. Но это не былъ единственный и исключительный случай. Съ своей стороны, и знатоки феодальнаго права (февдисты) стремились исторически доказать законность или исконность дворянскихъ правъ надъ крестьянами. Между прочимъ, юридическія же толкованія поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами содѣйствовали обезземеленію сельской массы, гдѣ оно только происходило. Въ XVIII в., наоборотъ, стали раздаваться голоса въ пользу крестьянской свободы и необходимости отмѣнить феодальныя права, т. е. освободить поземельную собственность отъ оброковъ, пошлинъ и стѣсненій всякаго рода. Только по вопросу о способахъ раскрѣпощенія сельскаго населенія мысль писателей XVIII в. колебалась, и они не рѣшали этого вопроса въ смыслѣ безусловнаго права государства сразу освободить всѣхъ крѣпостныхъ безъ какого бы то ни было денежнаго выкупа ихъ свободы, хотя и такая идея была также высказана въ публицистикѣ XVIII вѣка, и лишь уничтоженіе поземельныхъ феодальныхъ правъ предлагалось совершить посредствомъ выкупа.

Въ смыслѣ, благопріятномъ для свободы лица и земли, высказывалась въ прошломъ вѣкѣ и экономическая школа физіократовъ, выдвигавшая на первый планъ интересы сельскаго хозяйства, но въ экономическомъ отношеніи эта школа стояла за болѣе крупную, фермерскую обработку земли (по образу англійской) наемными рабочими находя ее въ агрономическомъ отношеніи болѣе выгодною, нежели мелкое хозяйство крестьянъ-собственниковъ и половниковъ. Физіократія въ этомъ отношеніи не была ученіемъ, благопріятнымъ для экономической самостоятельности земледѣльческаго класса, но она за это и подвергалась критикѣ, указывавшей на необходимость считаться съ интересами народа. Впрочемъ, если впослѣдствіи изъ экономическихъ интересовъ трудящейся массы выводили требованія относительно переустройства хозяйственнаго быта общества на началахъ равенства, то въ XVIII вѣкѣ всѣ подобныя предложенія исходили большею частью изъ моральныхъ, а не экономическихъ соображеній, когда, напр., всѣ общественныя бѣдствія сводились къ эгоизму, а главный источникъ послѣдняго усматривался въ любостяжаніи, и отсюда дѣлался теоретическій выводъ не въ пользу частной собственности (Мабли).

Нужно, впрочемъ, прибавить, что бѣдность, до какой былъ доведенъ народъ неблагопріятными условіями жизни, вообще сильно занимала умы, и потому на разные лады становился и рѣшался вопросъ объ устраненіи бѣдности, и обязанность сдѣлать это возлагалась теоретически на государство или на общество. Во всякомъ случаѣ впервые общественная философія обратила большее вниманіе на матеріальный бытъ народа только въ XVIII вѣкѣ: въ этомъ дѣлѣ важно было уже одно начало.

4. На характеръ общественной философіи въ ту или

другую эпоху всегда оказываетъ вліяніе господствующій взглядъ на человѣка: чѣмъ выше ставится въ сознаніи природа человѣка, чѣмъ бо́льшая свобода считается необходимою въ обществѣ. Средневѣковой католицизмъ исходилъ изъ одного только представленія о грѣховности людской природы и потому считалъ нужнымъ держать человѣческую личность подъ опекой. Абсолютистическія политическія теоріи Макіавели и Гоббза имѣли своимъ исходнымъ пунктомъ крайне пессимистическій взглядъ на моральныя свойства человѣка и равнымъ образомъ считали нужнымъ постоянное обузданіе его страстей и пороковъ. Само государство, съ этой точки зрѣнія, должно было лишь поддерживать внутренній порядокъ (конечно, защищаясь и извнѣ), и рѣчи не могло быть о томъ, чтобы оно сдѣлалось еще и органомъ человѣческаго совершенствованія. На послѣднюю точку зрѣнія, однако, именно и сталъ XVIII вѣкъ съ его оптимистическимъ отношеніемъ къ человѣчеству. И раньше, всякій разъ, когда человѣческая природа мыслилась, какъ нѣчто совершенное или способное къ совершенствованію, во имя ея высшихъ стремленій требовалась бо́льшая свобода для личности: такъ было и въ XVIII вѣкѣ.

Духовная свобода и матеріальное благосостояніе человѣка были самымъ распространеннымъ требованіемъ, которое представлялось наиболѣе удобнымъ и возможнымъ осуществить при помощи абсолютной государственной власти. Это была точка зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма, и на ней стояли нѣкоторые философы съ Вольтеромъ во главѣ и физіократы (послѣдніе учили о „легальномъ деспотизмѣ“, объ „экономической монархіи“); съ этой точки зрѣнія, которую теоретически развивалъ и Фридрихъ II, абсолютизмъ представлялся отрѣшившимся отъ католической и феодальной окраски, и чисто со-

словный характеръ прежнихъ государственныхъ сеймовъ былъ даже причиною недовѣрія къ ограниченію абсолютной власти. Изъ крупныхъ писателей одинъ лишь Монтескьё былъ сторонникомъ старой сословной монархіи, но и у него она скорѣе должна была походить на англійскую конституцію, теоретикомъ которой, какъ извѣстно, онъ являлся въ своемъ „Духѣ законовъ“. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ идея монархіи принимала демократическій характеръ, было ли то въ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, или въ теоріи д'Аржансона о королевской демократіи, или въ республиканскихъ ученіяхъ Руссо и Мабли, допускавшихъ королевскую власть лишь въ смыслѣ высшей (избирательной или наслѣдственной) магистратуры въ демократическомъ государствѣ.

Въ философіи XVIII в. вообще было сильное стремленіе къ общественному равенству въ смыслѣ уравненія правъ между всѣми гражданами государства: исходя изъ идеи естественнаго права, эта философія не могла быть благопріятной для наслѣдственныхъ привилегій, имѣвшихъ за себя право историческое (за которое, наоборотъ, стоялъ Монтескьё). Расходясь между собою въ вопросахъ политическихъ, и представители просвѣщеннаго абсолютизма, и экономисты-физіократы, и сторонники идеи народовластія были въ соціальномъ смыслѣ защитниками не патриціата, а плебса. Въ послѣднемъ отношеніи весьма любопытно то, что теоретики народнаго верховенства, писавшіе въ XVI и XVII вѣкахъ, подъ народомъ, которому они отдавали въ принципѣ государственную власть, разумѣли лишь высшіе классы съ исключеніемъ изъ народа „черни“; настоящими же предшественниками французскихъ политическихъ писателей того же направленія явились англійскіе левеллеры, у

которыхъ идея народовластія была уже чисто демократической. По представленію физіократовъ, не отдававшихъ народу верховной власти, общество — подобно англійскому—должно было раздѣляться не на сословія, а на экономическіе классы, какъ его и раздѣлилъ въ своемъ „Богатствѣ народовъ“ отецъ новѣйшей политической экономіи, Адамъ Смитъ. Среди энциклопедистовъ, наконецъ, уже высказывалась та мысль, что законодательство должно стремиться къ наибольшей пользѣ наибольшаго числа лицъ.

Въ то самое время, какъ идея просвѣщеннаго абсолютизма была положена въ основу государственной дѣятельности многихъ правительствъ второй половины вѣка, во Франціи началъ преобладать взглядъ на права, которыми пользовалась династія Бурбоновъ, какъ на узурпацію историческихъ правъ, принадлежавшихъ сословіямъ и корпораціямъ (точка зрѣнія Монтескьё), или естественнаго права, принадлежащаго народу (точка зрѣнія Руссо, Мабли, энциклопедистовъ), въ силу чего королевская власть стала даже пониматься исключительно въ смыслѣ исполнительнаго органа, въ какія бы отношенія отдѣльные писатели ни ставили ее къ законодательному праву сословій или народа, и какъ бы ни смотрѣли они на способъ проявленія націей своей всасти, т.-е. посредствомъ ли представительства (Монтескьё, Мабли, Дидро) или непосредственно, какъ то было въ античныхъ демократіяхъ и какъ того въ XVIII в. желалъ Руссо. Во французской политической литературѣ XVIII в. мы встрѣчаемъ теоретическое обоснованіе разныхъ правительственныхъ формъ, противоположныхъ господствовавшему государственному строю, были ли то старая сословная монархія (Монтескьё), или англійская конституція (Монтескьё же), или конституціи шведская (Мабли) и польская (Руссо),

или, наконецъ, античныя республики (Руссо же), и общей идеей, объединяющей всѣ эти теоріи, было участіе самого общества въ государственной жизни. При этомъ необходимо отличать политическія теоріи, въ которыхъ гарантіи индивидуальной свободы выдвигались на первый планъ и „свобода народа не смѣшивалась съ властью народа“ (Монтескьё), и такія, которыя были основаны именно на этомъ смѣшеніи и совершенно жертвовали свободою личности (Руссо), что впослѣдствіи получило важное практическое значеніе.

Индивидуальная свобода защищалась, между прочимъ, и въ экономической области, которая подвергалась при меркантилистической политикѣ самой мелочной регламентаціи. Физіократія была реакціей противъ меркантилизма и проповѣдью свободы промышленности и торговли. Предполагалось, что всякое вмѣшательство государства въ экономическую жизнь нарушаетъ единственно выгодный „естественный порядокъ“ общества, что свободная конкурренція частныхъ интересовъ сама установитъ гармонію общественныхъ интересовъ, что каждый лучше позаботится о своемъ собственномъ благѣ, и что личная инициатива, личная свобода, личный трудъ должны быть освобождены отъ разныхъ ненужныхъ и вредныхъ стѣсненій. Въ физіократической проповѣди было много вѣрнаго, поскольку это ученіе отмѣчало отрицательныя стороны прежней экономической политики, но опытъ XIX вѣка не оправдалъ положительной стороны физіократіи и ставшаго въ данномъ вопросѣ на одну точку зрѣнія съ нею Адама Смита, и XIX столѣтію пришлось сильно переработать политическую экономію, отказавшись отъ теоріи естественной гармоніи всѣхъ интересовъ въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ физіократія со своимъ индивидуалистическимъ принципомъ была выше мерканъ-

тилизма, въ концѣ концовъ имѣвшаго въ виду лишь одни фискальные интересы; только мѣра экономической свободы должна регулироваться общественнымъ интересомъ, дабы свобода и интересъ однихъ не вредили свободѣ и интересу другихъ. Оптимизму XVIII в. суждено было много ошибаться, но онъ возбуждалъ въ обществѣ вѣру въ лучшее будущее и стремленіе къ работѣ ради осуществленія этого будущаго, что было весьма важно послѣ циническаго пессимизма культурной и соціальной реакціи, а что касается увлеченій оптимизма, то они были исправлены послѣдующимъ опытомъ, какъ ни дорого онъ доставался новымъ поколѣніямъ.

X. Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція.

1. Вліяніе Просвѣщенія XVIII в. на государство и общество.—2. Просвѣщенный абсолютизмъ.—3. Вліяніе на континентъ англійской конституціи и американской революціи.—4. Универсальное значеніе французской революціи 1789 г.

1. Умственное движеніе XVIII вѣка не осталось въ области однѣхъ идей: оно перешло и въ область фактовъ. Разсмотрѣніемъ этого процесса во второй половинѣ XVIII в. мы и закончимъ нашъ историко-философскій обзоръ западно-европейскаго культурнаго и соціальнаго развитія съ конца среднихъ вѣковъ до кануна XIX столѣтія.

Фактическія отношенія данной эпохи являются результатомъ эволюціи фактическихъ отношеній эпохи предыдущей. Эта эволюція немыслима безъ человѣческой дѣятельности, такъ какъ сами фактическія отношенія въ обществѣ суть не что иное, какъ постоянныя формы,

какія принимаетъ поведеніе отдѣльныхъ людей въ отношеніи однихъ къ другимъ. Съ другой стороны, самое это поведеніе предполагаетъ хотя бы минимальное участіе въ отдѣльныхъ поступкахъ сознанія людьми своихъ стремленій, правъ и интересовъ. Поэтому естественно складывающійся процессъ измѣненія фактическихъ отношеній не можетъ быть совершенно безсознательнымъ. Чѣмъ выше личное развитіе, тѣмъ болѣе вносится сознанія въ жизнь, на высшихъ же своихъ ступеняхъ сознаніе немыслимо безъ общихъ идей. Послѣднія играютъ по этой причинѣ важную роль въ исторіи, что не исключаетъ могущественнаго дѣйствія и интересовъ. Интересы—сами по себѣ, идеи—сами по себѣ, и между ними возможны самыя разнообразныя взаимоотношенія, такъ какъ чуждыми одни другимъ они оставаться не могутъ, но такъ какъ интересовъ и идей можетъ быть великое множество, то и комбинаціи ихъ должны выходить самыя различныя. Практическія идеи (моральныя, соціальныя, политическія) всегда выростаютъ на почвѣ какихъ-либо и чьихъ-либо интересовъ, и идеи теоретическія даютъ санкцію соотвѣтственнымъ стремленіямъ. Иногда отвлеченная теоретическая мысль (какъ это случалось съ идеей естественнаго права) прилаживается къ тому или другому интересу, но бываетъ и такъ, что идея сама, наоборотъ, вліяетъ на интересъ, или приводя его въ сознаніе и усиливая его дѣйствіе въ культурно-соціальной исторіи, или, напротивъ, подчиняя его какому-либо высшему интересу (матеріальный—духовному, эгоистическій—альтруистическому, личный, сословный, классовой—общественному, національный, вѣроисповѣдный, государственный—общечеловѣческому). Интересъ всегда влечетъ человѣка болѣе къ матеріальному, къ эгоистическому въ личномъ, сословномъ, національномъ и т. п.

смыслахъ, идея же всегда заключаетъ въ себѣ хотя малую долю высшей правды, и чѣмъ болѣе идея господствуетъ въ жизни отдѣльнаго лица и цѣлаго народа, тѣмъ болѣе она проникаетъ въ исторію человѣчества, и тѣмъ высшія культурно-соціальныя формы творитъ эта исторія. Съ этой точки зрѣнія „философскому“ XVIII-му вѣку принадлежитъ великое значеніе во всемірной исторіи, сколько бы ошибочнаго ни было въ его идеяхъ: умственное развитіе исправляетъ собственныя свои ошибки путемъ уясненія самихъ идей и провѣрки ихъ жизненнымъ опытомъ.

Въ XVI в. идеи реформаціи подчинили себѣ многихъ государей и цѣлые народы, и подъ ихъ вліяніемъ и сверху, отъ власти, и снизу, отъ общества, началось историческое движеніе, во многихъ отношеніяхъ измѣнившее культурно-соціальныя формы западно-европейской исторической жизни. То же самое произошло и въ XVIII столѣтіи, когда новыя идеи проявились въ дѣятельности правительствъ и въ стремленіяхъ народовъ: между эпохою религіозной реформаціи, подъ знаменемъ которой совершались также движенія политическія и соціальныя, и эпохою общественныхъ и государственныхъ преобразованій, начавшихся въ серединѣ XVIII в., существуетъ большая аналогія. Въ обоихъ случаяхъ новыми идеями руководятся и государи въ своихъ преобразованіяхъ, и разные общественные классы въ своихъ требованіяхъ, и въ обоихъ же случаяхъ движеніе, сначала побѣдоносное, хотя и встрѣчающее консервативную оппозицію, вызываетъ впослѣдствіи реакцію, которая во второмъ десятилѣтіи XIX в. ставитъ своею цѣлью реставрацію „стараго порядка“ совершенно такъ же, какъ католическая реакція въ сороковыхъ годахъ XVI в.

намѣтила задачу возстановленія прежней мощи католицизма.

Просвѣтительная литература XVIII в. оказала въ самомъ дѣлѣ большое вліяніе на государство и на общество. Монархи или правящіе министры второй половины этого столѣтія прониклись идеями просвѣщеннаго абсолютизма, насколько это было совмѣстимо съ ихъ привычками, традиціями, стремленіями и интересами, и начали политическую и соціальную перестройку сверху, въ то самое время, когда идея политической свободы,— какъ старая, историческая, сословная, аристократическая, такъ и новая, выводившая изъ естественнаго права верховныя права націи въ чисто демократическомъ пониманіи послѣдняго слова,— становилась все болѣе и болѣе популярною прежде всего во французскомъ обществѣ XVIII вѣка. Во всѣхъ трехъ политическихъ направленіяхъ: монархическомъ, аристократическомъ и демократическомъ, мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми общими началами, изъ которыхъ принципъ духовной свободы личности и принципъ общественнаго блага имѣютъ наиболѣе важное значеніе. Философы XVIII в. находятъ среди государей этой эпохи покровителей и поклонниковъ, подражателей и послѣдователей, читающихъ ихъ сочиненія, вступающихъ съ ними въ переписку, спрашивающихъ у нихъ совѣтовъ, повѣряющихъ имъ свои мысли, осуществляющихъ — до извѣстной степени — ихъ требованія и вносящихъ философскій элементъ въ законодательство; но тѣ же философы дѣлаются руководителями и общественнаго мнѣнія, причемъ ими увлекаются не только средніе классы общества, но и аристократія, всегда готовая, однако, вступить на путь консервативной оппозиціи или реакціи, едва дѣло касалось осуществленія новой плебейской философіи. Образован-

ное общество всѣхъ странъ Европы было, хотя бы и совершенно поверхностно, а иногда и болѣе глубокимъ образомъ, задѣто этимъ культурнымъ движеніемъ: философія XVIII в. выходила изъ рамокъ національнаго бытія, и то, что въ ней было общечеловѣческаго, было понятно всѣмъ народамъ, и въ какомъ бы общественномъ классѣ ни находился человѣкъ, онъ — на извѣстной ступени образованія — увлекался въ этой философіи тѣмъ, что соотвѣтствовало вообще запросамъ каждой развитой личности, какъ таковой. Когда началась французская революція, съ самаго своего начала получившая характеръ возвращенія человѣку его естественныхъ, исконныхъ, прирожденныхъ, не подлежащихъ давности правъ, филантропы, патріоты, философы и поэты всей Европы привѣтствовали это событіе, какъ новую зарю лучшаго будущаго для всего человѣчества. Только господство разнузданныхъ страстей, сопровождавшее народныя возстанія, только насилія и преступленія террора, только неудача попытки сразу построить государство и общество на началахъ разума, только революціонныя войны, наконецъ, перешедшія въ войны первой имперіи, лишившей народы ихъ независимости, поколебали вѣру въ идеи XVIII в., поселили въ образованномъ обществѣ разочарованіе и подготовили въ немъ реакцію противъ прежняго увлеченія. Подъ вліяніемъ тѣхъ же событій и королевская власть реставраціонной эпохи отказывается отъ политики просвѣщеннаго абсолютизма, дѣлаясь прямо защитницею старыхъ порядковъ.

2. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма охватываетъ собою періодъ времени отъ вступленія на престолъ „короля-философа“ Фридриха II (1740) до начала французской революціи (1789): это было время, когда королевская власть стала отрѣшаться отъ исключительно

придворно-клерикальныхъ вліяній и разрывать свой тѣсный союзъ съ дворянствомъ и духовенствомъ, заключенный раньше въ ущербъ другимъ классамъ общества, когда она предпринимаетъ реформы въ общемъ духѣ идей XVIII вѣка, признавая своею обязанностью осуществлять общее благо (какъ бы недостаточно и односторонне оно ни понималось въ отдѣльныхъ случаяхъ). Въ эти полвѣка царствуютъ такіе государи и управляютъ такіе министры, какъ Фридрихъ II въ Пруссіи, Іосифъ II въ Австріи, Екатерина II въ Россіи, Густавъ III въ Швеціи, Карлъ-Фридрихъ въ Баденѣ, Леопольдъ (II) въ Тосканѣ, Помбаль въ Португаліи, Тануччи въ Неаполѣ Аранда, Кампоманесъ и Олавидесъ въ Испаніи, Струензэ въ Даніи. Къ этимъ абсолютнымъ монархамъ или всесильнымъ министрамъ, сторонникамъ „просвѣщенія“, можно присоединить еще императрицу Марію Терезію, стоявшую къ духу времени во враждебныхъ отношеніяхъ, но совершавшую преобразованія въ Австріи, далѣе — польскаго короля Станислава Понятовскаго, который думалъ развитіемъ образованія и реформами спасти Польшу отъ гибели, и наконецъ министра-философа во Франціи, физіократа Тюрго. Всѣ они въ большей или меньшей степени были правителями во вкусѣ философовъ XVIII в., пока во Франціи не началось болѣе редикальное движеніе Руссо и энциклопедистовъ, отрицавшихъ всякій абсолютизмъ, тогда какъ представители просвѣщеннаго абсолютизма въ громадномъ большинствѣ случаевъ относились, наоборотъ, съ величайшимъ недовѣріемъ къ участію общественныхъ силъ въ правленіи. Система эта дѣйствовала почти во всѣхъ государствахъ Европы, кромѣ, прежде всего, Голландіи и Англіи, гдѣ предыдущее развитіе осуществило почти все, къ чему стремилось новое движеніе въ другихъ странахъ; далѣе, кромѣ

Польши, въ которой королевская власть была безсильна, а господствовали шляхта и клиръ, и кромѣ Франціи, наконецъ, гдѣ особыя историческія обстоятельства дѣлали систему неприложимой и подготовили другое движеніе, пошедшее снизу и, между прочимъ, направившееся противъ самого абсолютизма.

На исторію просвѣщеннаго абсолютизма (да и на исторію французской революціи) нужно до извѣстной степени смотрѣть, какъ на возобновленіе борьбы, которую государство еще въ средніе вѣка начало противъ католицизма и феодализма, но которая была пріостановлена въ эпоху общей реакціи съ середины XVI по середину XVIII в. Только теперь государство уже не довольствовалось одною политическою сферой, какъ прежде, а стало сокрушать и культурно-соціальное значеніе привилегированныхъ сословій. Съ другой стороны, на этой политикѣ сказалось и дѣйствіе новыхъ идей. Это были именно, во-первыхъ, идея отвлеченной государственности со всѣми выводами изъ естественнаго права государства въ примѣненіи ко всему, что основывалось на правѣ историческомъ, и къ отдѣльнымъ личностямъ, поскольку ихъ стремленія и интересы казались несовмѣстимыми съ государственною пользою, а во-вторыхъ, идея естественныхъ правъ человѣка въ тѣхъ сферахъ жизни, которыя государство считало возможнымъ предоставить личной свободѣ, стѣснявшейся, напр., существованіемъ крѣпостного права или религіозной нетерпимости, теперь признанныхъ и невыгодными для государства, и оскорбляющими естественныя права личности.

Происхожденіе просвѣщеннаго абсолютизма изъ противоположныхъ началъ старой государственности, — безусловно господствовавшей надъ личностью и устранявшей силы общества отъ участія въ собственныхъ его дѣ-

лахъ, — и изъ просвѣщенія, требовавшаго личной и общественной эманципаціи, и стремленія политики, вытекавшія изъ разныхъ принциповъ и интересовъ, были причинами массы противорѣчій и непослѣдовательностей въ самой этой системѣ и въ ея примѣненіи на практикѣ, но тѣ же противорѣчія мы находимъ и въ исторіи французской революціи, особенно въ эпоху господства якобинцевъ, которые также были большіе государственники и въ то же время дѣйствовали подъ знаменемъ философіи XVIII в. При этомъ и представители просвѣщеннаго абсолютизма, и якобинцы были одинаково наслѣдниками старой политической системы по тому произволу, какой допускали въ своихъ дѣйствіяхъ, по отсутствію въ ихъ дѣятельности строгой законности (которая все болѣе и болѣе вырабатывалась въ государственномъ быту Англіи, въ сознаніи, въ нравахъ и въ привычкахъ ея населенія), по неуваженію ихъ къ личной свободѣ. Старыя привычки и традиціи въ той или другой мѣрѣ всегда проникаютъ въ новыя направленія, порождаемыя историческою жизнью: такъ это было въ эпоху реформаціи, такъ оно случилось и въ XVIII в. съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и съ французской революціей. Тѣмъ болѣе это было возможно, что дѣятели просвѣщеннаго абсолютизма не всегда были искренни по отношенію къ новымъ идеямъ, не говоря уже о томъ, что не всегда они и достаточно умѣло проводили въ жизнь эти идеи, не обладая ни нужными знаніями, ни необходимой выдержкой, а между тѣмъ отличаясь большой самонадѣянностью и пренебреженіемъ къ дѣйствительному, не поддѣльному общественному мнѣнію.

Особенности отдѣльныхъ странъ и личныхъ характеровъ государей и министровъ вносили большое разнообразіе въ общую политику просвѣщеннаго абсолютизма:

не одна и та же была у него задача, напр., въ странахъ католическихъ и протестантскихъ. Съ другой стороны, напримѣръ, Фридрихъ II, самъ философъ и политическій писатель, въ культурномъ отношеніи болѣе скептикъ, въ соціальномъ консерваторъ, въ политическомъ реалистъ и практикъ, и Іосифъ II, филантропъ, „революціонеръ на тронѣ“, идеалистъ и неудачникъ, тоже были непохожи другъ на друга, хотя оба были большіе деспоты, оба находились подъ вліяніемъ идей просвѣщенія и оба являются потому представителями одной и той же системы. Успѣхъ и неуспѣхъ ихъ начинаній зависѣлъ отъ ихъ цѣлей, задачъ, пріемовъ и средствъ, но вездѣ имъ приходилось дѣйствовать въ крайне отсталомъ обществѣ, вызывая противъ себя болѣе или менѣе сильную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе успѣшную консервативную — аристократическую и клерикальную—оппозицію, съ которою имъ приходилось бороться обычными пріемами, т. е. не правильнымъ состязаніемъ между политическими партіями, не покушающимися на взаимныя права и свободу (какъ это стало дѣлаться въ Англіи), а путемъ произвола, нарушенія законныхъ правъ, неуваженія къ чужой свободѣ,—все такія явленія, которыя встрѣчаются и въ исторіи французской революціи, какъ одно изъ печальныхъ наслѣдій стараго порядка.

Разсматривая реформы просвѣщеннаго абсолютизма, мы не можемъ не отмѣтить того общаго факта, что въ нихъ все-таки на первомъ планѣ стояло укрѣпленіе государства, какъ общежитія, отстаивающаго себя въ международной борьбѣ, а не общее благо въ смыслѣ большаго подъема и болѣе равномѣрнаго распредѣленія народнаго благосостоянія. Внутри вся дѣятельность правительствъ была направлена на улучшеніе администраціи и финансовъ. Но отъ административныхъ и финансовыхъ реформъ,

равно какъ отъ реформъ въ областяхъ судопроизводства, школы, печати и т. п., какъ ни были они несовершенны, имѣя преимущественно значеніе лишь благихъ начинаній, все-таки вытекали или ожидались благія послѣдствія и для самихъ подданныхъ, матеріальное благосостояніе и духовное развитіе которыхъ стали признаваться за важное государственное дѣло; вмѣстѣ съ тѣмъ стало вноситься и больше гуманности въ уголовное право. Въ католическихъ странахъ эта политика шла рука объ руку съ освобожденіемъ государства и общества отъ тягостныхъ послѣдствій религіозной реакціи, господствовавшей въ нихъ около двухъ вѣковъ, и весьма знаменательно то, что почти одновременно католическіе государи Португаліи, Франціи, Испаніи, Неаполя и Пармы изгоняютъ изъ своихъ странъ іезуитовъ и добиваются у папы уничтоженія самого ордена, и все это въ промежутокъ какихъ-нибудь четырнадцати лѣтъ (1759—1773). Во многихъ отношеніяхъ католическія правительства эпохи стремятся, не измѣняя ни догмы, ни культа, ни церковной организаціи, добиться для себя и для свѣтскаго общества того, что протестантскимъ странамъ дала реформація. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма въ католическихъ странахъ является временемъ давно небывалыхъ столкновеній государства съ церковью, и мы присутствуетъ здѣсь при томъ, какъ ограничивалась власть папы, уменьшалось число духовенства и монастырей, отмѣнялись привилегіи клира, его инквизиціонная власть и книжная цензура, секуляризировалась церковная собственность, отнималось у духовенства исключительное завѣдованіе народнымъ образованіемъ и пр., и пр. Іосифъ II въ Австріи шелъ еще дальше, стремясь превратить священниковъ въ государственныхъ чиновниковъ и даже произвести измѣненія въ самомъ католическомъ богослуженіи, хотя

это уже нарушало принципъ религіозной свободы, который Іосифъ II считалъ одною изъ наиболѣе дорогихъ своихъ идей. (Идея вѣротерпимости нашла еще сторонника въ лицѣ Фридриха II, позволявшаго въ Пруссіи каждому спасаться „на свой манеръ“). Но и французская революція своими церковными мѣрами нарушала религіозную свободу, а при конвентѣ государство даже декретировало новую религію.

Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма государство впервые начинаетъ ограничивать соціальныя привилегіи феодальной аристократіи, хотя въ числѣ просвѣщенныхъ деспотовъ были въ этомъ отношеніи и большіе консерваторы (Фридрихъ II); важнѣе всего, однако, то, что и интересъ государства, получавшаго главную массу налоговъ съ крестьянъ, и новыя идеи права и политики впервые заставили въ XVIII в. королевскую власть болѣе дѣятельнымъ образомъ вмѣшаться въ ту сторону соціальнаго феодализма, которою опредѣлялся крестьянскій бытъ. Въ то время, какъ публицистика ставила крестьянскій вопросъ теоретически, государственная власть приступала къ его практическому разрѣшенію, и особенно сильное вліяніе въ этомъ отношеніи оказала на нее физіократія. Впрочемъ, результаты этой дѣятельности государства до конца эпохи оставались крайне ничтожными, и значительно двинула дѣло впередъ лишь французская революція.

Сравнивая просвѣщенный абсолютизмъ XVIII в. съ абсолютизмомъ реакціоннымъ, господствовавшимъ до самой середины философскаго вѣка, а во Франціи до исхода предпослѣдняго его десятилѣтія, мы не можемъ не признать прогрессивный характеръ этого новаго явленія, сколько бы ни было въ немъ самомъ чертъ, унаслѣдованныхъ отъ эпохи реакціи, какими бы противорѣчіями

оно ни страдало, какъ бы ни незначительны были его начинанія въ области улучшенія народнаго быта и общественнаго образованія. Важно и то, что произволъ не возводился въ принципъ даже такимъ деспотомъ по натурѣ, традиціямъ и положенію, какимъ былъ Фридрихъ II, такъ какъ онъ провозглашалъ и отчасти осуществлялъ въ судебныхъ, по крайней мѣрѣ, порядкахъ своего государства начало законности. Это начало было уже дѣйствительно положено въ основу внутреннихъ отношеній Англіи и ея заатлантическихъ колоній, сдѣлавшихся въ разсматриваемый періодъ великой республикой Соединенныхъ Штатовъ.

3. Королевская власть во Франціи въ теченіе всего вѣка продолжала держаться въ общемъ старой реакціонной политики придворно-клерикальнаго абсолютизма. Между тѣмъ, ни одно государство въ такой мѣрѣ не страдало внутренними противорѣчіями, какъ Франція, и нигдѣ не было такой глубокой пропасти между общественнымъ сознаніемъ и общественными порядками, какъ опять-таки въ этой странѣ. Королевская власть, выступивъ здѣсь на путь соціальныхъ реформъ въ духѣ культурныхъ идей, нашла бы, несомнѣнно, поддержку со стороны интеллигенціи и буржуазіи, но Бурбоны этого не сдѣлали, и въ серединѣ XVIII в. общественное движеніе стало принимать характеръ, уже враждебный королевскому абсолютизму. И старыя привилегированныя сословія, и либеральная буржуазія одинаково начали видѣть въ этой власти узурпацію правъ націи, и чѣмъ больше уходило времени и вмѣстѣ съ этимъ все менѣе и менѣе было надежды на возможность реформы сверху, тѣмъ сильнѣе французское общество проникалось сознаніемъ необходимости и полнаго политическаго преобразованія. Передъ глазами французовъ была ан-

глійская конституція, теорію которой далъ Монтескье въ „Духѣ законовъ“, а потомъ въ качествѣ примѣра, которому слѣдовало подражать, представилось имъ зрѣлище американской націи, учредившей у себя свободное государство.

Въ трехъ странахъ западно-европейской культуры одержалъ побѣду въ три разные періода новой исторіи политическій протестантизмъ и воплотился въ соотвѣтственныя государственныя формы политической свободы: раньше всего это произошло въ Нидерландахъ, отложившихся отъ Испанской монархіи для образованія самостоятельной республики еще въ концѣ XVI вѣка; въ концѣ слѣдующаго столѣтія то же начало взяло верхъ и въ государственной жизни Англіи, благодаря второй ея революціи; менѣе чѣмъ сто лѣтъ спустя, и англійскія колоніи въ Америкѣ, куда переселенцы принесли свободныя учрежденія родины и развили ихъ далѣе на основахъ идей передового пуританизма XVII в., отложились отъ своей метрополіи, нарушавшей ихъ законныя права, и образовали новую республику Соединенныхъ Штатовъ. Въ XVIII в. для французовъ Англія и Америка сдѣлались странами свободы, къ которой они стали стремиться и у себя на родинѣ. Мы уже видѣли, какъ англійскія философскія и политическія идеи повліяли на французскую литературу XVIII в., но нужно еще прибавить, что французы тогдашняго времени любили ѣздить въ Англію и прославляли ея внутреннюю свободу, а послѣ американской войны за независимость, въ которой сами они принимали участіе, они перенесли часть своихъ политическихъ симпатій и на новую свободную націю за Атлантическимъ океаномъ.

Съ самаго начала теоретическаго отношенія къ англійской конституціи, ведущей свое начало изъ XIII вѣка,

еще въ XV столѣтіи, основа ея усматривалась въ принципѣ законности, послѣднюю же противополагали принципу личнаго произвола, о которомъ учили юристы, почерпнувъ его изъ римскаго права. Идею законности развивали въ XVI вѣкѣ кальвинистическіе писатели, ставя законъ выше личной воли правителя. Борьба, которую англійскій парламентъ въ XVII в. велъ противъ стремленія Стюартовъ къ абсолютной власти, тоже сводилась къ борьбѣ за законность противъ произвола. Вторая англійская революція утвердила въ государственной жизни страны этотъ принципъ, и въ XVIII в. Англія была уже образцовою страною законности въ сравненіи съ странами континента. Теоретическое развитіе государственной идеи на материкѣ приводило къ той идеѣ, что пользованіе властью должно быть всегда облечено въ легальныя формы, и, между прочимъ, именно въ этомъ смыслѣ просвѣщенный абсолютизмъ стремился, напр., дать суду независимость отъ администраціи, хотя никому еще не приходило въ голову самую администрацію подчинить контролю независимаго суда, какъ это уже было въ Англіи. Административные нравы XVIII в. представляли собою полное отрицаніе законности, да она и вообще была въ загонѣ при старомъ порядкѣ. Во Франціи существовали еще судебныя учрежденія (парламенты), стоявшія на стражѣ законности, но это были сами учрежденія полуфеодальнаго происхожденія, защищавшія лишь консервативные интересы и особенно ревностно преслѣдовавшіе новыя философскія идеи. Тѣмъ не менѣе на нихъ смотрѣли, какъ на единственную гарантію законности и единственное ограниченіе произвола. Хотя въ сущности парламенты представляли изъ себя наслѣдственное чиновничество, главныя обязанности котораго были судейскія, тѣмъ не менѣе они оказывали

оппозицію правительству и пользовались за это популярностью. Собственно говоря, первый примѣръ сопротивленія королевской власти, приведшаго къ революціи, подали какъ-разъ парламенты. Въ литературѣ идея законности тоже играла видную роль, и напр., сами физіократы, сторонники абсолютизма, мыслили его не иначе, однако, какъ въ формахъ законности, причемъ одинъ изъ нихъ прямо называлъ его le despotisme légal. Но болѣе всего на политическія стремленія французовъ дѣйствовалъ примѣръ Англіи.

На рубежѣ XVII и XVIII вв. завершилось развитіе англійской конституціи посредствомъ политическихъ грамотъ, изъ которыхъ послѣдними были декларація правъ 1689 года и актъ о престолонаслѣдіи 1701 г.: ими утверждались въ Англіи царство закона и отвѣтственность министровъ передъ національнымъ представительствомъ. Монтескье изобразилъ англійскую конституцію, какъ идеалъ государственнаго устройства, наилучшимъ образомъ обезпечивающаго законную свободу, и хотя его политическое построеніе и не вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительнымъ отношеніямъ, существующимъ между англійскими государственными властями, тѣмъ не менѣе его теорія о томъ, что свобода гражданина болѣе всего обезпечивается раздѣленіемъ властей законодательной, исполнительной и судебной между тремя самостоятельными органами, сдѣлалась своего рода политическимъ догматомъ.

Еще большее впечатлѣніе произвела на французовъ американская революція. Колонисты, возставшіе противъ метрополіи, которая ихъ притѣсняла, обратились ко всему цивилизованному міру съ торжественной декларацією правъ, основывая свое отложеніе отъ Англіи на популярныхъ въ то время идеяхъ философіи естествен-

наго права. Хотя принципы демократическаго народовластія уже раньше были осуществлены въ быту этихъ колонистовъ, французскому обществу казалось, что американцы впервые выходятъ изъ рабскаго состоянія, дабы сдѣлаться свободнымъ народомъ на основаніи идей Монтескьё и Руссо, тѣмъ болѣе, что и на самомъ дѣлѣ на эти идеи ссылались конституціи отдѣльныхъ штатовъ.

4. Между тѣмъ, во Франціи въ началѣ царствованія Людовика XVI явился министръ-реформаторъ изъ философовъ XVIII в., одинъ изъ видныхъ представителей школы физіократовъ, Тюрго, человѣкъ иниціативы и широкихъ плановъ. Повидимому, и Франція должна была вступить на путь просвѣщеннаго абсолютизма съ тѣмъ, однако, отличіемъ отъ другихъ странъ, что Тюрго думалъ призвать къ дѣятельности и общественныя силы въ общинномъ и областномъ самоуправленіи, убѣдившись въ негодности старой бюрократической централизаціи. Вообще же имъ задумано было многое такое, что̀ осуществила лишь революція. Придворно-клерикальная оппозиція свергла министра-реформатора, и старый порядокъ продолжалъ существовать почти въ неизмѣнномъ видѣ до тѣхъ поръ, пока само правительство не было вынуждено обратиться къ содѣйствію всей націи съ цѣлью вывести государство изъ печальнаго состоянія, въ какое оно было приведено долговременнымъ господствомъ реакціи. Созывъ Людовикомъ XVI генеральныхъ штатовъ въ 1789 г. послѣ почти двухвѣкового ихъ перерыва былъ началомъ новой эпохи въ исторіи Франціи, а съ нею и всей Западной Европы, такъ какъ начавшаяся въ 1789 г. французская революція получила не только мѣстное, но и универсальное значеніе. Исторія XIX в. на западѣ Европы, или исторія новѣйшаго времени начинается, какъ съ основного своего факта, съ француз-

ской революціи и съ вліянія, какое она оказала на континентальныя страны. Съ той общей точки зрѣнія, на которой мы стоимъ въ настоящемъ очеркѣ, намъ не приходится говорить много о значеніи революціи для самой Франціи. Отмѣтимъ только, что, низвергая прежній порядокъ, революція въ то же время завершала дѣло, начатое старой монархіей, но оставленное ею въ эпоху культурной и политической реакціи, — дѣло, за которое брался, хотя не такъ рѣшительно, какъ революція, и просвѣщенный абсолютизмъ въ другихъ странахъ, именно дѣло окончательной ликвидаціи средневѣкового католико-феодальнаго строя, дабы создать изъ прежнихъ сословій одну безсословную націю. Правда, отъ революціи въ соціальномъ отношеніи выигралъ только одинъ классъ общества (буржуазія), но было бы несправедливо утверждать, будто она ничего не сдѣлала и для народа. Старая династія, оказавшаяся неспособною исполнить эту задачу дефеодализаціи общественнаго строя, сама передавала ея практическое разрѣшеніе въ руки націи, въ которой проявилось стремленіе стать въ рядъ свободныхъ странъ и подобно Англіи и Америкѣ осуществить въ своей жизни начала личной и политической свободы. Взявъ на себя выполненіе задачи, оставшейся неисполненною при старой монархіи, революція, однако, унаслѣдовала отъ предшествовавшаго режима многіе его идеи и пріемы послѣ кратковременнаго періода, когда сдѣлана была попытка осуществленія конституціонной монархіи. На время во Франціи утвердилась республика, и въ ней захватила власть въ свои руки партія якобинцевъ, которая въ сущности лишь возстановляла произволъ и неуваженіе къ личной свободѣ, какими отличался старый порядокъ. Привычки и нравы, привитые обществу прежнимъ режимомъ, взяли верхъ надъ стрем-

леніемъ къ свободѣ и къ законности, тѣмъ болѣе, что внутренняя оппозиція консервативныхъ элементовъ и внѣшняя опасность со стороны анти-революціонной коалиціи, создали необходимость защиты новаго гражданскаго строя, основаннаго на демократическомъ равенствѣ, а это требовало диктатуры. Ее-то и захватила сначала партія якобинцевъ, состоявшая изъ крайнихъ представителей государственнаго принципа, а потомъ взялъ въ свои руки счастливый полководецъ, который установилъ въ странѣ военный деспотизмъ, впрочемъ, напоминающій многими своими чертами политику просвѣщеннаго абсолютизма. Если Франція не добилась осуществленія личной и политической свободы, и ея первая республика и имперія Наполеона I наименѣе напоминаютъ конституціонную Англію и свободную Америку, то въ соціальномъ отношеніи Франція преобразилась въ безсословную и демократическую націю, въ которой окончательно исчезли послѣдніе слѣды соціальнаго феодализма. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи французская революція пошла дальше просвѣщеннаго абсолютизма, но въ томъ же направленіи, покончивъ съ сословнымъ началомъ феодализма, и сдѣлала попытку опередить самоё Англію съ ея правящими классами на пути осуществленія идеала демократическаго общества, взявъ за образецъ новую заатлантическую республику. Примѣръ, поданный французами, оказался заразительнымъ для сосѣднихъ странъ, гдѣ демократическіе элементы общества сдѣлались сторонниками Франціи и ея новыхъ порядковъ. Въ послѣдніе года XVIII в. Франціи даже удалось организовать нѣсколько демократическихъ республикъ изъ старыхъ монархій или аристократій и повсюду ввести свои порядки: таковы были республики Батавская (Голландія), Цизальпинская (Ломбардія), Лигурійская (Генуя), Рим-

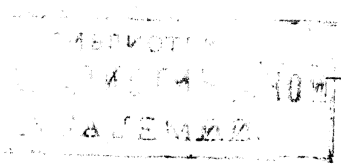
ская (Папская область), Гельветическая (Швейцарія), Партенопейская (Неаполитанское королевство), не говоря уже объ увеличеніи Франціей своей собственной территоріи. Консульство и имперія Наполеона I, бывшія для самой Франціи результатомъ начавшейся въ ней политической реакціи противъ демократіи, во внѣшней политикѣ продолжали играть роль революціонной пропаганды, поскольку содѣйствовали распространенію и утвержденію въ другихъ странахъ французскихъ общественныхъ порядковъ, основанныхъ на гражданскомъ равенствѣ. Само конституціонное движеніе было лишь на время задержано военнымъ деспотизмомъ Наполеона, опиравшагося, однако, на народномъ избраніи, и если монархическая конституція 1791 г. не просуществовала послѣ окончательнаго своего утвержденія и полнаго года, то въ исторіи Франціи она не была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ опытомъ организаціи власти и свободы на новыхъ началахъ, осуществившихся въ англійскомъ и американскомъ государственномъ устройствѣ и провозглашавшихся политическими писателями XVIII в. Наконецъ, эта конституція была первою не только для Франціи, но и для всей Западной Европы, гдѣ, какъ извѣстно, временемъ перехода къ конституціонному режиму была первая половина XIX вѣка послѣ паденія имперіи Наполеона.

Въ самомъ началѣ французская революція провозгласила въ особой „декларації“ права человѣка и гражданина, которая была потомъ предпослана конституціи 1791 г., какъ предпосылалась и впослѣдствіи съ измѣненіями и дополненіями конституціямъ жирондистской (проекту), якобинской 1793 г. и такъ называемой „III года (1795)“. Эта знаменитая декларація, заключавшая въ себѣ основные принципы всего тогдашняго законо-

дательства и провозглашавшаяся повсемѣстно, гдѣ только совершались демократическіе перевороты конца XVIII в., была формулировкой требованій индивидуализма новаго времени и попыткою вывести весь общественный и государственный строй изъ правъ личности. Послѣ нея двѣ новыя декларації 1793 г. (жирондистская и якобинская) изъ этихъ же правъ выводили и обязанности общества по отношенію къ личности, указавъ на необходимость заботиться о матеріальномъ благосостояніи и духовномъ развитіи гражданъ. Если отъ революціи наиболѣе выиграло третье сословіе, то на тѣ же права человѣка и гражданина стало ссылаться въ XIX в. и новое, „четвертое сословіе“ въ своей борьбѣ за лучшія условія жизни. Понятно, что такое крупное событіе должно было сильно всколыхнуть все французское общество и, сообразно съ существованіемъ въ немъ разныхъ экономическихъ классовъ, затронуть соціальные вопросы первостепенной важности. Не слѣдуетъ, однако, думать, что всѣ эти вопросы въ первый только разъ подняты были въ эту эпоху или чтобы имъ было дано тогда же удовлетворительное теоретическое, а тѣмъ еще болѣе практическое разрѣшеніе: наиболѣе трудныя свои задачи XVIII вѣкъ большею частью завѣщалъ слѣдующимъ историческимъ эпохамъ и ближайшимъ образомъ XIX столѣтію, уже имѣющему и свою длинную исторію.

Исторія человѣчества есть жизнь и движеніе: преходящи тѣ формы и направленія, въ которыхъ они происходятъ, преходящи эпохи реформъ и реакцій, переворотовъ и застоя, преходящи и роли отдѣльныхъ народовъ въ этомъ процессѣ—непреходяща только духовная и матеріальная природа человѣческой личности, непреходяще ея стремленіе къ истинѣ и справедливости, осуществляющее культурный и соціальный прогрессъ

среди искаженій, которымъ, къ сожалѣнію, неизбѣжно подвергаются всѣ новыя явленія исторіи, и среди противодѣйствій, встрѣчаемыхъ ими со стороны явленій отживающихъ, хотя и стремящихся увѣковѣчить себя въ жизни общества. Но культурный и соціальный прогрессъ самъ въ себѣ заключаетъ и условія для исправленія сдѣланныхъ ошибокъ и для предупрежденія ошибокъ возможныхъ въ будущемъ, — не иначе, однако, какъ при помощи того опыта, который даетъ историческая жизнь и выясняетъ историческая наука. Для современнаго культурнаго человѣчества особенно важенъ опытъ передовой его части — народовъ Западной Европы и особенно въ послѣдніе вѣка ихъ исторіи, когда произошло пробужденіе личнаго самосознанія и подъ его вліяніемъ совершились духовныя и общественныя движенія, вытекавшія изъ несознанныхъ и сознанныхъ стремленій личности къ болѣе совершеннымъ культурнымъ и соціальнымъ формамъ.



СОДЕРЖАНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ ТОМОВЪ

„ИСТОРІИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ“.

Приводимъ здѣсь общее оглавленіе „Исторіи Западной Европы въ новое время“ съ указаніями на то, какимъ частямъ первыхъ трехъ ея томовъ главнымъ образомъ соотвѣтствуютъ отдѣльныя главы „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“. Въ указанной въ предисловіи „Учебной книгѣ новой исторіи“ совѣтуемъ обращаться за справками преимущественно къ общимъ характеристикамъ эпохъ съ болѣе описательнымъ (фактическимъ) характеромъ, чѣмъ въ этой книжкѣ. (Для феодализма, сословной монархіи и средневѣкового міросозерцанія отсылаемъ къ „Учебной книгѣ исторіи среднихъ вѣковъ“).

Томъ I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени.

1) *Политическія и соціальныя отношенія въ концѣ среднихъ вѣковъ.* Западно-европейская исторія.—Католицизмъ и феодализмъ.—Культурно-соціальная исторія [1]).—Феодальное устройство.—Муниципальный бытъ.—Сословно-представительныя учрежденія.—Великая хартія.—Возникновеніе парламента.—Права парламента.—Королевская власть во Франціи.—Политическое раздробленіе Германіи.—Политическіе вопросы новаго времени [2]).—Крѣпостничество во Франціи.—Эпоха освобожденія французскихъ крестьянъ.—Положеніе нѣмецкихъ крестьянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.—Соціальный строй Англіи.—Церковное землевладѣніе.—Цеховое устройство промышленности.—Начало денежнаго хозяйства.—Общественный характеръ литературы.—Положеніе личности въ обществѣ [3]).

2) *Культурное состояніе общества въ концѣ среднихъ вѣковъ.* Католическая церковь и свѣтское общество.—Отношеніе католицизма къ личности.—Политическая оппозиція противъ церкви.—Зарожденіе литературной оппозиціи противъ католицизма [4]).—Средніе

---

[1]) Соотвѣтствуетъ „вступленію“.

[2]) Эти главы соотвѣтствуютъ главѣ II.

[3]) Резюмировано въ главѣ I.

[4]) Обобщено въ главѣ III.

вѣка и классическая древность. — Петрарка, какъ первый гуманистъ.—Гуманистическое значеніе Боккаціо.—Главные итальянскіе гуманисты. — Ренессансъ внѣ Италіи. — Гуманистическая мораль.— Гуманистическая политика. — Гуманистическая наука [5]). — Упадокъ папства и монашества. — Суевѣрія и злоупотребленія религіей. — Обличенія духовенства въ литературѣ.—Неудача соборной реформы.— Предшественники реформаціи.—Внѣ-церковныя силы въ дѣлѣ религіозной реформы.—Общественное значеніе религіозныхъ движеній.— Главные общіе выводы [6]).

Томъ II. Исторія XVI и XVII вѣковъ.

1) *Реформаціонное движеніе и католическая реакція.* Изученіе реформаціоннаго періода.—Политическое состояніе Германіи въ началѣ XVI вѣка.— Культурная борьба и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.— Карлъ V и его обще-европейская политика.—Лютеръ до отпаденія отъ церкви.—Эпоха вормскаго сейма.—Начало религіозной реформаціи въ Германіи.—Рыцарское возстаніе. — Происхожденіе крестьянской войны.—Крестьянская война и ея программы.—Сектантство и соціальныя движенія.—Нѣмецкіе князья и лютеранская реформація.— Происхожденіе кальвинизма. — Характеръ и историческое значеніе кальвинизма.—Монархическія реформаціи первой половины XVI в.— Народныя реформаціи второй половины XVI в.—Столкновеніе двухъ реформацій въ Англіи.—Принципы протестантизма [7]).—Общій взглядъ на католическую реакцію.—Орденъ іезуитовъ.—Культурныя слѣдствія католической реакціи.—Католическая политика, Филиппъ II и Елизавета Англійская.—Нидерландская революція.—Религіозныя войны во Франціи и нантскій эдиктъ [8]).—Взглядъ на экономическую исторію Западной Европы въ XVI в.

2) *Тридцатилѣтняя война, французскій абсолютизмъ и англійскія революціи.* Политическія противоположности XVI и XVII вѣковъ. — Реакція въ Германіи и происхожденіе тридцатилѣтней войны.—Тридцатилѣтняя война.—Утвержденіе абсолютизма во Франціи.—Организаціонная работа французской монархіи. — Тюдоры и парламентъ.—Политика Стюартовъ и столкновенія Іакова I съ парламентомъ. — Карлъ I, Страффордъ и Лоудъ. — Долгій парламентъ, кавалеры и круглоголовые.—Выступленіе индепендентовъ.—Устано-

---

[5]) Положено въ основу главы IV.

[6]) и [7]) Конецъ I тома и начало II резюмированы въ двухъ главахъ—V и VI.

вленіе республики въ Англіи. — Историческая роль Оливера Кромвеля. — Политическая и соціальная исторія англійской республики. — „Вѣкъ Людовика XIV“. — Характеръ, идеи и политическое поведеніе Людовика XIV. — Правительственная система Людовика XIV. — Внѣшняя политика Людовика XIV [9]). — Реставрація Стюартовъ. — Вильгельмъ Оранскій и вторая англійская революція. — Англійскіе религіозныя и политическія идеи.

Томъ III. Исторія XVIII вѣка.

1) *Старые порядки и новыя идеи.* Изученіе исторіи XVIII вѣка. — Сущность „старыхъ порядковъ“. — Періодъ королевскаго абсолютизма. — Остатки феодальныхъ учрежденій. — Англійскій парламентъ въ XVIII вѣкѣ. — Личная и общественная свобода въ XVIII вѣкѣ. — Аристократія и буржуазія въ XVIII вѣкѣ. — Крестьянскія отношенія въ XVIII вѣкѣ. — Разложеніе цеховой организаціи. — Связь „старыхъ порядковъ“ съ внѣшней политикой [10]). — Происхожденіе и общій характеръ „просвѣщенія“ XVIII вѣка. — Жизнь и идеи Вольтера. — Монтескье и его политическая теорія. — Руссо, его характеръ и идеи. — Дидро и энциклопедисты. — Политическія ученія и общественныя идеи XVIII вѣка. — Отношеніе публицистики XVIII вѣка къ народу. — „Просвѣщеніе“ XVIII вѣка внѣ Франціи [11]).

2) *Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція.* Общій характеръ просвѣщеннаго абсолютизма. — Страны просвѣщеннаго абсолютизма и его представители. — Фридрихъ II и прусская политика. — Воспитаніе и характеръ Фридриха II. — Политическія идеи и правительственная дѣятельность Фридриха II. — Марія-Терезія и Іосифъ II. — Іозефинизмъ и консервативная оппозиція. — Реформы въ области администраціи, финансовъ, суда и культурной жизни. — Государственная власть и католическая церковь во второй половинѣ XVIII вѣка. — Реформы въ области сословныхъ отношеній и крестьянскаго быта. — Мѣстное и европейское значеніе революціи. — Царствованіе Людовика XV. — Тюрго и неудача его реформъ. — Франція наканунѣ революціи. — Созывъ генеральныхъ штатовъ и наказы 1789 года. — Первые мѣсяцы революціи. — Монархія и нація въ

---

[8]) и [9]) На второй половинѣ II тома преимущественно основана вся VII глава.

[10]) Соотвѣтствуетъ главѣ VIII.

[11]) Вмѣстѣ съ „англійскими религіозными и политическими идеями“ (въ концѣ II тома) служитъ основою IX главы.

1789—91 гг.—Принципы индивидуальной свободы и народовластія въ законодательствѣ конституанты.—Преобразованія общественнаго строя Франціи въ эпоху революціи.—Переходъ Франціи къ республикѣ.—Жирондисты и якобинцы. — Борьба партій въ конвентѣ и терроръ.—Законодательство конвента.—Внѣшнія побѣды и внутреннее безсиліе Франціи въ эпоху директоріи [12]).

Томъ IV. Первая треть XIX вѣка.

1) *Вступленіе.* Исторія XIX вѣка и ея изученіе.—Вліяніе французской революціи на Европу.—Исходъ революціи по отношенію ко внутренней жизни Франціи.

2) *Эпоха консульства и имперіи.* Наполеоновская эпоха и ея исторіографія.—Наполеонъ до 1799 г.—18 брюмера и наполеоновскія конституціи.—Внутренняя политика консульства и имперіи.—Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I.—Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ наполеоновскую эпоху.—Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи. — Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I.—Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ.

3) *Эпоха реставраціи.* Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи.—Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи.—Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы. — Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи. — Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи.—Реакціонная политика во Франціи въ эпоху реставраціи.—Борьба французскаго либерализма противъ реакціи. — Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX вѣка. — Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 года.

4) *Соціальная исторія первой трети XIX вѣка.* Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX вѣка и ея изученіе.—Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX вѣка. — Перемѣны въ промышленномъ быту Западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.—Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса. — Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями.—Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка.

---

[7]) Вторая половина III тома заключаетъ въ себѣ фактическій матеріалъ главы X.

Томъ V. Середина XIX вѣка.

1) *Іюльская революція.* Общій взглядъ на состояніе Западной Европы передъ іюльской революціей.—Іюльская революція.—Вліяніе іюльской революціи на Европу.—Парламентская реформа въ Англіи.—Торжество буржуазіи послѣ 1830 г.

2) *Тридцатые и сороковые годы.* Борьба съ революціей во Франціи въ тридцатыхъ годахъ. — Внѣшняя политика іюльской монархіи. — Реакція тридцатыхъ годовъ въ Германіи. — Общій очеркъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. — Англійское законодательство тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. — Чартистское движеніе въ Англіи. — Французскій либерализмъ временъ іюльской монархіи.—Французскій соціализмъ и коммунизмъ временъ іюльской монархіи.—Идеи и настроеніе французской демократіи временъ іюльской монархіи. — Нѣмецкій литературный и философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. — Нѣмецкія экономическія и соціальныя ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.—Славянское возрожденіе, панславизмъ и мессіанизмъ.

3) *Революція 1848 года.* Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г. — Министерство Гизо и февральская революція. — Начало второй республики и іюньскіе дни. — Нѣмецкая революція 1848 г. и франкфуртскій парламентъ.—Паденіе нѣмецкой революціи и конецъ франкфуртскаго парламента.—Славянская, венгерская и итальянская революціи.—Французская конституція 1848 г. и декабрьскій переворотъ.

4) *Пятидесятые и шестидесятые годы.* Общая реакція пятидесятыхъ годовъ. — Господство Наполеона III въ Европѣ и во Франціи.—Объединеніе Италіи.—Объединеніе Германіи.—Англія до второй парламентской реформы, — Крестьянскія реформы середины XIX в. — Соціальное движеніе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.—Умственный переворотъ средины XIX вѣка.

Въ книжномъ складѣ при типографіи М. М. Стасюлевича (Спб., Вас. Остр., 5 линія, 28)

ИМѢЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ **Н. И. КАРѢЕВА:**

Исторія Западной Европы въ новое время. Цѣна т. I — 2 р.; тт. II, III и IV по 3 р. 50 к., т. V—5 р.

Основные вопросы философіи исторіи. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Ц. 4 р.

Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Ц. 1 р.

Введеніе въ изученіе соціологіи. Ц. 2 р.

Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Ц. 1 р.

Польскія реформы XVIII в. Ц. 1 р. 25 к.

Литературная эволюція на Западѣ. Ц. 2 р.

Политическая исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Ц. 1 р.

Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 7-е. Ц. 50 к.

Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Ц. 40 к.

Идеалы общаго образованія. Ц. 50 к.

Учебная книга древней исторіи Съ историческими картами. Ц. 1 р. 20 к.

Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Ц. 1 р. 20 к.

Учебная книга новой исторіи. Изд. 2-е. Съ историческими картами. Ц. 1 р. 30 к.

Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Ц. 50 к.